

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Дронова Дарья Алексеевна

**ВЫБОР БРАЧНОГО ПАРТНЕРА В ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ В
ТАНЗАНИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Специальность: 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
М.Л. Бутовская

Москва — 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. История формирования индийской диаспоры в Танзании.....	34
1.1. Первые торговые контакты между Южной Азией и Восточной Африкой.....	35
1.2. Столетие развития индийской общины: путь от Оманского султаната до независимого государства.....	36
1.3. Постколониальный период в истории восточноафриканских индийцев.....	44
Глава 2. Социо-культурная характеристика индийской диаспоры в Танзании.....	56
2.1. Особенности выбора брачного партнера среди индуистов.....	56
2.1.1. Региональная специфика.....	56
2.1.2. Три типа организации брака. Региональное деление и кастовая иерархия.....	59
2.1.3. Правила заключения брачного союза.....	64
2.1.4. Правовые нормы регулирования брачного поведения.....	70
2.1.5. Возраст вступления в брак.....	73
2.2. Повседневная жизнь индийского квартала в Дар-эс-Саламе.....	75
2.3. Происхождение и миграционная история респондентов.....	83
2.4. Кастовая и религиозная характеристика исследованной выборки.....	86
2.5. Языковая ситуация и образование представителей индийской диаспоры в Танзании по данным наших опросов.....	90
2.6. Нормы брачного поведения в индийской диаспоре в Танзании и проблема смешанных браков с местным населением.....	95

Глава 3. Этологические аспекты выбора брачного партнера.....	106
3.1. Предпочтения в выборе брачного партнера у мужчин и женщин в индийской диаспоре Танзании.....	106
3.2. Соотношение обхвата талии к бедрам как критерий женской привлекательности у индийцев Танзании.....	119
3.3. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индийцев Танзании: экспериментальные данные с использованием стимульных изображений.....	123
Заключение.....	136
Список литературы.....	142
Приложение 1.....	173

Введение

Актуальность темы исследования. В течение последних десятилетий танзанийское общество претерпевает трансформацию во всех сферах жизни: политической, экономической и социальной. Правительством Танзании предпринимаются усилия по формированию единой танзанийской нации. Не последняя роль в этом процессе отводится акцентированию на африканскости и индигенности в противовес танзанийцам неафриканского происхождения, наиболее многочисленной группой среди которых являются индийцы. Современные социально-экономические и политические преобразования оказывают непосредственное влияние на комплекс семейно-брачных отношений в танзанийском обществе, в том числе и в индийской диаспоре. Данный исследовательский проект направлен на то, чтобы выяснить предпочтения мужчин и женщин при выборе брачного партнера на примере представителей индийской диаспоры Танзании. Актуальность темы обусловлена тем, что ранее не были изучены специфические особенности брачного поведения индийцев Танзании. В последние годы эволюционные психологи проводят многочисленные исследования о выборе брачного партнера, пытаясь выявить универсальные и культурно обусловленные критерии для поиска будущего супруга. Определение предпочитаемых характеристик потенциального/ой супруга/и при выборе брачного партнера является наиболее значимой проблемой изучения репродуктивного поведения и воспроизводства. Набор выявленных характеристик показывает кого выбирают, а кто лишается возможности оставить свои гены в будущем потомстве. Некоторые характеристики потенциального брачного партнера являются эволюционировавшим решением адаптивных проблем, например, умение выбирать наиболее фертильного или желающего инвестировать в совместное потомство партнера. Проведение с течением времени повторных исследований предпочтений в выборе брачного партнера позволяет выявить направление и скорость изменений культурных ценностей. По этим

причинам изучение предпочтений качеств потенциальных брачных партнеров является важной задачей как сегодня, так и в будущем. Ряд исследований демонстрирует различия в предпочтениях у представителей индустриальных и доиндустриальных обществ. В связи с происходящими процессами, обусловленными влиянием западной культуры в индийском обществе, в частности, в индийской диаспоре Танзании, практикуются различные варианты выбора брачного партнера. Нам представляется, что изучение выбора брачного партнера представителями индийской диаспоры в Танзании внесет вклад в дискуссию о природе человеческих предпочтений и роли полового отбора в этом процессе. Мы полагаем, что данные, собранные в Танзании, позволят продвинуться научному сообществу в определении универсальных (видоспецифичных) и культурноспецифичных составляющих предпочтений при выборе брачного партнера в человеческих популяциях.

Степень разработанности темы. В силу междисциплинарности поставленной задачи в рамках данной работы большое внимание будет уделено изучению эволюционных основ брачного поведения человека. Наш выбор пал на индийскую диаспору в Танзании по ряду причин: ее относительной замкнутости по отношению к местному населению и наличию социо-культурных особенностей выбора брачного партнера. В работе будет сделан акцент на эволюционных составляющих репродуктивного поведения индийцев Танзании в контексте представлений о половом отборе и адаптивных механизмах мужских и женских брачных стратегий.

Антропологи, этологи, эволюционные психологи на протяжении многих десятилетий исследуют принцип действия механизма полового отбора и выбор брачного партнера, в частности, как одно из его направлений. Ч.Дарвин (1859) в своем знаменитом труде «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» изложил основополагающие идеи естественного отбора – происходит отбор на выживание особей, наиболее приспособленных к

окружающей среде, а значит с высокими адаптивными свойствами. В последующей работе Ч. Дарвин (1871) описывает суть теории полового отбора, которая подразумевает преимущества не в плане выживаемости, а в успешности спаривания с другой особью, что также является эволюционной адаптацией. Существует два пути, по его мнению, способствующие половому отбору: внутривидовой (конкуренция между особями одного пола) и межвидовой отбор (выбора полового партнера). Идеи Ч. Дарвина подверглись резкой критике современниками и какое-то время были неостребованными. С увеличившимся количеством генетических исследований и оформлением популяционной генетики как направления в науке связано возрождение идей дарвинизма. Р. Фишер, обобщив накопленные материалы по популяционной генетике, показал, что генетика является фундаментом для эволюционной теории. Эти выводы Р. Фишер (1930) опубликовал в 1930 г. в труде «Генетическая теория естественного отбора», где также сформулировал концепцию уклоняющегося отбора, объясняющую выбор полового партнера на основе определенных привлекательных признаков, возможно даже противоречащих эволюционной адаптации. Более детально это явление описано им в виде гипотезы «сексуально привлекательных сыновей». Но эти идеи также не получили широкого распространения вплоть до выхода работы Р. Трайверса (1972) в 1972 г. о родительском вкладе в потомство. Р. Трайверс продемонстрировал, что в зависимости от родительского вклада в потомство мужчина и женщина выбирают разные варианты репродуктивного поведения. Родительский вклад оценивается с точки зрения ресурсов, под которыми подразумеваются период вынашивания и вскармливания детей, энергетические затраты и другие формы поведения, связанные с заботой и воспитанием детей, затрачиваемые в ущерб собственной выживаемости и возможной репродукции. С этих позиций женщина вносит значительно больший вклад в совместное потомство, имеет большую заинтересованность в выживании своих детей в отличие от мужчин, которые из-за неуверенности в отцовстве выбирают

иные стратегии, позволяющие иметь как можно больше потомства с минимальными энергетическими затратами. Значительный вклад в изучение механизмов выбора брачного партнера с точки зрения психологии человека внес эволюционный антрополог Д. Саймонс. Он предложил теорию сексуальных стратегий, суть которой изложил в опубликованном в 1979 г. труде «Эволюция человеческой сексуальности» (Symons 1979). Д. Саймонс написал, что мужчины и женщины имеют разные предпочтения в выборе брачного партнера в силу психологических различий, сформировавшихся в ходе эволюции. В конце XX в. Д. Басс и Д. Шмитт продолжили дальнейшее развитие теории сексуальных стратегий, в частности проанализировали факторы, лежащие в основе предпочтений и их действие в разных экологических и культурных условиях. Они обсуждали вопросы гендерных различий и гендерного сходства в психологии сексуального поведения человека, в контекстах краткосрочных и долгосрочных отношений между полами. Исследователи обратили внимание на контекстно-зависимые изменения в стратегиях сексуального поведения в зависимости от индивидуальных, социальных и экологических качеств, таких как ценность партнера, стратегия жизненного пути, соотношение полов в популяции, гендерное экономическое неравенство и культурные нормы. В рамках представлений Д. Басса и Д. Шмита, предпочтения человека в выборе партнера являются продуктом сложных адаптивных стратегий, разработанных в ходе эволюции (Buss, Schmitt 1993). Выводы о том, что используемые стратегии (а также предпочтения партнеров) зависят от множества факторов, таких как пол, временной контекст (т.е. сколько времени индивид намерен продолжать отношения и вкладывать в них свои ресурсы), индивидуальные различия (например, ценность партнера, личность) и культурный контекст подтвердились как в работах Д. Басса и Д. Шмитта, так и других исследователей (Buss 1994; Buss, Schmit 1993; Gangestad, Simpson 2000; Schmitt, Fuller 2015). Ряд работ показал, что представления относительно определенных качеств потенциального

супруга/и влияют на выбор брачного партнера (Fletcher et al. 1999; Li et al. 2013; Thibaut, Kelley 1959). Более того, принятое решение о выборе партнера имеет определяющее значение с точки зрения эволюционных перспектив для выживания и последующего появления потомства, поскольку наследуемые черты обоих родителей влияют на генетическое качество их детей (Betzig 1998; Plomin et al. 2008). Таким образом, стратегически важно оценить наследуемые черты потенциальных брачных партнеров, которые отвечают за их репродуктивную успешность (Thornhill, Gangestad 1996). Определенные наблюдаемые фенотипические признаки помогают сделать вывод об основных чертах способности успешного воспроизводства будущего потомства потенциальным брачным партнером (Miller, Todd 1998). Следовательно, выбор брачного партнера происходит путем наблюдения и определения этих сигналов, сообщающих о возможности создания благополучного брачного союза с обладателем наблюдаемых качеств с целью воспроизводства здорового потомства. Это могут быть, например, ресурсный вклад и родительская забота как прямые и наследуемые сигналы; биологические сигналы – фертильность и здоровье – как косвенные признаки. Ряд исследований показывает какие именно сигналы, параметры потенциального супруга/и являются важными при выборе брачного партнера. Накопленные знания показывают, что мужчины в среднем больше, чем женщины предпочитают физически привлекательных, здоровых и фертильных женщин в качестве брачных партнеров, в то время как женщины в среднем больше, чем мужчины, предпочитают характеристики, указывающие на способность мужчин приобретать и вкладывать свои ресурсы в нее и их общее потомство (Buss 1989; Buss 1999; Csajbok, Berkics 2017; Feingold 1990; 1992; Fletcher et al. 1999; Kenrick et al. 1993; Li, Kenrick 2006; Mealey 2000). Уровень фертильности женщин снижается более высокими темпами с возрастом, чем у мужчин. Поэтому мужчинам стратегически более выгодно оценивать признаки, сигнализирующие о молодости партнерши (например, такие как физическая привлекательность),

чем женщинам. Довольно много работ с большим количеством доказательств посвящено изучению маркеров привлекательности – симметрия лица, усредненность лица, состояние кожи, соотношение талии и бедер у женщин и др. (Jones et al. 2001; Jones et al. 2004; Little et al. 2001; Schultz 1969; Singh 1993a, b; Singh 1994). Эти сигналы дают возможность оценить здоровье, устойчивость к болезням и стабильность развития организма (Jones et al. 2004; Thornhill, Gangestad 1994; Thornhill, Moller 1997). Мета-анализ показал, что общая симметрия тела была связана с сексуальным успехом для обоих полов, но мужчины чаще ассоциировали симметрию с привлекательностью, чем женщины (Moller, Thornhill 1998). Женщины, как упоминалось ранее, были более мотивированы, чем мужчины, учитывать объем ресурсов, которые их партнер может и готов предоставить для семьи. Это следует из теории родительского вклада, согласно которой минимальные обязательные инвестиции женщин в потомство значительно больше, чем у мужчин (Trivers 1974). В этом кроется объяснение предпочтения женщинами социальных навыков и качеств, сигнализирующих о способности и готовности мужчин делиться своими ресурсами (Csajbok, Berkics 2017; Li et al. 2013; Li, Kenrick 2006). Такими ресурсами могут быть защита от опасностей, кров и питание, предоставляемые мужчинами своей семье, в то время как женщины имеют ограниченный доступ к этим ценностям из-за длительного периода беременности или ухода за маленькими детьми (Trivers 1974). Ряд сигналов при выборе партнера являются важными для обоих полов. К ним относятся параметры, демонстрирующие меньшие половые различия, в том числе, играющие определяющую роль в воспроизводстве потомства и последующем его воспитании: уровень интеллекта и образования, чувство юмора, предприимчивость, доброта, заботливость, надежность (Buss 1994; Miller, Todd 1998). Девушки склонны придавать большее значение наличию высокого уровня образования, интеллекта, материального положения потенциального постоянного партнера (Pawlowski, Koziel 2002; Dunbar, Waynforth 1995). Эти характеристики выступают не только как залог

разносторонних, насыщенных эмоционально и событийно отношений между партнерами, но и его больших возможностей обеспечить “богатую” как финансовую, так и ценностно-образовательную основу для развития детей, что, безусловно, положительно сказывается на качестве жизни потомства и его жизненном успехе. Интерес представляют данные о том, что мужчины с более высоким уровнем дохода менее склонны бросать семью и ребенка (Kaplan, Lancaster 2000: 185). Человеческое потомство зависит от совместных усилий обоих родителей, поэтому такие характеристики сигнализируют о ценных прямых преимуществах потенциального партнера для обоих полов.

Большинство результатов исследований по выбору партнера были получены для европейских выборок, поэтому ученые поставили вопрос о том, насколько имеющиеся данные соотносятся с представлениями традиционных обществ о предпочтениях в выборе брачной пары. Стало очевидным, что необходимо проведение исследований среди представителей доиндустриальных обществ по этим же тематикам с использованием уже апробированных методов. Оказалось, что некоторые критерии привлекательности важные для западных популяций могут быть менее значимыми в традиционных обществах. На западных выборках проведен целый пул исследований, посвященных изучению влияния показателя длины тела и полового диморфизма по росту в супружеской паре на выбор постоянного полового партнера. Анализ репрезентативной выборки, которая составила 1102 респондента из трех европейских стран (Германии, Австрии и Великобритании) (Fink et al. 2007), показал, что представители обоих полов выражают ростовые предпочтения потенциального брачного партнера, ориентируясь на показатели своего собственного роста. Авторы исследования пришли к выводу, что это свойственно для всех европейских сообществ (доказано на четырех странах: Германия, Австрия, Польша и Великобритания). При этом также нашло подтверждение предпочтение нормы «мужчина-выше-женщины» («male-taller-norm») для западных

популяций (Gillis, Avis 1980). Накопленные материалы показали, что в целом, во всех популяциях мужчины выше женщин, однако, половой диморфизм по росту имеет разную степень выраженности и на это оказывает влияние как культурная среда, так и филогенетическое развитие конкретного общества (Holden, Mace 1999). Проведенные исследования среди доиндустриальных обществ показали иную картину, отличную от индустриальных обществ в отношении выраженности полового диморфизма по росту в брачной паре и предпочтений в плане нормы «мужчина-выше-женщины» (Baqui et al. 1994; Lee 1979; Pollet, Nettle 2008; Sear et al. 2004; Sear 2006; Sear, Marlowe 2009; Sorokowski et al. 2013).

Степень важности критериев женской привлекательности разрабатывает в работах Д. Сингха (Singh 2002; 2004; 2006). Он доказывает, что оценка привлекательности женщины только по ее массе тела или по индексу массы тела является ошибочной. Более точным показателем исследователь считает соотношение талии к бедрам. При этом коэффициент соотношения разнится в зависимости от экологических условий проживания того или иного общества. Д. Сингх отмечает, что более привлекательным для женщины является более низкое соотношение талии к бедрам по сравнению с таковым у мужчины в пределах одной популяции. В обществах, где испытывают недостаток в пище, более полные женщины могут считаться привлекательными. Кроме того, Д. Сингх ставит вопрос о необходимости создания отдельной «теории тела» для более детального изучения женской привлекательности и, в частности, для изучения роли соотношения талии к бедрам, индекса массы тела и массы тела в эстетике женского и мужского тела (Singh 2002).

В другой работе, также ставшей в наши дни классической, Д. Басс поднял вопрос о релевантности данных о гендерных различиях выбора брачного партнера в случае браков по сговору родителей (Buss 1989). Индия как раз является страной, где традиционно браки организовывались

исключительно родителями. Несмотря на то, что они выбирают брачного партнера для своих детей, наличие предпочтений, ассоциированных с репродуктивными стратегиями, имеет место. В обществах с организованными браками сыновья и дочери могут оказывать влияние на выбор будущего супруга, выражая свое мнение открыто или прибегая к помощи различных хитростей (O'Kelly, Carney 1986).

С конца XX в. ученые обратились к проблеме удовлетворенности браком в зависимости от типа системы выбора брачного партнера – самостоятельного выбора супругов или организованного родителями брака. Подобные исследования проводились во многих странах, в которых практиковались и практикуются браки по сговору родителей. Тем не менее, общего знаменателя не было найдено. Так было показано, что период ухаживания, совместное проживание до брака и тип способа выбора брачной пары минимально коррелирует с удовлетворенностью браком среди молодых супружеских пар в Израиле (Shachar 1991). Авторы другого исследования сравнили уровень удовлетворенности браком и качеством взаимоотношений между тремя группами супружеских пар: 1. индийцев, имевших брак по сговору; 2. индийцев, сделавших самостоятельный выбор супруга; 3. американских супружеских пар. Оказалось, что максимальные оценки удовлетворенностью браком и более теплые отношения характерны для индийских пар, которым родители подобрали супруга/у (Yelsma, Athappilly 1988). На китайской выборке были получены противоположные результаты (Xu, Whyte 1990). Китайки указывали на большую удовлетворенность брачным союзом в случае самостоятельного выбора супруга. Таким образом, общий массив публикаций по теме удовлетворенности браком с учетом типа выбора брачного партнера (самостоятельный или организованный родителями) делится на три блока в зависимости от полученных результатов: 1. качество брака оценивается выше при самостоятельном выборе супруга/и, чем при браке по сговору (Allendorf, Ghimire 2013; Demir, Fisiloglu 1999;

Hortaçsu 1999, 2007; Lev-Wiesel, Al-Krenawi 1999; Pimentel 2000; Xu, Whyte 1990); 2. качество брака оценивается выше в организованном браке, чем при самостоятельном выборе (Gupta, Singh 1982; Yelsma, Athappily 1988); 3. не наблюдается достоверной разницы в оценках удовлетворенностью браком в зависимости от типа выбора брачного партнера (Hoelter et al. 2004; Myers et al. 2005; Regan et al. 2012; Shachar 1991; Schwartz 2007). Из вышеперечисленного следует вывод, что культурные детерминанты в сочетании с универсальными стратегиями оказывают существенное влияние на выбор брачного партнера во всех обществах. Одни и те же качества потенциального брачного партнера в разных культурных средах могут иметь различную или даже противоположную эволюционную адаптацию и, соответственно, социокультурную интерпретацию.

Однако в одном из недавних исследований удовлетворенности браком в зависимости от типа выбора брачного партнера (самостоятельно или по сговору родителей), проведенном в Бангладеш, акцент был сделан на возможности для женщин оказывать влияние на выбор будущего супруга (Flicker et al. 2019). Стоит оговориться, что в данном случае участниками опроса были только женщины. Результаты показали, что женщины, по крайней мере на начальных этапах брака, оказывающие влияние на выбор брачного партнера независимо от типа брака (организованного или самостоятельного решения), оценивают брачные отношения как более счастливые. По мнению авторов исследования, существует, по меньшей мере, два процесса, вследствие которых возможность влиять на выбор брачного партнера соотносится с более высоким качеством брака, близостью, страстью и привязанностью друг к другу. Во-первых, возможность наложить вето на нежелательных кандидатов значительно снижает вероятность оказаться в паре с непонравившимся партнером (Xu, Whyte 1990). Во-вторых, сама идея о том, что партнер имел возможность наложить вето, но не сделал этого, может способствовать созданию условий, повышающих вероятность

развития любви и повышения качества брака. Если женщина имеет большее влияние на выбор партнера, (а) ее партнер может чувствовать себя уверенным, что она приняла его, несмотря на ее способность наложить вето, и (б) она также может считать, что ее партнер одобрил ее, несмотря на его способность отвергнуть ее. В супружеских парах, у которых отсутствовала возможность повлиять на выбор партнера, взаимная симпатия и связь с партнером может устанавливаться в течение более продолжительного времени.

Международный проект по изучению универсальных и культурно специфических характеристик репродуктивного поведения, в котором мы принимаем участие, начал свою работу в 2015 г. В результате сформирована обширная база данных по 45 культурам (Sorokowski et al. 2017), что позволило провести анализ и получить ряд важных выводов. Опубликованы материалы о степени влияния диадического преодоления трудностей в супружеской паре на удовлетворенность браком в зависимости от этнической и гендерной принадлежности (Hilpert et al. 2016). Данные по 33 странам демонстрируют, что такие предикторы как пол, возраст, религиозность, экономический статус, образование, коллективистские установки на индивидуальном уровне связаны со степенью удовлетворенности браком в разных культурах и, возможно, имеют универсальный характер (Dobrowolska et al. 2020). Однако продолжительность брака, количество детей и валовой внутренний продукт (ВВП) не являются предикторами удовлетворенности браком – 96% разницы в уровне удовлетворенности браком объяснялись индивидуальными факторами и только 4% были связаны со странами. В совокупности результаты показывают, что индивидуальные различия оказывают большее влияние на удовлетворенность браком по сравнению со страной происхождения. Показано, что ассортативность браков может объяснить формирование структуры ковариации признаков потенциального брачного партнера, и такие ковариации характерны для всех изученных

выборки по 45 странам (Conroy-Beam et al. 2019). Также с помощью моделей выбора брачного партнера проверен общий знаменатель интеграции предпочитаемых качеств потенциального партнера при оценке и реальном выборе у представителей 45 стран (Conroy-Beam et al. 2019). Используя единую методику сбора данных для 45 культур, был проведен анализ предпочтений мужчин и женщин относительно выбора брачного партнера с позиций эволюционно-психологического подхода и теории биосоциальных ролей (Walter et al. 2020). Получили подтверждение межкультурные гендерные различия в оценке предпочитаемых характеристик потенциального полового партнера: мужчины больше, чем женщины, предпочитают привлекательных партнерш младше себя, а женщины достоверно чаще, чем мужчины, выбирают более старших относительно своего возраста партнеров с хорошими финансовыми перспективами. В рамках теории биосоциальных ролей не удалось объяснить связь гендерных различий в брачных предпочтениях ни с распространенностью патогенов (смертность в результате инфекционных и паразитарных заболеваний), ни с гендерным равенством (составной компонент Индекса гендерного развития, состоящий из нескольких показателей расширения прав и возможностей женщин и неравенства полов). Выявлена культурная универсальность применения теоретической конструкции любви для индустриальных обществ (Sorokowski et al. 2021). Временная динамика степени выраженности компонентов любви (близость, страсть, обязательство) подтверждает правомерность использования трехкомпонентной теории любви в будущих исследованиях. Так, страсть, как правило, линейно снижалась с увеличением продолжительности отношений, в то время как близость демонстрировала положительную линейную тенденцию, указывая на рост со временем. В целом результаты исследований международной коллаборации антропологов позволили продвинуться в понимании взаимосвязей между эволюционными и культурными факторами, обеспечивающими формирование брачных

стратегий в конкретной культуре на фоне единых общечеловеческих характеристик полового поведения мужчин и женщин.

В нашей стране тематику репродуктивного поведения с позиций эволюционной теории разрабатывает научная группа под руководством член-корр. РАН, д.и.н., профессора М.Л. Бутовской. Результаты многолетних исследований вносят существенный вклад в разработку теории полового отбора. Выпущены работы по изучению выбора брачного партнера у представителей индустриальных и традиционных обществ: универсальных и культурно специфических критериях, различиях в мужском и женском репродуктивном поведении, сексуальных стратегий (Бутовская, Смирнов 2003; Бутовская 2004а, б; 2006; 2013; Бутовская и др. 2008;). Отдельные публикации отражают результаты исследований биосоциальных маркеров, оказывающих влияние на выбор брачного партнера, в том числе морфологические показатели (Бутовская и др. 2012; Бутовская и др. 2016; Бутовская, Мезенцева 2018). Также затрагиваются вопросы репродуктивного успеха как мужчин, так и женщин (Бутовская 2011; Бутовская, Буркова 2011). Особое внимание уделяется поиску различий и сходств в репродуктивном поведении индустриальных и традиционных обществ (Butovskaya et al. 2017; Butovskaya et al. 2020).

Вопросы изучения исторического формирования и развития индийской диаспоры в Танзании освещены в ряде работ отечественных ученых. В 1972 г. вышла работа Л.А. Демкиной «Национальные меньшинства в странах Восточной Африки» (Демкина 1972). В 1978 г. последовала монография А.Д. Дридзо, В.И. Кочнев и И.М. Семашко «Индийцы и пакистанцы за рубежом», где выходцам из Индии и Пакистана в Африке отведена отдельная глава (Дридзо и др. 1978). А.Д. Дридзо также опубликовал серию работ об индийской общине Тринидада и Ямайки (Дридзо 1974; 1975; 1976; 1977; 1978). Значительный вклад в изучение современного положения индийской общины внесли материалы двух сезонов

экспедиции российских антропологов в Объединенную республику Танзания в 2003 г. (Саватеев 2005) и в 2005 г. (Коротаев, Деминцева 2008) под руководством член-корреспондента РАН, доктора исторических наук Д.М. Бондаренко. В трудах Д.М. Бондаренко, Э.С. Львовой, А.В. Коротаева, Д.А. Халтуриной, М.Л. Бутовской, Д.А. Дроновой освещалась тематика взаимоотношений представителей индийской диаспоры с местным афротанзанийским населением, а также поднимались вопросы установок по выбору брачного партнера среди африканского студенчества. Стоит отметить монографию И.Ю. Котина «Побеги баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры», вышедшую в 2003 г., в которой рассматриваются вопросы эмиграции индийцев за рубеж и формирование там индийских диаспор, в том числе и в Восточной Африке. Этот труд невольно отсылает нас к монографии Х. Тинкера «Дерево баньяна», являющейся одной из знаковых работ по истории южноазиатской диаспоры. И.Ю. Котин защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации по этой тематике. В 2010 г. В.А. Усов опубликовал монографию «Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошрое, настоящее, будущее» о социо-экономических отношениях индийской общины с Африкой и Индией. Среди трудов зарубежных коллег важным представляется сборник «Индийцы за рубежом. Азия и Африка» под редакцией А. Гупта, вышедший в 1971 г. Сравнительно недавний труд 2010 г. «Индийская диаспора в Африке: Сравнительная перспектива», соавторами которого являются А. Бисвас и А. Дубей, исследует современные отношения индийской диаспоры Восточной Африки с Индией, пути их плодотворного экономического развития. Серьезный вклад в изучение социокультурных процессов индийской диаспоры в Восточной Африке, начиная с середины XX в., внесли такие авторы: Р.Г. Грегори, Д. Гупта, Л.В. Холлингсворт, Дж.С. Мангат, Р. Нагар, Г. Онк.

Объект исследования – современная индийская диаспора Танзании.

Предмет исследования – брачное поведение представителей индийской диаспоры в Танзании.

Цель исследования – анализ этологических и социокультурных аспектов выбора брачного партнера в индийской диаспоре в Танзании.

Для достижения поставленной цели в работе решается ряд исследовательских **задач**:

1. Изучить историю формирования индийской диаспоры в Восточной Африке.
2. Исследовать современное социальное положение представителей индийской диаспоры в Танзании.
3. Исследовать социокультурные особенности выбора брачного партнера в индийской диаспоре в Танзании.
4. Проанализировать с точки зрения эволюционной теории стратегии выбора брачного партнера индийцев Танзании. Выявить наиболее важные качества, лежащие в основе выбора постоянного полового партнера по мнению мужчин и женщин.
5. Оценить с позиций эволюционной теории предпочтения мужчин-индийцев Танзании относительно индекса обхвата талии к бедрам женщин как параметра женской привлекательности.
6. Проанализировать предпочтения в соотношении длины тела между партнерами в брачной паре у представителей индийской диаспоры в Танзании.

Хронологические рамки. Исследование проводилось с 2010 по 2020 гг. Экспедиционные выезды совершались с 2010 по 2013 гг. и с 2018 по 2019 гг. В общей сложности было проведено 8 полевых сезонов.

Территориальные границы исследуемого региона охватывают Объединенную республику Танзания. Полевая работа велась в городах Дар-эс-Салам, Аруша, Букоба, Занзибар. Анкетные данные собирались в г. Дар-эс-Салам, во всех вышеперечисленных локациях были проведены углубленные интервью с респондентами.

Научная новизна. Впервые в мировой практике проведено углубленное изучение выбора брачного партнера среди представителей индийской диаспоры в Танзании. Выбор этнической группы не случаен и обусловлен несколькими факторами. Во-первых, индийцы продолжают сохранять элементы традиционной культуры в той степени, насколько это позволяют условия принимающей страны, а также следовать ее правилам, в том числе и в матримониальных отношениях. Безусловно, индийская диаспора не изолирована от влияния западной культуры, но, тем не менее, предпочитает им устоявшиеся в течение столетий свои нормы поведения. Во-вторых, нашими респондентами стали не жители Индии, а представители индийской диаспоры в Танзании. То есть это люди, оторванные от страны происхождения, хотя сохраняющие с ней культурную связь, и проживающие в окружении иного этнического сообщества, являющегося коренным населением на данной территории.

Согласно стратегиям выбора брачного партнера мужчины и женщины ориентируются на разный набор характеристик потенциального/ой супруга/и. Эти характеристики считаются универсальными при выборе брачного партнера. Но важными так же остаются социокультурные факторы, которые привносят свою специфику в процесс формирования предпочтений при выборе брачного партнера. Вклад социокультурных факторов наиболее весом в обществах, где сильны социальные институты и традиции. В этой связи представляет научный интерес изучение брачных предпочтений среди индийцев, проживающих вне пределов Индии в условиях иноэтничной среды. Это позволит выяснить меняются ли мужские и женские

предпочтения относительно выбора будущего супруга в зависимости от среды проживания одной и той же этнической группы. Также решение поставленных в данной работе исследовательских задач поможет внести ясность в механизмы формирования предпочтений тех или иных качеств предполагаемого брачного партнера в эволюционной перспективе. Кроме того, комплексный подход к изучению предпочтений при выборе брачного партнера позволит выявить специфические особенности и универсальные критерии у представителей индийской диаспоры.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы диссертационного исследования, их систематизация, типологизация, анализ и полученные результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов, учебных пособий, учебников, учтены при подготовке работ, посвященных эволюционным основам поведения человека, выбору брачного партнера, истории формирования индийской диаспоры в Танзании и истории индийско-танзанийских взаимоотношений, в курсах лекций и спецкурсах по этологии человека, физической антропологии, социо-культурной антропологии. Данные этологических исследований, проведенных в рамках настоящего исследования, могут быть применены для обоснования имеющихся в научном обороте данных и построении дальнейших исследований, а также внести вклад в развитие эволюционной теории. Дополнить имеющиеся знания, ввести в научный оборот новые эмпирические данные для доказательства научных гипотез, связанных с ролью полового отбора в жизни современных популяций человека.

Методология и методы исследования. Для выполнения данного исследовательского проекта был применен междисциплинарный подход. Достижение поставленной цели и решение выделенных задач потребовало применения методов социальной антропологии, психологии, истории и этологии человека.

Был проведен анализ литературных источников, позволивший описать историю формирования индийской диаспоры в Танзании, выявить ее основные социальные, демографические, экономические черты и установить ее современное положение. Большой блок литературы дал возможность определить контекст этнологических исследований, объяснить их актуальность с точки зрения современных позиций и провести сравнительный анализ с полученными нами результатами.

Анкетирование. Одним из основных методов сбора полевого материала было выбрано проведение анкетирования. Анкетный лист подготовлен нами на основе анализа литературы по рассматриваемой проблематике. Вопросы анкеты распределены на блоки и сформулированы таким образом, чтобы была возможность провести сравнительный анализ с ранее полученными результатами исследований по сходной тематике. В частности, были использованы материалы двух сезонов экспедиции российских антропологов в Объединенную республику Танзания в 2003 г. (Саватеев 2005) и в 2005 г. (Коротаев, Деминцева 2008) под руководством член-корреспондента РАН, доктора исторических наук Д.М. Бондаренко.

Анкета включает ряд демографических вопросов: гендерная принадлежность, возраст, семейное положение, финансовая обеспеченность, кастовая и религиозная принадлежность. Три основных блока направлены на выявление специфических особенностей и биологических установок по выбору брачного партнера. Первая часть опросного листа включает вопросы относительно времени переезда семьи респондента в Танзанию, поддержание контактов с родственниками за пределами Танзании, языковой ситуации, возраста вступления в брак и отношение к ранним бракам, количества детей в семье, отношения к западной культуре и ценностям; ряд вопросов, касающихся культурных составляющих поиска постоянного брачного партнера: кому принадлежит инициатива выбора супруга/супруги, каким способом осуществляется поиск, рассматриваются ли в качестве

потенциальных брачных партнеров представители других этнических групп, отношение к периоду предсвадебного общения, оптимальный возраст вступления в брак и разница в возрасте между потенциальными супругами, кастовые предпочтения, социальный статус семье, место проживания после заключения брака. Практически все вопросы были закрытого типа, за исключением вопросов, предполагающих ответ в виде числа и перечисление названия языков общения. Во втором блоке респондентам были предложены 27 характеристик потенциального брачного партнера, которые нужно было оценить по степени важности выраженности по шкале от 1 до 3, где 1 наивысший балл. Этот блок позволил выявить гендерные различия в предпочитаемых характеристиках потенциального брачного партнера.

Следующий этап сбора полевого материала проводился с помощью стимульных изображений, разработанных ранее Д. Сингхом (Singh 1993a, b). Респондентам предлагалось оценить с точки зрения привлекательности фигуры 12 женщин с индексом обхвата талии к бедрам, равным 0,7; 0,8; 0,9; 1,0 для каждого из трех уровней массы тела (пониженной, соответствующей норме, избыточной). Ответы ранжировались по трем степеням: очень привлекательная, привлекательная и наименее привлекательная.

На последнем этапе мы использовали вариант анкеты, разработанный Дж. Шеппердом и А. Стравманом (1989), позднее дополненный Б. Павловским (2003) и П. Сороковским совместно с М.Л. Бутовской (2012). На листе бумаги расположены шесть стимульных изображений романтических пар мужчина-женщина в порядке уменьшения полового диморфизма по росту, который представлен следующими пунктами: 1,19; 1,14; 1,09; 1,04; 1,0; 0,96. Респондентам предлагалось выбрать две пары мужчина-женщина из изображенных шести силуэтов. Первая – отражала предпочтения индийцев относительно соотношения роста в брачной паре, а вторая демонстрировала реальную ситуацию, сложившуюся у респондента в жизни: разницы длины тела между мужем и

женой. Кроме того, требовалось указать гендерную принадлежность, возраст, свой рост.

Интервьюирование. Практически со всеми респондентами, у которых были собраны опросные листы, были проведены интервью с разной степенью углубленности. Кроме того, собран значительный объем записей интервью в разных городах Танзании, что позволило составить более полную картину сложившейся ситуации относительно выбора брачного партнера, выявить дополнительные факторы и учесть мнения респондентов.

Фото- и видеофиксация. Во время каждого полевого выезда активно велась фото- и видеосъемка, что позволило сформировать визуальный материал об индийской диаспоре.

Статистический анализ собранных данных проведен с использованием пакета программ SPSS-23 и включает следующие методы: распределения частот, корреляционный анализ, главные компоненты, тест Хи-квадрат (χ^2). В разделе 3.1. метод распределения частот позволил дать количественную характеристику собранных данных. Метод корреляционного анализа использовался для определения взаимосвязи ряда характеристик. Для установления главных факторов, определяющих выбор брачного партнера как у мужчин, так и у женщин, был использован метод главных компонент. Каждый из полученных факторов объединяет переменные с высокой степенью взаимосвязи между собой. С помощью теста Хи-квадрат (χ^2) проверялась зависимость между полученными главными компонентами, описывающими критерии выбора брачного партнера, и религиозной принадлежностью респондентов с разбивкой по полу. Анализ полученных данных в разделе 3.3 проводился с применением методов распределения частот (позволил выявить распределение в процентном выражении как предпочтений по выраженности полового диморфизма в брачной паре, так и реальных ситуаций), описательной статистики, Хи-квадрат и дисперсионного анализа.

Выборка. Анкетирование проводилось в г. Дар-эс-Салам (Танзания) среди представителей индийской диаспоры. Общее число респондентов составило 315 человек. Из них 164 мужчины и 151 женщина. Возрастной разброс составил от 17 до 78 лет. Средний возраст – 38,8 лет ($SD=12,3$). По религиозной принадлежности респонденты разделились следующим образом: приверженцев индуизма было 202 человека, ислама – 104 человека, 9 респондентов не указали религиозную принадлежность. Несмотря на то, что все респонденты сейчас живут в г. Дар-эс-Салам, родились в Танзании 182 человека, в Индии – 117 респондентов и 7 человек в других странах (Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания, Йемен, Пакистан).

В разделе 3.2. данного диссертационного исследования для проведения анализа использовалась только мужская выборка, которая составила 130 мужчин-индийцев в возрасте от 17 до 77 лет (средний возраст – 39 лет, $SD=12,3$).

Для исследования, описанного в разделе 3.3. настоящей работы, было опрошено 105 человек в г. Дар-эс-Салам, из которых 51 мужчина и 54 женщины. Возрастной диапазон составил от 19 до 65 лет, а средний возраст – 39 лет ($SD=11,20$). Длина тела у мужчин по самоопределению варьируется в пределах от 152 до 189 см (среднее значение 171 см при $SD=0,313$), у женщин – от 150 до 180 см (среднее значение 161,5 см при $SD=0,290$). Все респонденты по этнической принадлежности являются индийцами. Среди опрошенных приверженцами индуизма и ислама оказались 55,2% и 43,8%, соответственно (1% не указал свою религиозную принадлежность).

Положения, выносимые на защиту:

1. Кастовая принадлежность продолжает играть важную роль в выборе брачного партнера в индийской диаспоре в Танзании. Несмотря на происходящие социально-экономические преобразования в обществе и

связанные с этим изменения брачного поведения, каста является одним из важных критериев при рассмотрении потенциального супруга/и.

2. В индийской диаспоре в Танзании усиливается тенденция самостоятельного выбора брачного партнера молодыми людьми, но с учетом мнения родителей. Наряду с этим продолжают функционировать браки поговору, когда родители осуществляют выбор потенциального партнера, также повышается уровень участия в этом процессе молодых людей, а родители прислушиваются к пожеланиям своих детей.

3. Большинство представители индийской диаспоры не готовы заключать брачный союз с танзанийцами африканского происхождения, а также не рассматривают подобную возможность для своих детей.

4. Существующие гендерные различия в выборе брачного партнера между мужчинами и женщинами индийской диаспоры в Танзании согласуются с предсказаниями теории сексуальных стратегий. Индийцы-мужчины склонны уделять больше внимания репродуктивным характеристикам женщины, оценивая физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье, а также качества заботливой матери и хозяйки. Женщины выражают большую заинтересованность в качествах потенциального супруга, демонстрирующих способность обеспечить ресурсами ее и их общих детей.

5. Предпочтения относительного полового диморфизма по росту в брачной паре у представителей индийской диаспоры не соотносятся ни с индустриальными, ни с доиндустриальными обществами. Характерная для индустриальных обществ норма «мужчина-выше-женщины» в супружеской паре в этой группе ярко выражена, но длина тела самого респондента не коррелирует с выбором силуэта пары с определенным половым диморфизмом по росту в отличие от данных по европейским культурам.

Возможно выделение среднего варианта между двумя представленными категориями.

6. Предпочтения мужчин-индийцев относительно соотношения обхвата талии к бедрам у женщин соответствует универсальным представлениям, согласно которым для женщин репродуктивного возраста европеоидного происхождения оптимальным является соотношение обхвата талии и бедер в интервале от 0,67 до 0,80. Мужчины-индийцы в большей степени предпочитали женщин с нормальной массой тела и индексом обхвата талии к бедрам равным 0,7 и 0,9.

7. Индийская диаспора в Танзании является самодостаточной и отделенной от местного африканского населения. Не происходит процессов инкультурации в среде принимающего сообщества. Индийцы сформировали привычную для себя культурную среду, схожую со страной происхождения.

Степень достоверности и апробации результатов исследования.

Достоверность научных положений и результатов диссертационной работы подтверждается их сопоставимостью с результатами исследований других авторов; внутренней непротиворечивостью логики исследования; значительным объемом и репрезентативностью выборки; адекватностью выбранных методов для решения цели и задач исследования; проверкой количественных данных с помощью соответствующих математических анализов.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в 32 научных публикациях, в том числе 12 статьях из списка ВАК и индексируемых в международных базах данных RSCI, WOS, Scopus и 2 главах в коллективных монографиях, обсуждены на 19 российских и международных конференциях:

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индийцев: экспериментальные данные с использованием стимульных изображений // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 230–246.
2. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Предпочтения в выборе брачного партнера у мужчин и женщин в индийской диаспоре Танзании // Вестник антропологии. 2020. № 3(51). С. 120–135.
3. Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.
4. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Выбор брачного партнера в современном индийском обществе и половой отбор // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 6. С. 46–66.

Статьи в журналах, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus:

5. Sorokowski P., Sorokowska A., Karwowski M., Groyecka A., Aavik T., Akello G., Alm C., Amjad N., Anjum A., Asao K., Atama C.S., Duyar D.A., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bizumic B., Boussena M., Buss D.M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Çetinkaya H., Chabin D., Conroy-Beam D., Croy I., Cueto R.M., Czub M., **Dronova D** et al. Universality of the triangular theory of love: adaptation and psychometric properties of the triangular love scale in 25 countries // The Journal of Sex Research. 2021. Vol. 58(1). P. 106-115. (Scopus)
6. Walter K.V., Conroy-Beam D., Buss D.M., Asao K., Sorokowski A.A., Czub M., Frackowiak T., Niemczyk A., Oleszkiewicz A., Pisanski K., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Lindholm T., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Duyar I., Özener B., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Kennair L.E.O., Bensafia A., Bizumic B., Lennard G.R., Mckerchar S.L., Monaghan C., Boussena M., Butovskaya M., **Dronova D.** et al. Sex differences in mate preferences across 45 countries: A

large-scale replication // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31(4). P. 408-423.
<https://doi.org/10.1177/0956797620904154> (Scopus)

7. Dobrowolska M., Groyecka-Bernard A., Sorokowski P., Randall A.K., Hilpert P., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błazejewska M., Bodenmann G., Bortolini T., Bosc C., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David D., David O. A., Dileym F.A., Espinosa A.C.D., Donato S., **Dronova D.** et al. Global Perspective on Marital Satisfaction // *Sustainability*. 2020. Vol. 12(8817). (WoS, Scopus)

8. Conroy-Beam D., Roney J.R., Lukaszewski A.W., Buss D.M., Asao K., Sorokowska A., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bertoni A., Bizumic B., Boussena M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Cetinkaya H., Croy I., Cueto R.M., Czub M., Donato S., **Dronova D.** et al. Assortative mating and the evolution of desirability covariation // *Evolution and Human Behavior*. 2019. Vol. 40 (5). P. 479-491. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2019.06.003> (Scopus)

9. Conroy-Beam D., Buss D.M., Asao K., Sorokowska A., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bizumic B., Boussena M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Cetinkaya H., Croy I., Cueto R.M., Czub M., **Dronova D.** et al. Contrasting Computational Models of Mate Preference Integration Across 45 Countries // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9(1). P. 1-13. doi:10.1038/s41598-019-52748-8 (WoS, Scopus)

10. Sorokowski P., Randall A.K., Groyecka A., Frackowiak T., Cantarero K., Hilpert P., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błazejewska M., Bodenmann G., Bortolini T.S., Bosc C., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David D., David O.A., Domínguez

Espinosa A.C., Donato S., **Dronova D.** et al. Marital Satisfaction, Sex, Age, Marriage Duration, Religion, Number of Children, Economic Status, Education, and Collectivistic Values: Data from 33 Countries // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8(1199). doi: 10.3389/fpsyg.2017.01199 (Scopus)

11. Butovskaya M., Sorokowska A., Karwowski M., Sabiniewicz A., Fedenok J., **Dronova D.**, Negasheva M., Selivanova E., Sorokowski P. Waist-to-hip ratio, body-mass index, age and number of children in seven traditional societies // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7. P. 1622. (WoS, Scopus)

12. Hilpert P., Randall A.K., Sorokowski P., Atkins D.C., Sorokowska A., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błażejewska M., Bodenmann G., Borders J., Bortolini T.S., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David O.A., DeLongis A., Dileym F.A., Doínguez Espinosa A.D.C., Donato S., **Dronova D.** et al. The Associations of Dyadic Coping and Relationship Satisfaction Vary between and within Nations: A 35-Nation Study // *Frontiers in psychology*. 2016. Vol. 7(1106). DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01106 (Scopus)

Главы в монографиях:

13. Дронова Д.А. Матримониальные объявления как способ выбора брачного партнера // *Человек и социум: от конкуренции к толерантности (проблемы социальной интеграции)* / под ред. М.Л. Бутовской, Ю.Н. Феденюк. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 124-157.

14. Dronova D.A. Historical memory and current status of Indians in Tanzania // *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / Edited by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 369-385.

Статьи в журналах и сборниках:

15. Дронова Д.А. Соприкосновение двух культур: представители индийской диаспоры и танзанийцы африканского происхождения (г. Дар-

эс-Салам, Танзания) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: ООО "Издательство Ипполитова", 2018. С. 312–318.

16. Дронова Д.А. Особенности выбора брачного партнера в Индии // Этнические традиции перед вызовами глобализации в условиях кризиса. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 3-4 декабря 2009 г. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 29-37.

17. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Соотношение объема талии к бедрам как критерий женской привлекательности у индийцев Танзании // Эволюционная и сравнительная психология в России: Теория и практика исследований / Под ред. И.А. Хватова, А.Н. Харитонов. М.: Когито-Центр, 2017. С. 265-269.

18. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Гендерные различия в оценке физических характеристик при выборе брачного партнера в индийском обществе // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н.А. Дубова. М.-Одинцово: Изд-во "Одинцовский гуманитарный институт", 2010. Т.2 С. 200-208.

19. Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Миханджо Э. Современные тенденции в выборе брачных партнеров у студентов-африканцев и отношение к традиционным установкам на продолжение рода и многодетность // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании: Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.) / Отв. ред. А.В. Каратаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 168–195.

20. Butovskaya M.L., **Dronova D.A.**, Mihandzho E. Modern Tendencies of a Permanent Partner's Choice among the African Students and their

Attitudes to Procreation and Multi-child Families // Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Cultural Dimensions. Edited by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Moscow: KD "LIBROCOM", 2009. P. 55-84.

Тезисы докладов:

21. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Мы и они: индийская диаспора в г. Дар-эс-Салам (Танзания) // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва. 2-5 июля 2013 г. / редкол. М.Ю. Мартынова, Л.А. Лопуленко, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 269.

22. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Длина тела как индикатор привлекательности на примере представителей индийской диаспоры Танзании // 5-ая международная конференция «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. 6-8 ноября 2013 г. Москва. Тезисы / Отв. ред. А.П. Бужилова, М.В. Добровольская, М.Б. Медникова. М.: ООО ИТЕП, 2013. с. 36.

23. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Брачные предпочтения среди представителей индийской диаспоры (Танзания, Дар-эс-Салам) // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы доклада. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 290

24. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Матримониальные отношения индийцев диаспоры Танзании (Дар-эс-Салам) // Африка в условиях смены парадигмы мирового развития XII Конференция африканистов. Тезисы докладов. Учреждение Российская академия наук Институт Африки РАН, Научный совет по проблемам стран Африки, 2011. С. 119-120.

25. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Выбор брачного партнера в Индии на примере прессы // Тезисы докладов VIII Конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург (1-5 июля 2009). Оренбург, Изд.центр ОГАУ, 2009. С. 451.

26. Дронова Д., Бутовская М. Выбор партнера в современной Индии как отражение кастовой стратификации // Пятая международная

конференция "Иерархия и власть в истории цивилизаций". Москва, 23-26 июня 2009. Москва, Институт Африки РАН, 2009. С. 8

27. Дронова Д. Фактор «внешность» в выборе партнера в индийском обществе // Международная научно-практическая конференция "Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа". 28-29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. М.: Параллели, 2009. С. 37

28. Dronova D., Butovskaya M. The height preferences in romantic pairs for representatives of Indian Diaspora // Human Ethology. 2019. 34(Suppl.), HES18. [https:// doi.org/10.22330/he/34/suppl](https://doi.org/10.22330/he/34/suppl)

29. Dronova D.A. The Current Situation of the Indian Diaspora in Tanzania // Abstract book "State–Building in Africa: Prospects and Challenges". 1st Social Scientists' Conference Dar es Salaam, March 4th– 7th, 2019. P. 70.

30. Dronova D., Butovskaya M. Partner choice preferences in Indian diaspora in Tanzania (Dar-es-Salam) // Summer Institute in Human Ethology. Prague, Czech Republic, 5-9 July 2011. P. 80

31. Dronova D., Butovskaya M. The choice of marriage partner in India // 20th Biennial Congress of the International Society for Human Ethology (August 1-5, 2010). Madison, Wisconsin USA, 2010. P. 34-35.

32. Dronova D., Butovskaya M. Permanent partner choice in modern Russia // Human Ethology Summer School, July 17 – 21, 2007. Max-Planck-Institute, Andechs, Bavaria, Germany, 2007. P. 53

Конференции: участие 31 марта и 1 апреля 2021 г. в научном российско-индийском вебинаре "Preservation of Cultural Heritage", организованном Управлением международного сотрудничества РАН совместно с Индийским советом по исследованиям в области общественных наук при поддержке Посольства Республики Индия в Москве с докладом

«Preservation of Traditional Values by the Indian Diaspora in Tanzania» в соавторстве с М.Л. Бутовской.

Участие в международной конференция «New Actors and Diaspora as Important Factors in Africa's International Relations and Development», организованной 29 ноября 2012 г. в г. Мумбаи Центром африканских исследований, Университет Мумбаи, Индия и Институтом Африки РАН, Москва, Россия, с докладом «Indian Diaspora in Tanzania: connection with native land».

Также доклады представлены на молодежных конференциях (Москва 2009; 2017), конгрессах антропологов и этнологов России (Москва 2003; Оренбург 2009; Петрозаводск 2011), Алексеевских чтениях (Москва 2010; 2013), конференциях африканистов (Москва 2009; Москва 2011; Дар-эс-Салам 2019), этнологических школах (Андекс, Германия 2007; Задар, Хорватия 2019), конференциях европейских обществ по изучению поведения человека (Прага, Чехия 2011; Мэдисон, штат Висконсин, США 2010) и других тематических конференциях (Москва 2009; Рязань 2017; Москва 2017).

Российским фондом фундаментальных исследований был поддержан исследовательский проект №18-39-00128 «Выбор брачного партнера в современной индийской диаспоре Танзании: эволюционно-психологические аспекты». Автор данной работы являлся руководителем проекта в 2018–2020 гг. и успешно его завершил.

Структура диссертационного исследования (работы) определена целями, задачами, общим замыслом и логикой исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы и Приложения, включая 12 таблиц, 15 рисунков. Список литературы включает 283 источника, из которых 231 на иностранных языках.

Глава 1. История формирования индийской диаспоры в Танзании

По данным доклада «Международная миграция 2020», подготовленного Отделом народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, индийская диаспора по численности в мире занимает первое место (18 млн чел.), оставляя на втором мексиканскую (11 млн чел.) и третьем китайскую (10 млн чел.) диаспоры (International Migration 2020 Highlights 2021). По подсчетам Верховной Комиссии Индии по вопросам диаспоры наиболее многочисленные сообщества индийцев проживают в США (4,460 млн чел.), ОАЭ (3,425 млн чел.), Малайзии (3 млн чел.), Саудовской Аравии (2,6 млн чел.), Мьянме (2 млн чел.). Танзания, в которой насчитывается около 60 тыс. чел., занимает место в третьем десятке по численности индийской диаспоры (India-Tanzania Relations 2017). Получить информацию о численности индийцев на территории Танзании из переписи населения этой страны не представляется возможным, так как в ней не учитывается национальная принадлежность. Но отражены данные о количестве граждан других государств. Так по итогам переписи 2012 г. общая численность населения Танзании составила 44,9 млн чел., из которых гражданами Индии являются 41,1 тыс. чел. (Citizenship and Birth Registration 2014a: 31; Citizenship and Birth Registration 2014b: 46). Интересно, что по гендерному составу граждане Индии, проживающие в Танзании, разделены почти равномерно: 21 тыс. мужчин и 20 тыс. женщин. Большинство из них проживает непосредственно в городах, таких как Дар-эс-Салам, Додома, Морогоро, Мванза, Мбея, Аруша и др. Численность индийцев-горожан в Танзании ровняется 32 тыс. чел. В сельской местности проживает 9 тыс. человек с индийскими паспортами. Предположительно это те люди, которые приехали в Танзанию в недавнем времени, либо те, кто получил индийские паспорта после обретения независимости восточноафриканскими странами.

1.1. Первые торговые контакты между Южной Азией и Восточной Африкой

Первые торговцы с полуострова Индостан появились в Восточной Африке задолго до мореплавателей эпохи Великих географических открытий. Существуют сведения, относящиеся к I веку н. э., о торговых отношениях между Южной Азией и Восточной Африкой. Мореходы из Красного моря доходили до африканского побережья, следуя вдоль на юг до города Рапта. По предположению одних исследователей этот город находился на береговой линии между Тангой и Дар-эс-Саламом – современными городами Танзании, по мнению других – он был предшественником нынешнего Дар-эс-Салама (Дэвидсон 1962: 68). Описанный маршрут, вероятно, повторил безымянный капитан из Александрии и подробно описал в своей морской лоции «Перипл Эритрейского моря», которая представляет собой справочник для мореплавателей с детальным освещением морских путей, сведениями о торговле (Бонгард-Левин и др. 2002: 244). Автор лоции описывает торговлю индийских кораблей на восточноафриканском побережье. Корабли из Индии, груженные шелком, скобяными товарами, стеклом, изделиями из меди, керамикой, коврами, тканями из Сурата, бисером, сахаром, рисом, зерном, топленным маслом, рыбой, финиками, достигали африканского берега благодаря муссонным ветрам (Mangat 1969: 1). Путь занимал от 20 до 25 дней при условии хорошей погоды, в противном случае мог затянуться и на месяц. За это время судно проходило расстояние в 2200 миль. Из Восточной Африки домой купцы везли медь, золото, слоновую кость, копру, кокосовые волокна, копал, каури, воск, пряности, дерево, панцири черепах, черное дерево, кожсырьё, рога носорога (Там же). В VII-VIII вв. происходило также активное проникновение арабской культуры на восточноафриканское побережье. Это было связано с ростом потока колонизации из Аравии, чему способствовали религиозные и династические войны (Дэвидсон 1962: 70).

Индийские купцы начинают активно сотрудничать с арабскими султанами. Индийцам-мусульманам было легче наладить как деловые отношения, так и обустроить быт в арабских поселениях. Однако индуисты, хоть и не спешили с переездом на постоянное проживание, находили свою нишу в Восточной Африке. Примером может послужить ростовщичество, которым религиозные нормы ислама запрещают заниматься (Усов 2010: 16). Марко Поло в конце XIII в. сообщает о кораблях с Западной Индии у берегов Занзибара (Дридзо и др. 1978: 134). Португальцы в XV веке, появившиеся в Восточной Африке на кораблях под командованием Васко да Гамы, также подтверждают присутствие индийских купцов. «Даурти Барбоша, совершивший путешествие на Восток с одной из первых португальских флотилий, обратил внимание на то, что жители восточного побережья Африки продают в большом количестве золото, слоновую кость и воск. По его наблюдениям, купцы индийского царства Камбей, скупающие эти товары, “наживают большие барыши”, причем “и те и другие не остаются в накладе”» (Дэвидсон 1962: 67). Торговые связи способствовали не только укреплению экономических отношений, но и культурному обмену между континентами. Это подтверждает обстоятельное исследование, показывающее сложные и многоплановые (разнообразные) связи гуджаратцев с арабскими и африканскими регионами, в том числе и Восточной Африкой (Goody 1996).

1.2. Столетие развития индийской общины: путь от Оманского султаната до независимого государства

В XIX в. сложившаяся историческая картина была нарушена султаном Омана, Сейид Саидом, обеспечившим суверенитет над маленькими восточноафриканскими султанатами. К 1840 г. султан Сейид Саид перенес свою столицу из Омана на о. Занзибар. Вместе с ним переехали индийские купцы вести коммерческие и финансовые дела. В качестве привилегий Саид уравнивал их в правах с арабскими торговцами, разрешив торговлю на

побережье Мрима – территории между современными городами Тангой и Килвой, которая находилась под контролем султаната. Он установил минимальные пошлины на импорт в размере 5%, снял ограничение на приобретение земли в собственность и разрешил покупать плантации гвоздики на Занзибаре. Кроме того, индустриист бхатия Джайрама Севджи назначил главным сборщиком налогов в султанате (Oonk 2006: 67). Правда, Д. Севджи был не единственным претендентом на эту должность, поэтому ему пришлось заплатить внушительную сумму денег для того, чтобы обойти своих соперников. Кроме таких регулярных выплат Д. Севджи выдавал денежные займы султану, которые не было суждено вернуть обратно. В 40-е годы XIX в. Занзибар стал торговой базой для купцов, своего рода перевалочным пунктом. На Занзибаре происходило перераспределение завезенных товаров: большая часть отправлялась на африканский континент; индийские корабли возвращались домой, груженные африканским продовольствием; какая-то часть продукции уходила в порты европейских и американских городов.

Усилившее свое влияние Ост-Индская Компания в Индии заставила индийских купцов переориентироваться на новые рынки сбыта, в том числе наращивать торговые обороты с Восточной Африкой (Демкина 1972: 15).

Прежде, чем стать независимым государством, до середины XIX века о. Занзибар относился к Оманскому султанату (Hollingsworth 1960). Индийцы не только вели торговлю, но и состояли на службе у султанов в качестве охраны и чиновников. Вместе с арабскими караванами индийцы отправлялись с острова на континент, постепенно основывая там свои поселения (Lobo 2000: 17). Одно из первых поселений организовала индийская мусульманская община Ага Хана к 1815 г. в районе современного расположения Багамойо в Танзании (Himbara 1997: 7). Хотя предпринимательская деятельность велась преимущественно вдоль побережья, некоторые торговцы отправились вглубь континента, добрались

до кенийских городов, в том числе Кикии, Мачакос, Кибвези, и открыли там свои магазины. Уже к 70-ым гг. XIX в. индийские купцы создали развитую сеть торговых отношений, охватывающую территорию Восточной Африки. Они наладили посредническую работу с европейскими поставщиками, реализуя их товары местному населению, и арабскими караванными торговцами.

Кто же были индийскими купцами и теми рабочими, которые пребывали на кораблях в Восточную Африку? Купцами становились как индийцы-индуисты, так и индийцы-мусульмане. Гоанцы, исповедовавшие христианство, в большей степени занимали административные должности (Gupta 1998: 107). Индуисты в основном были представлены тремя кастами: бхатия, лохана и патидар (Mehta 2001: 1739). Первые индийцы, пребывавшие к восточноафриканскому побережью в XVII в., относились к касте бхатия. К концу XIX в. стали появляться представители касты лохана и в нач. XX в. патидары и джайны. Мусульмане относили себя к следующим течениям ислама: бохра, ходжа, исмаили. Существовало серьезное различие между двумя религиозными группами индийцев, касающееся планов о постоянном месте жительства на Занзибаре. Мужчины-индуисты приезжали на остров исключительно с целью работы и предполагали вернуться на родину, поэтому свои семьи они оставляли в Индии. В свою очередь мусульмане устраивали свою жизнь более основательно, переезжая всей семьей. Это подтверждается и данными по численности населения. Так согласно Р. Грегори (Gregory 1971) количество индийцев на Занзибаре увеличилось в два раза с 1 тыс. человек в 1844 г. до 2 тыс. человек в 1856 г. А в 1879 г. их насчитывалось уже 5466 человек, из которых 3 тыс. человек составляли ходжа, 1 тыс. человек бохра и около 1 тыс. человек индуисты. К 1887 г. индийцев во всей Восточной Африке насчитывалось 6 345 человек (Nagar 1996: 63). В 1921 г. их число увеличилось до 54 434 человека, из которых 10 209 человек проживали в Танганьике.

Наиболее масштабная миграция из Индии в Восточную Африку начинается в середине XIX века с наступлением колониальных завоеваний. С 1886 г. Британская колониальная администрация завозит индийских рабочих для строительства железной дороги вглубь континента. Преимущественно это были сикхи из Панджаба, с которыми заключали трехлетний контракт на выполнение разного рода общественных работ (Other Countries of Africa). По условиям контракта, после его окончания рабочие могли продлить его, вернуться на родину, при этом получив все выплаты, либо остаться на постоянное проживание (Дридзо и др. 1978: 136). Предполагалось, что железнодорожные пути будут способствовать освоению и расселению европейцев на новых территориях Восточной Африки. Индийцы не только прокладывали железнодорожное полотно, но и выполняли сельскохозяйственные работы, занимали должности в администрации. Они были единственной квалифицированной рабочей силой со знанием английского языка, некоторые из них, преимущественно, гоанцы, имели европейское образование, вследствие чего именно их предпочитали нанимать на государственную службу. Кроме того, вдоль строительства железной дороги индийцы открывали небольшие магазины для обеспечения рабочих набором товаров первой необходимости (Gupta 1998: 110). Так формировались индийские поселки вдоль железной дороги, позже превратившиеся в города. Однако работа на железной дороге подрывала здоровье многим индийским рабочим, тяжелые условия усугублялись непривычным климатом, тяжелыми болезнями (малярия, тропическая лихорадка и т.д.), хищными животными. Примерно 7 тыс. индийцев инвалидами вернулись на родину, а 2,5 тыс. человек ушли из жизни (Mangat 1969: 39). Из 32 тыс. законтрактованных рабочих 16 тыс. человек уехали домой и только около 7 тыс. индийцев остались на постоянное проживание. Постепенно к ним присоединялись родственники. Одновременно с ввозом законтрактованных рабочих в Восточную Африку пребывали индийцы, преследовавшие собственные интересы. Их называли «пассажирами» или

«свободными» иммигрантами (Lobo 2000: 18). Колонисты, в основном англичане в Кении, были не рады такому соседству, поэтому всячески их вытесняли на неблагоприятные для европейцев территории. Тоже происходило в Уганде, в которой индийские купцы прочно обосновались к началу XX века, а европейцы не спешили там селиться. Кроме того, индийцы занимались сельским хозяйством - производством хлопка и сахарного тростника. Причем была налажена и работа по производству и сбыту готовой продукции. Успешными оказались индийцы, поселившиеся в немецкой Танганьике. Немцы поддерживали индийскую общину, рассчитывая на их помощь в борьбе против распространения английского влияния на всю Восточную Африку. После Первой мировой войны Танганьика перешла под протекторат Англии, в результате чего индийцам достались обширные территории плодородной земли, которыми ранее владели немцы. В целом политика колониальной администрации посредством законодательных актов и других мероприятий способствовала возникновению дискриминационного расслоения общества, на основе принадлежности к той или иной национальной группе. Итогом стала дискриминация местного африканского населения в различных областях экономической, социальной, политической жизни (Демкина 1972: 17). Индийцы получили в управление примерно 350 хозяйств, на которых трудились тысячи рабочих, в том числе и африканцы (Дридзо и др. 1978: 138). К середине 30-х гг. XX в. индийцы контролировали оптовую и розничную торговлю, в Дар-эс-Саламе владели более 90% земельной собственности, отелями и магазинами (Hollingsworth 1960: 66). Занимали должности в административном аппарате. Индийцы, обладая в Восточной Африке статусом подданных Британской империи, что давало им определенные гарантии и защиту, охотно выдавали денежные займы под залог недвижимости. В большинстве случаев под залогом оказывались плантации гвоздики. После того, как их владельцы, арабы, банкротились, земли переходили индийцам, преумножая их состояния, что вызвало возмущение среди арабского населения. Правительство вынуждено было

ввести мораторий на кредитование индийцами и запрет на передачу земли неафриканцам и неарабам, а также государственную монополию на производство гвоздики. Это породило ответную волну недовольства у индийских предпринимателей. Ими была организована блокада провоза гвоздики с Занзибара, что наносило значительный финансовый ущерб властям. В результате правительству пришлось пойти на компромисс и отменить дискриминационные решения. Этот пример демонстрирует возможности и степень влияния индийской общины на политическую ситуацию в Восточной Африке в кон. XIX – нач. XX вв. Стоит упомянуть личности индийцев того времени – Аллидина Вишрам (Allidina Visram) и Алибхай Мулла Дживанджи (Alibhai Mulla Jeevanjee). Их деятельность способствовала активному распространению торговли и развитию экономик стран Восточной Африки. А. Вишрам начал свою карьеру в качестве помощника другого купца в двенадцатилетнем возрасте, прибыв с ним на корабле на Занзибар. Быстро освоив тонкости ведения торговли, он организовал свой караван вглубь континента. За короткий период времени он открыл несколько филиалов на территории Танзании (Дар-эс-Салам, Калима, Уджиджи и т.д.), которые действовали как обменные пункты. В них предлагались одежда, соль, зерно в обмен на местные слоновую кость, шкуры, гвоздику, воск, мед. Вдоль строительства железной дороги в Уганде А. Вишрам открыл продуктовые магазины. В 1904 г. он владел уже семью большими сельскохозяйственными плантациями с хлопком, чаем, сахарным тростником и каучуком. В 1910 г. основал свою хлопкоочистительную фабрику. Кроме того, под его руководством находились заводы по производству соды, фабрики по окраске кожи, мебельное производство. А. Вишрам инвестировал в строительство и развитие школ, больниц, предоставил тысячи рабочих мест индийцам и африканцам.

Еще одним из ярчайших представителей индийских предпринимателей был А.М. Дживанджи. Он принимал участие в

строительстве железной дороги в Восточной Африке, организовывая доставку рабочей силы из Индии (Amiji 1975: 39). Кроме этого, А.М. Дживанджи занимался посреднической деятельностью, строительством зданий. Именно им был отстроен город Найроби, многочисленные больницы и почтовые отделения. Он владел компанией по погрузке-разгрузке грузов в порту Момбасы, являлся основателем и владельцем нескольких печатных изданий. На его плантациях выращивали разнообразные сельскохозяйственные культуры, в том числе сизаль, кешью, чай, кофе. Он вел торговлю в африканских странах (Танзания, Кения, Маврикий), в Азии (Индия, Цейлон, Китай, Япония), в Европе (Германия, Великобритания). К концу XX в. семья Дживанджи являлась единственным дистрибьютором в Танзании автомобилей Тойота. А.М. Дживанджи активно вел благотворительную деятельность, перечисляя средства на медицину, образование, строительство общественных зданий, парков, мечетей. Занимался общественной работой – основал Индийскую ассоциацию в Кении и входил в государственный Законодательный совет. В литературе зачастую бизнес А.М. Дживанджи называли «Империей», что подчеркивает масштаб владений семьи и ее влияния.

До окончания Первой мировой войны территория Танганьики являлась Германской колонией, что обуславливало различия в отношении колониальных властей к индийцам в Танганьике, Кении и Уганде. Немцы к индийцам относились с достаточной осторожностью, так как последние имели статус подданных Великобритании. В 1912 г. положение индийцев стало ухудшаться: им запретили покупать землю в Дар-эс-Саламе, использовать родной язык гуджарати для ведения документооборота. Однако, после окончания военных действий в 1918 г. и как результат перехода Танганьики под власть Великобритании, ситуация с индийцами начала меняться в лучшую сторону. Англичане нанимали их на работу в качестве государственных служащих, управляющих, а главное,

восстановление экономики происходило в основном силами индийских предпринимателей. Так постепенно индийская община вернула себе прежний утраченный статус, что способствовало росту численности индийцев. Кроме того, индийцам удалось выкупить на торгах распродаваемые конфискованные у немцев плантации и недвижимость в крупных городах. Из-за отсутствия конкуренции индийцы постепенно заняли ведущую роль как в оптовой, так и в розничной торговле.

В Кении также складывалась не самая благоприятная ситуация с поселением индийцев. В ходе конкурентной борьбы европейцы вытесняли индийцев с пригодных для жизни территорий, использовали экономические ужесточения по отношению к ним. Это привело к протестам и митингам со стороны индийской общины, в противовес этому англичанами в 1906-1924 гг. были приняты законы, направленные на сокращение потока мигрантов из Индии в Восточную Африку (Дридзо и др. 1978: 139).

Политика Индии по отношению к своим соотечественникам за рубежом была неоднозначной. Дж. Неру призывал африканских индийцев к сотрудничеству с местным населением (Усов 2010: 36). Однако колониальные власти старались выставить индийцев перед африканцами в качестве экономических эксплуататоров. Негативный образ индийцев в Восточной Африке оказывал влияние и на позицию Индийского национального конгресса (ИНК). В такие моменты ИНК старался отстраниться от зарубежных сограждан, в то же время, при необходимости финансовой помощи Индии правительство обращалось к индийской диаспоре за поддержкой.

После Второй Мировой войны экономическая деятельность индийцев в Восточной Африке переходит в новую фазу. Успешные торговцы начинают вкладывать свой капитал в промышленность. Индийцы основывают предприятия по производству алюминия, стали, сахара, мыла, изделий из пластмассы. В это же время появляется Ассоциация

предпринимателей Восточной Африки (АССЕА), которую возглавляет крупный бизнесмен индеец Р. Дж. Мехта. Он был активным сторонником создания законодательства по коммерческим и промышленным вопросам. Таким образом, в Восточной Африке индийцы стали представителями промышленного буржуазного класса.

Британским правительством в 1953 г. была организована Восточноафриканская Королевская Комиссия для оценки экономического развития своих колоний в Восточной Африке. Выводы, сделанные в результате работы комиссии, говорили о развитой торговой системе с большим потенциалом, отмечалась первостепенная роль индийцев в формировании сильной экономики по средствам их квалифицированного труда и усердия, в том числе и вовлечение ими местного африканского населения в коммерческие отношения.

В 1957 г. индийское сообщество в Танганьике было представлено следующим составом: индуисты и джайны – 29 048 чел., мусульмане – 36 361 чел., сикхи – 4 234 чел., христиане – 4 732 чел., другие – 2 161 тыс. чел.; всего 76 536 тыс. чел. (Nagar 1996: 63). Данные 1958 года по о. Занзибар: индуисты – 4 095 чел., джайны – 148 чел., парсы – 241 чел., буддисты – 19 чел., мусульмане – 10 618 чел., сикхи – 30 чел., христиане – 714 чел., другие – 286 чел.; всего 16 151 тыс. чел. (Там же). В общем в Танганьике и на Занзибаре индийцев насчитывалось 92 687 тыс. чел. В 1962 г. численность индийской диаспоры несколько уменьшилась и составила 89 тыс. человек в Танганьике (Дридзо 1978: 141).

1.3. Постколониальный период в истории восточноафриканских индийцев

В 1961 г. Танганьика обрела независимость, а в 1964 г. к ней присоединился Занзибар – так была образована Объединенная Республика

Танзания. Эмиграция из Танзании во многом была обусловлена политикой государства по вытеснению индийцев с руководящих должностей и сокращению участия неафриканцев в экономической сфере и на политической арене. К этому моменту роль британских управленцев и индийских бизнесменов в экономике Танзании была определяющей (Ngowi 2009). Они контролировали основные промышленные предприятия, банки, шахты, плантации. Практически вся оптовая торговля велась индийцами. В Дар-эс-Саламе они владели 90% отелей и магазинов. Парламентарии, лидеры различных организаций, рабочие выступали против присутствия индийцев. Произошли массовые увольнения индийцев с государственной службы. Для того, чтобы ограничить их влияние в сфере торговли, было решено ввести кооперативы. В 1967 г. с принятием Арушской декларации ситуация по отношению к индийцам резко изменилась. Автор этого документа, действовавший на тот момент президент Танзании Дж. Ньерере, провозгласил курс на строительство социализма (Heilman 1998). Это подразумевало равенство в правах всех граждан страны, что касалось, в том числе, и индийцев с танзанийскими паспортами. Индийцы наряду с остальными гражданами избирались в парламент, активно участвовали в политической жизни страны, также проходили службу в армии. Однако социализм потребовал и от индийцев открыть двери в свои закрытые организации. Так, например, индийские школы переходили на обучение по общегосударственным программам, педагогический коллектив и ученики больше не представляли моноэтническую группу. Сильный удар по положению индийцев нанес начавшийся процесс национализации частной собственности. Под контроль государства перешла большая часть производства практически во всех крупных областях, это касалось земли, леса, воды, нефти, электричества, медиа, фабрик (Lobo 2000: 20). Национализировались иностранные коммерческие банки, мельзаводы, 60% всей отрасли промышленности, лидирующие экспортирующие и импортирующие компании, Национальная страховая компания, плантации и

газета «Стандарт» (The Standard, сейчас Daily News), в которой освещались все эти события, недвижимостью Дар-эс-Салама. Власти предлагали владельцам национализированных предприятий не покидать свои руководящие должности (им оставляли некоторый процент акций), кроме того, государство выплачивало компенсации. Однако, эти меры не смогли изменить миграционных настроений среди индийцев.

При правительстве Дж. Ньерере индийцы занимали высокопоставленные посты и активно участвовали в управлении страной. Так, будущий министр Амир Хабиб Джамал родился в Танзании в городе Мванза в семье индийцев, прибывших ранее из Гуджарата. Амир Х. Джамал школьное образование получил в Танзании, а высшее – в Индии в Калькутте. Спустя некоторое время после возвращения домой увлекся политической деятельностью, был избран в Законодательный совет, затем стал первым не африканского происхождения членом партии Африканского национального союза Танганьики (ТАНУ). Далее три раза назначался министром финансов, занимал пост министра торговли и промышленности.

В соседних с Танзанией восточноафриканских странах ситуация со статусом и положением индийцев оказалась более трагичной. В Кении была проведена политика «кенианизации» в 1967 г., вводившая запрет на работу лицам, не имеющим кенийского гражданства. В то же время процедура выдачи индийцам паспортов искусственно усложнялась и затягивалась. Кроме того, кампания «кенианизации» проводилась посредством введения лицензирования. Африканцы с легкостью получали лицензии на те виды деятельности, которыми были готовы заниматься, таким образом, лишая как европейцев, так и индийцев возможности продолжать свой бизнес. В Уганде в 1972 г. противостояние закончилось изгнанием всех индийцев из страны с лишением их полного права собственности на имущество. Благодаря индийскому правительству индийцам, обладавшим индийскими паспортами, удалось получить компенсацию за потерю бизнеса и собственности (Усов

2010: 40). В результате большое количество индийцев покинуло страны Восточной Африки. В период между 1968 и 1969 гг. более чем 150 тыс. индийцев уехало из этого региона, это были в основном специалисты технических профессий и профессионалы государственного и частного секторов. Правительством Индии пострадавшим было предложено вернуться на родину, тем не менее индийцы начали переселяться преимущественно в Великобританию, Канаду и США, где послужили ядром для формирования южноазиатских диаспор (Котин 2003: 69). Однако население принимающих стран оказалось крайне недовольно и обеспокоено резким увеличением миграционного потока индийцев. В связи с этим, например, в Великобритании был принят ряд законопроектов (1967, 1971, 1981, 1988), ограничивающих выезд восточноафриканских индийцев в страну (Котин 2002: 106).

Индийское правительство предпринимало попытки добиться лучших условий для своих соотечественников в африканских странах, призывало их к экономическому сотрудничеству с местным населением. Примером может послужить идея создания Корпорации развития Индия-Африка, поддерживаемая с одной стороны Индией, с другой – индийской общиной Кении, капиталы которой играли основную роль. С помощью работы Корпорации правительство Индии рассчитывало усилить влияние индийцев в кенийском экономическом секторе и обществе в целом. Но индийские предприниматели не откликнулись на данную инициативу и предлагаемые индийским правительством меры не увенчались успехом. Однако созданная в 1964 г. программа ИТЕК (India Technical and Economic Cooperation) осуществляла поддержку партнерским странам Индии, в том числе и африканскому континенту, в области обучения специалистов, технического и экономического развития (Усов 2010: 41). Это способствовало налаживанию отношений между индийцами и африканцами, происходила передача знаний по экономическим и политическим вопросам,

обмен опытом, формирование политической элиты. Программа ИТЕК оказалась достаточно эффективной в отношениях между африканскими странами и Индией и продолжает свою работу в настоящее время. В 1990-ые гг. спектр работы Программы был расширен и стал включать подготовку военных кадров, экономическое консультирование, работу индийских экспертов по широкому кругу вопросов, организацию визитов для официальных лиц (Там же: 66). В первый год 24 студентам удалось пройти обучение в рамках данной программы, за 2012-2013 гг. количество обучившихся увеличилось до 288 человек, а в общей сложности прошли профессиональную подготовку около 1400 танзанийцев по сообщения МИД Индии (Дейч, Усов 2014).

Однако африканцы оказались не готовы самостоятельно поддерживать и развивать собственную экономику. Зачастую предприятия и фирмы, находившиеся под их управлением, приходили в упадок. В то же время индийцы приспосабливались к новым политическим условиям. Им удавалось сохранить свой бизнес не всегда законными способами, например, официально их организациями владели подставные лица или использовали систему взяточничества. Многие индийцы поспешили перевести свои капиталы из торговли в промышленность.

Развитие отношений между восточноафриканскими странами и индийским континентом в 1970-1990 гг. точно характеризуется следующим описанием: «одна из причин застоя в развитии индо-африканских отношений в 1970-1980-е гг. заключалась в излишней жесткости и зарегулированности экономических систем Индии и африканских стран, что в значительной степени тормозило развитие их международных связей и двусторонних контактов. Хотя эта ситуация начала меняться уже во второй половине 1980-х гг., особенно важное значение имели начавшиеся в конце 1980 – начале 1990-х гг. XX в. экономические и социальные реформы в Индии и африканских странах, обычно обозначаемые термином «либеризация», сутью

которых стали экономическая дерегуляция и снятие ограничений на свободу торговли и движение капиталов, разгосударствление целых отраслей экономики и передача их в частные руки, в том числе в руки иностранных инвесторов.» (Усов 2010: 56).

Изменилась и политика в странах Восточной Африки по отношению к индийцам. В Уганду начали приглашать специалистов из Индии для развития экономики и страны в целом. В Танзании после получения независимости индийцы, оставшиеся в стране, практически не участвовали в политической и экономической жизни. Они продолжали работать на государственной службе, заниматься мелкой торговлей. Специальный термин, введенный индийским исследователем Д. Сингхом, «контейнерный капитализм» означал характер посреднической торговли индийцев (Цит. по Усов 2010: 57). Они владели только контейнерами, в которых привозили товары для реализации. Однако, к началу 1990-ых гг. с развитием рыночной экономики в странах Восточной Африки индийцы начали активизировать свою деятельность.

В 1990-ые гг. правительство Индии начало привлекать представителей индийских диаспор в качестве инвесторов в экономику Индии (Dronova 2019). Для этого была разработана система карт ПИО (PIO (Persons of Indian Origin) Card – карта лиц индийского происхождения) и запущена в 2002 г. Карта стоимостью в 1000\$ предоставляет возможность участия в экономической и образовательной сферах наравне с гражданами Индии, так же, как и проводить разного характера операции с недвижимостью. Кроме того, владельцам данной карты разрешается безвизовый въезд в страну, их дети получают право поступать в высшие учебные заведения по требованиям, предъявляемым к гражданам Индии. Ограничения вводятся на участие в голосовании и покупку агроземель. Однако из-за высокой цены карта не пользовалась широким спросом. Наряду с этим граждане Индии, проживающие в других странах не менее 183 дней

финансового года, относятся к категории НРИ (NRI (Non-Resident Indian)). Статус НРИ также дает определенные преимущества: можно открывать банковские счета в индийских банках; продолжать владеть землей и недвижимостью в Индии; доходы, полученные за границей, не облагаются налогами индийской стороной при условии их уплаты в стране проживания, но с доходов, полученных в Индии, платятся все необходимые налоги; специальные квоты в индийских университетах; возможность голосовать при условии нахождения на территории Индии. Запрещается приобретение сельскохозяйственных земель, работа на государственной службе, избрание на политические должности, кроме того, необходимо получать разрешение на вывоз денежных средств из Индии. В 2006 г. к двум имеющимся категориям добавилась третья – ОСИ (OCI (Overseas Citizenship of India) – зарубежный гражданин Индии). Статус ОСИ может получить индиец, ранее бывший гражданином Индии, но отказавшийся от него, либо индиец, никогда не имевший гражданства Индии, но хотя бы один из его родителей, дедушек, бабушек, прадедушек, прабабушек являлся или является гражданином Индии. Также к данной категории причисляется гражданин, если он/она является супругом/ой гражданина Индии или индийца со статусом ОСИ в течение последних 2-х лет. Статус ОСИ дает право на многократную визу на протяжении всей жизни в Индию. Отсутствует необходимость регистрировать свое пребывание в стране вне зависимости от его продолжительности (иностранцы обязаны регистрироваться в Foreigners Regional Registration Office (FRRO), если продолжительность поездки составляет более 180 дней). Льготные условия для получения гражданства – достаточно иметь статус ОСИ в течение 5 лет и постоянно проживать в Индии не менее года. Статус ОСИ позволяет работать и учиться без специальных виз (рабочей и студенческой), открывать специальный банковский счет в Индии, выступать инвестором в Индии, покупать несельскохозяйственные земли, получать те же экономические, финансовые и образовательные льготы как индийцы категории НРИ и др. Основные

ограничения во многом совпадают с обозначенными для категории НРИ, добавляется отсутствие возможности голосовать. На данный момент карты, дающие статус ПИО, перестали выдаваться Индийским правительством. Постепенно происходит переход от ПИО к ОСИ, предполагается, что она полностью заменит систему карт ПИО. Статус ОСИ максимально приближен к функциям двойного гражданства.

В 2000 г. Правительство Индии создало Комитет по вопросам индийской диаспоры (High Level Committee on the Indian Diaspora). В его компетенцию входят следующие вопросы, обозначенные на официальном сайте Комитета: проверка положения лиц со статусом ПИО (PIOs) и НРИ (NRIs) в контексте конституционных положений, законов и правил, применимых к ним как в Индии, так и в странах их проживания; изучение особенностей, стремлений, взглядов, требований, сильных и слабых сторон индийской диаспоры и ожиданий ее представителей от Индии; изучение роли, которую лица со статусом ПИО (PIOs) или НРИ (NRIs) могут играть в экономическом, социальном и технологическом развитии Индии; проверка текущей системы приезда и пребывания лиц со статусом ПИО (PIOs) в Индии и, в рамках данной экспертизы, рекомендации для решения проблем, если с таковыми они сталкиваются в этих областях; рекомендации по формированию политической системы и конкретных планов для создания условий развития взаимовыгодных отношений с лицами, имеющими статус ПИО (PIOs) или НРИ (NRIs), и для облегчения их социально-экономического сотрудничества с индийской стороной (Mandate of the Committee). В течение первых двух лет специалистами Комитета проводился анализ положения индийских диаспор во всех странах мира, где проживают их представители. Результаты были представлены в докладе, состоящем из пяти глав. Доклад включает в себя подробное описание состояния диаспор по странам; отдельно изложен анализ основных сфер жизнедеятельности диаспор: культура, экономическое развитие, образование, здоровье, масс-медиа, наука

и технологии, благотворительность, вопрос двойного гражданства; рекомендации по улучшению условий жизни представителей диаспор, по проведению политики взаимодействия между диаспорами и Индией (Там же).

В последние десятилетия серьезную конкуренцию индийцам в Танзании составляют китайцы. По данным переписи 2012 г. на территории Танзании их находилось 22,5 тыс. чел. (Citizenship and Birth Registration 2014b: 46). Китай активно развивает сотрудничество на всем Африканском континенте, учитывая возрастающую роль Африканских стран на мировой арене. Так, в частности, в Танзании Китай является крупнейшим инвестором экономики, вкладывает капиталы в улучшение инфраструктуры страны, реализацию водных проектов (например, водоотводные каналы стоимостью один в \$23,5 млн и второй в \$85 млн), поднимают горнодобывающую промышленность, разрабатывают сельскохозяйственные угодья, способствуют развитию медицинской сферы (строительство кардиологической «Больницы дружбы») и сферы образования (Родионова, Монге 2015). В 70-ые гг. XX в. на территории Танзании-Замбии был реализован крупнейший проект при финансовой поддержке Китая по строительству железной дороги (ТАЗАРА), обеспечившей доставку меди в порты Танзании, т.е. к Индийскому океану (Дейч, Усов 2014). Китайское правительство имеет дальнейшие планы по расширению – соединению ТАЗАРА с Бенгальской железной дорогой, что позволит наладить железнодорожное сообщение восточного и западного побережья Африки и поспособствует увеличению товарооборота между странами. По объему инвестиций в Танзанию Китай занимает второе место, а Индия находится на четвертом.

Взаимоотношения Индии и Танзании имеют несколько иной характер. Поддерживается сотрудничество по обеспечению условий для развития малого бизнеса в Танзании и Индии. Так, например, в ходе

недавнего визита в 2016 г. премьер-министра Индии в Танзанию был подписан очередной План совместных действий между Организацией по развитию малых предприятий Танзании и Национальной корпорацией малых предприятий Индии (India-Tanzania Relations 2017). Регулярно индийские компании принимают участие в тематических выставках, ярмарках, предлагая сотрудничество по разным направлениям: химические отрасли, косметическая продукция, масленичное производство и т.п. Проводятся совместные бизнес-семинары и форумы, в том числе для обучения танзанийцев, продвижения бизнеса, обсуждения экспортных вопросов, торговых операций. Также в 2011 г. перезаключили Соглашение об отказе от двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения, ранее подписанного в 1979 г. (Там же). Особое внимание на развитие малого бизнеса во взаимоотношениях со стороны индийского и танзанийского правительств вполне объяснимо, так как в Танзании проживает значительная индийская диаспора, основу формирования которой наряду с рабочими-строителями составили мелкие предприниматели, купцы, торговцы (преимущественно из Гуджарата (штат на западе Индии)). Предприниматели-индийцы заняли свою нишу в экономике Танзании и продолжают сохранять свои позиции в настоящее время. Сотрудничеством в сфере развития малого бизнеса Индия и Танзания не ограничиваются, активное взаимодействие происходит по линии информационных технологий и коммуникаций. Открываются в крупных городах Танзании современные центры и лаборатории в сфере информационных и коммуникационных технологий, оснащенные новейшим оборудованием мирового уровня. Осуществляется подготовка специалистов, обмен опытом, проведение научных исследований, совместных танзанийско-индийских разработок и т.п. Индийское правительство оказывает серьезную поддержку системе образования Танзании. С 70-ых гг. XX в. проводится обучение в рамках Индийской программы технического и экономического сотрудничества (ИТЭС) по основным отраслям науки (подробнее об этом будет сказано

ниже). Для танзанийских студентов предусмотрены стипендии для обучения в индийских высших учебных заведениях, поступление в аспирантуру и докторантуру, грантовая поддержка. Наряду с сотрудничеством в гуманитарной и бизнес сфере, Индия инвестирует в инфраструктурные объекты, нацеленные на улучшение водоснабжения в районах Дар-эс-Салама и Чалинзы (\$178,13 млн), озера Виктории (\$268,35 млн), Занзибара (\$92 млн) (Там же). Индийская сторона также занимается полным техническим обеспечением, оказывает консультационные услуги, проводит подготовку специалистов для обслуживания оборудования. В рамках кредитных линий Индией были совершены поставки транспортных средств для Министерства обороны (723 единицы техники) и Министерства внутренних дел (777 единицы техники) Танзании, для сельскохозяйственного сектора (1846 единиц техники). Это основные направления сотрудничества, способствующие социальному, культурному и экономическому развитию, главным образом, Танзании.

Действия индийского правительства по поддержанию социальных, экономических, культурных, родственных связей между индийцами по всему миру дали свои результаты. Танзания продолжает оставаться буфером обмена между Индией и другими странами (Великобритания, США, Канада). Так, например, молодое поколение индийцев Танзании уезжает получать высшее образование в западные страны. Также существует высокий уровень брачной миграции: индийцы Дар-эс-Салама привозят жен из Индии, а девушки из Танзании становятся невестами для представителей диаспор в Великобритании, США и Канаде.

С момента появления индийцев в Восточной Африке им пришлось пройти через разные исторические этапы – процветания, дискриминации и даже гонений. Существует мнение, что заселение индийцами территории Восточной Африки связано в первую очередь со строительством железной дороги, куда их завозило в качестве рабочей силы Британское правительство

в кон. XIX в. Однако, основная масса законтрактованных рабочих вернулась на родину, а поселения сформировали пребывающие в большинстве случаев из Гуджарата торговцы и предприниматели. Они способствовали развитию экономической системы в Восточной Африке.

Глава 2. Социо-культурная характеристика индийской диаспоры в Танзании

2.1. Особенности выбора брачного партнера среди индуистов

Индия является одной из стран Азии и Африки, в которых в большей степени распространены браки по договоренности родителями. Широко применяются теории модернизации и идеалистического развития для объяснения происходящих изменений в брачном поведении индийцев (Adams 2010; Goode 1963; McDonald 1993; Thornton 2001; 2005). В соответствии с предсказаниями этих теорий процессы индустриализации и урбанизации должны привести к переходу от моделей семейного поведения, характерных для незападных стран, в сторону западной модели, предполагающей самостоятельный выбор брачного партнера, а также в целом установление норм нуклеарной семьи взамен расширенной (Allendorf 2013; Pesando 2019). Однако данные из Индии не соответствуют этой четкой, линейной схеме перехода к западному варианту брачного поведения. В рамках имеющихся вариаций способов организации брачного союза происходят изменения степени участия и автономии в выборе супруга (de Munck 1996; Donner 2002; Khandelwal 2009; Medora 2003; Seymour 1999; Uberoi 1998).

2.1.1. Региональная специфика

Индия – страна с региональной спецификой в семейном поведении и системах родства. Понимание индийских брачных тенденций требует выхода за рамки национального уровня. Географически наиболее заметным различием является разделение между Севером и Югом (Dyson, Moore 1983; Karve 1965; Kolenda 1987). Исследования, фиксирующие эти различия, демонстрируют изменения и в некоторой степени стирание региональной специфики в брачном поведении с течением времени. В целом, кровные

браки имеют большую распространенность на Юге, в то время как экзогамия и эндогамия характерны для Севера. В отличие от других видов брачного поведения, кровный брак не является широко распространенным явлением в Индии. Предпочтение браку между двоюродными братьями и сестрами, а также браку с дядями или другими кровными родственниками является лишь частью системы родства на Юге (Trautman 1981). Напротив, на Севере кровный родственник обычно не является приемлемым супругом. Система родства, особенно среди индуистов на Севере, тесно связана с браком по договоренности, который поддерживает патрилинейность и патрилокальность, а также кастовую систему (Karve 1965; Kolenda 1987). Фактически, Г. Джонс (2010) классифицирует Северную Индию как регион, в котором чаще всего практикуются браки по договоренности в сравнении со всей Азией. Кроме того, на Севере Индии сексуальная чистота и уединение женщин ценятся выше и практикуются чаще (Jones 2010). Данные опубликованного в 2004 г. исследования, говорят о том, что практика кровнородственных браков меняется и региональные различия ослабевают (Rahman, Rao 2004), по сравнению с данными аналогичного исследования 1983 г. (Dyson, Moore 1983). Полученные авторами (Rahman, Rao 2004) результаты указывают на гораздо меньшую распространенность кровного родства в штате Карнатака, чем это наблюдалось в более ранней этнографической литературе, что говорит об изменении норм родства за прошедший 20-летний период между представленными исследованиями. Экзогамные браки хотя и более распространены в штате Уттар-Прадеш (Север), практикуются большинством общин также в штате Карнатака (Юг) (Там же). Северо-восток заметно отличается от остальной Индии. Этот регион населен этническими группами, которые имеют много общего с соседним населением Бутана, Мьянмы и Юго-Западного Китая, и обычай брака по договоренности здесь распространен слабее. Правило племенной эндогамии и клановой экзогамии традиционно практикуется местными народами вне зависимости от патри- или матрилинейности (Tripathy 2020),

например, у *цзоу* (Mannuamching 1999), *кхаси* (Nakane 1967). *Гаро* – крупная матрилинейная племенная группа в Северо-Восточной Индии, проживающая в основном в районе в Мегхалае, в которой брак заключался посредством переговоров или умыкания жениха (Sikdar 2009). Однако, христианизация оказала значительное влияние на систему выбора брачного партнера – так среди христианизированных *гаро* перестал практиковаться брак умыкания жениха и давно забыта традиционная система женитьбы на сыне сестры своего отца, но в то же время получила распространение племенная экзогамия, в случае которой основным критерием выступает принятие христианской веры обоими молодыми. Брак *гаро* путем переговоров, как правило, инициируется путем отправления официального предложения от стороны невесты, но в последние годы ситуация меняется – мужчины также делают первый шаг. Изменения подобного рода исследователи связывают с профессиональной принадлежностью, повышением статуса мужчины, урбанизацией, где мужское население сталкивается и начинает следовать примеру поведения отличного от своей культуры. Увеличивающиеся случаи нео- и патрилокальности фиксируют постепенное движение в сторону патрилинейного общества, так же, как и ранее произошедший у некоторых других матрилинейных групп на протяжении веков переход к патрилинейности (Vidyarthi, Rai 1977).

Также широко распространенной формой выбора брачного партнера является брак по любви, в котором заинтересованная пара проявляет инициативу. В некоторых случаях это приводит к побегу молодых, когда родители или общество не дают согласия на брак. К. Ронгмей и С. Капур (2005) также сообщили о различиях в структуре браков побега, браков по договоренности, умыкания между христианами и нехристианами племени *зелиангронг*, но в соответствии с обычным правом несоблюдение клановой экзогамии сильно карается общиной. Наиболее распространенные формы брака среди племени *зелиангронг* в Манипуре – это брак по любви с последующим побегом молодых и брак по договоренности с согласия

родственников и заинтересованных лиц, также встречается брак умыканием. Традиционная брачная система племени *цзоу* включает три типа брачного союза: наиболее распространен кросскузенный брак, брак по договоренности и брак, подразумевающий побег молодых (Mannuamching 1999). Процесс христианизации не оказал радикального влияния на брачную систему *цзоу*, они продолжают придерживаться традиционных норм (способ поиска брачного партнера, табу на инцест, выкуп за невесту, приданое, празднование брачной церемонии). Предпочтительным вариантом заключения брака у *кхаси* является кросскузенный брак (Nongbri 2013). В отличие от деревень *гаро*, которые в основном населены локальными кланами, которые являются экзогамными по своему характеру, деревни *кхаси* демонстрируют сильную склонность к эндогамным бракам, которые связывают членов тесной сетью родственных отношений. В дополнение к строгому запрету на брак внутри клана (клановой экзогамии), патрилатеральный брак между двоюродными братьями и сестрами (хотя невозможно исключить такой вариант) в обществе воспринимается с сильным презрением и чувством неприличия. Матрилатеральный перекрестный брак занимает относительно иную позицию. Практика деревенской эндогамии и постоянного зятя делает матрилатеральный брак между двоюродными братьями и сестрами популярной формой. Интересно отметить, что у *кхаси* отсутствовала система браков по договоренности, которая является определяющей чертой браков среди большинства индийского населения.

2.1.2. Три типа организации брака. Региональное деление и кастовая иерархия

В настоящий момент в Индии практикуются три способа выбора брачного партнера: 1. Брак по сговору без учета мнения молодых; 2. Совместный выбор либо родители подбирают пару с учетом мнения молодых, либо дети выбирают самостоятельно с одобрения родителей; 3.

Самостоятельный выбор молодыми (брак по любви). Брак по договоренности часто концептуализируется как выбор супруга, он взаимосвязан с кастовой эндогамией, кровным браком (в некоторых контекстах) и общением до брака (Allendorf, Pandian 2016). Если эти модели поведения тесно связаны, изменение в одном поведении неизбежно приводит к соответствующему изменению в другом. И наоборот, если они связаны слабо, то изменения в одном могут привести к незначительным изменениям или их отсутствию в другом. Таким образом, понимание связей между формами поведения при выборе брачного партнера способствуют пониманию тенденций в организации брака в целом. Сложные процессы организации брака включают ситуации, в которых молодой человек может представить потенциального партнера для одобрения родителям или родители могут проявить инициативу и впоследствии получить одобрение своего ребенка (Raj 2003; Seymour 1999). Выбор супруга с привлечением родителей служит удобной промежуточной точкой в случае, когда молодые люди не хотят, чтобы их родители выбирали для них супругов, но культурная среда и социальные нормы также не поддерживают свидания в западном стиле (Medora 2003; Lessinger 2002; Seymour 1999). В этом сценарии, в отличие от свиданий в западном мире, предварительно отобранным молодым мужчинам и женщинам разрешается короткий период ухаживания, в течение которого они могут решить, хотят ли они жениться друг на друге. Таким образом, эта система изменяет традиционную систему брака по договоренности, чтобы дети могли проявлять некоторую автономию в процессе выбора супруга, а для родителей преимущество заключается в том, что они продолжают осуществлять некоторый контроль над выбором супруга своих детей. Эта модификация традиционной системы браков по договоренности не ослабла даже с появлением брачных веб-сайтов – в то время как молодежь может лучше ориентироваться в новых технологиях, связанных с брачными веб-сайтами, семья продолжает играть важную роль в организации брака (Kaur, Dhanda 2014). Система брачных веб-сайтов включает функции поиска, которые

позволяют потенциальным партнерам организовывать поиск на индивидуальной совместимости, сохраняя при этом те параметры, которые позволяют осуществлять выбор на основе предпочтений касты/сообщества и целей индивидуальной и семейной мобильности. Сеймур (1999: 212-214) в своем тридцатилетнем исследовании (1960-1990 гг.) в Бхубнешваре штат Одиша отмечает, что молодые женщины обладали большей зрелостью и большей свободой выбора супруга по сравнению со своими бабушками, которые вышли замуж в гораздо более молодом возрасте. Опрос молодежи в городе Мумбаи, проведенный в 2006-2007 гг., показал (Mathur 2007), что 71% респондентов, состоящих в браке (мужчин и женщин) в возрасте от 23 до 30 лет, сообщили, что их брачный партнер была выбран их родителями или семьей, еще 19% сообщили о самостоятельном выборе супруга/и с одобрения родителей и 11% самостоятельно выбирали своего супруга без участия родителей. Одинокие респонденты в тех же возрастных группах сообщили о схожих процентах ожидаемого участия родителей – 60%, 26% и 13%, соответственно. Интересно, что в выборке молодежи также было указано, что, большинство их родителей вступали в браки по договоренности, сравнительно меньше родителей хотели, чтобы их дети (как и молодежь в выборке) вступали в браки по договоренности (от 75 до 85%). Исследования также выявили региональные различия с точки зрения “права голоса” или степени участия в выборе своих брачных партнеров (Jejeebhoy, Sathar 2001). Проведенный в 2001 г. опрос женщин, в котором приняли участие около 800 замужних женщин в возрасте от 15 до 39 лет из сельских районов штатов Уттар-Прадеш и Тамилнад, показал, что в штате Уттар-Прадеш 13% мусульманских женщин и 10% индуистских женщин имели право голоса при выборе партнера, соответствующие проценты для женщин Тамилнада составляли 32% и 42%, что демонстрирует большую вовлеченность в процесс выбора брачного партнера в южном штате. Данные крупномасштабных демографических исследований, выполненных на основе Обследования человеческого развития в Индии, также подтверждают рост участия молодых

людей в выборе супруга. Из общего числа зарегистрированных типов браков в Обследовании человеческого развития в Индии 2004-2005 гг. (IHDS-I) 60% женщин имеют определенное право голоса при выборе супруга. Соответствующий процент по результатам Обследования человеческого развития в Индии 2011-2012 гг. (IHDS-II) несколько возрос и составил 65%. Кроме того, эта тенденция распространяется не только на самые молодые когорты. Самая старшая группа, по которой имеются данные, также указывает на определенное участие в выборе партнера. Из когорты женщин, вышедших замуж в период 1956-1960 гг., чуть более половины (57%) принимали участие в выборе супруга. С течением времени процент браков с самостоятельным выбором у молодых (брак по любви) оставался примерно на одном и том же уровне (Allendorf, Pandian 2016; Banerji, Deshpande 2021). Между когортами, заключившими брак в 1956-60-х гг. и 1976-80-х гг., произошло увеличение всего на два процентных пункта.

В рамках этой общей национальной тенденции снижения числа браков по договоренности между родителями без какого-либо участия молодых в выборе супруга наблюдаются существенные региональные различия, сопровождающиеся сопутствующим увеличением числа браков по договоренности между родителями при участии молодых и относительно стабильным процентом браков по собственному выбору. Последние наиболее распространены на Северо-Востоке (34%), за которыми следует Юг (чуть менее 10%). Браки по договоренности родителей без какого-либо участия в выборе супруга (как сообщили женщины-респонденты) преобладают в Северных и Центральных штатах (около 50%). Качественный анализ, основанный на небольшой выборке в Дарджилинге, свидетельствует о желательности браков по договоренности родителей с участием молодых по сравнению с браком по договоренности родителей без учета мнения молодых или браками по любви (Allendorf 2013). В этом исследовании участникам было предложено оценить относительную силу и слабость брака по любви по сравнению с традиционными браками по договоренности. Такая оценка

показала, что, хотя два разных типа брака рассматриваются как взаимоисключающие категории, между ними нет иерархии. То, что считается слабостью одного типа брака, обычно является силой другого. Таким образом, гибридный тип брака с сильными сторонами как брака по договоренности, так и брака по любви становится предпочтительным типом брака. Действительно, отличительной особенностью брака в Индии является то, что он указывает на браки по договоренности родителей с участием молодых в качестве наиболее распространенного типа брака (Allendorf, Pandian 2016; Banerji, Deshpande 2021).

Среди представленных в исследовании кастовых и религиозных групп (индуисты высших каст, другие отсталые касты, далиты, адиваси, мусульмане, другие религии (в основном христиане, сикхи, джайны)) наблюдаются схожие тенденции в выборе брачного партнера (Allendorf, Pandian 2016). Для каждой группы отмечается неуклонное снижение числа браков, организованных родителями самостоятельно, и соответствующий рост браков с совместным выбором супруга родителями с молодыми. В каждой группе, за исключением «другие религии», также наблюдается медленный и устойчивый рост числа браков по собственному выбору. Дело в том, что в категории «другие религии» происходило снижение количества браков с самостоятельным выбором среди вышедших замуж в течение 1970-х гг., после чего начиная с когорты вышедших замуж в 1980-х гг., наблюдалось увеличение самостоятельных браков. Изменения с течением времени относительно равномерны, уровни также схожи. Совместный выбор брачного партнера не только увеличивается с течением времени, но и является наиболее распространенным способом для всех групп в течение большей части периода. Единственным исключением из этого утверждения является когорта вышедших замуж в 1970-х гг., для которой выбор только родителей был распространен среди отсталых каст и адиваси в большей степени, чем брак с совместным выбором. Среди браков, заключенных после 2000-х гг., выбор брачного партнера родителями резко сокращается у

представителей высших каст, других отсталых каст и далитов. Однако все еще существуют важные различия между религиозными/кастовыми группами. Во-первых, браки по собственному выбору чаще встречаются среди адиваси, у которых достигают 15% заключенных браков после 2000-х гг. в отличие от других групп, не превышающих 10% таких браков. Представители группы «другая религия» демонстрируют стабильно высокий уровень совместного выбора относительно других групп.

2.1.3. Правила заключения брачного союза

Кастовая система в Индии характеризуется одним из важнейших признаков – эндогамией. Эндогамия означает заключение брачного союза внутри своей кастовой группы, что позволяет сохранить ритуальную чистоту касты. Это подтверждается многочисленными определениями касты, которые были сформулированы учеными в процессе изучения кастовой системы как явления индийского общества (например, Котовский 1965; Кудрявцев 1971). Так, А.А. Куценков подчеркивает, что «из всех ее якобы постоянных признаков только один – эндогамию (да и то с известными оговорками) можно по-прежнему считать действенным и универсальным. Что же касается профессии, локализации на определенной территории, образа жизни, обычаев и норм поведения, то они обязательны лишь для некоторых этапов развития кастового общества. Более модернизированные касты отходят от традиционных занятий, отрываются от исходных мест обитания, меняется и характер их расселения, обычаи, ритуалы; постепенно сглаживаются различия в образе жизни. Иными словами, эти признаки теряют свою обязательность, императивность, а потому не могут выражать сущность данного типа социальной структуры» (Куценков 1983: 37). Теорию касты разрабатывало не одно поколение как отечественных, так и зарубежных индологов. Обнаруженная колониальными британскими властями структурная иерархия общества была названа кастовой системой. Сам термин «каста» позаимствован из португальского языка, это

определение прочно закрепилось в науке. Но более глубокое и детальное изучение этого явления выявило причину выстроившейся системы индийского общества. Стоит отметить, что эти причины нашли свое отражение в брачной практике. Для того, чтобы урегулировать взаимоотношения пришедших ариев с местным автохтонным дравидийским населением была сформирована особая система социального общения. Эта идея развернута Г. Рисли (1915) в предложенной им «теории культурного шока», в рамках которой он дал объяснение эндогамии и гипергамии. Эндогамия подразумевает заключение брачного союза внутри своей группы и вызвана намеренной изоляцией ариев от других этнических и расовых групп из-за культурных различий с целью исключения кровосмешения. Гипергамия – брак женщины с мужчиной более высокого статуса, чем ее. Случаи гипергамии имели место быть и обусловлены недостатком арийских женщин, что заставляло брать в жены представительниц местного населения, но при этом обмен женщинами в обратную сторону не практиковался (Risley 1915). Гипергамия отражена в брахманическом понятии *анулома* – заключение брачного союза между мужчиной и женщиной одного джати (изогамия) либо женщина происходит из более низкой джати (гипергамия). Принцип ануломы действует между экзогамными группами, которые складываются в более крупную эндогамную общность (Успенская 2010а: 317). Е.Н. Успенская подробно описывает значение существования категории «джати» и ее роли в брачных отношениях. «Джати состоят из кланов и иных коллективов родственников, и все общение выстраивается по каналам родственных связей. Касты, этнокастовые общности, даже варны имеют в своей основе джати как базовые модули структуры» (Успенская 2010б: 72). Также Е.Н. Успенская указывает на то, что соблюдается эндогамия не касты (как описывалось в предыдущих определениях касты), а входящих в нее джати с их экзогамными родственными группами (Успенская 2010а). В некоторых джати разрешается развод и повторное замужество. Брак, заключенный мужчиной с женщиной более высокого статуса, чем его –

называется *праилома*. В большинстве случаев он вызывает неодобрение и имеет ряд негативных последствий. Гипергамия практикуется некоторыми кастами, но не является общим правилом. Как отмечал Л. Дюмон, касты отделяются друг от друга, таким образом исключая контакты между собой (Dumon 1988). Брак по договоренности по мнению К. Фуллера является гарантом сохранения кастовой системы (Fuller 1992). Не стоит забывать о возможных сексуальных отношениях, в случае которых кастовая эндогамия также нарушается, потому что ребенок, рожденный в таких официально не оформленных отношениях, причисляется к касте матери (Karve 1961). Хотя кастовая организация общества присуща только индуистам, фиксируются случаи соблюдения эндогамии у неиндуистских групп.

Не менее важным ограничением для заключения брачного союза является правило *сапинда*. Оно заключается в том, что юноша и девушка не должны быть родственниками. В данное понятие родства вкладывается наличие общего предка со стороны отца в седьмом колене, и со стороны матери по восходящей и нисходящей линиям в пятом колене. Сапинда – родственная группа, объединенная ритуальной деятельностью обрядов жизненного цикла. Стоит оговориться, что в пределах страны существуют региональные различия. Так, в Северной Индии это правило соблюдается жестко, тогда, как на юге страны действовали кросскузенные браки, а в Гуджарате до настоящего времени разрешено заключение брака между родственниками в четвертом колене (Ульциферов 2005: 839).

Межкастовый брак – единственный тип брака, не имеющий каких-либо явных региональных различий, хотя регион Северо-Востока близок к этому. Тенденции, как и уровни, одинаковы в разных регионах и относительно тесно согласуются с национальными тенденциями. В 1970-х гг. межкастовые браки варьировали от 2% в Центральном регионе до 8% на Северо-востоке. К 2000-м гг. эти уровни возросли только до 3% в Центральном регионе и 11% на Северо-востоке. Относительно высокий уровень межкастовых браков на Северо-востоке соответствует высокому уровню браков по собственному

выбору. В целом низкий уровень межкастовых браков также согласуется с низким уровнем браков по собственному выбору в разных регионах. Выбор супруга тесно связан с кастовой эндогамией, при этом браки по собственному выбору заметно отличаются от двух других категорий. 17% браков, заключенных по собственному выбору, являются межкастовыми, в то время как менее 5% браков, в которых участвовали родители, являются межкастовыми. Таким образом, как и ожидалось, родители гораздо чаще, чем их дочери, следуют обычаю кастовой эндогамии при выборе мужей. Женщины также могут с меньшей вероятностью обращаться к своим родителям за одобрением потенциального брака, когда у них есть партнер из другой касты. Тенденции в межкастовых браках практически идентичны у сельских и городских жителей. Жители мегаполисов, городов и сельских районов демонстрируют общенациональную модель: межкастовые браки остаются редкими, но предполагают незначительный рост с 4-5% в 1970-х гг. до 5-7% в 2000-х гг. Такой рост межкастовых браков является статистически значимыми для сельских и городских жителей, но не для мегаполисов. Этнографическая литература предполагает, что браки по договоренности и сопутствующие им обычаи более тщательно соблюдаются группами высших каст (Grover 2011; Saavala 2001). Группы низших каст, как правило, имеют более свободные брачные практики, в том числе больший выбор среди молодежи и меньше ограничений на сексуальность женщин. Этнографические исследования также показывают, что мусульмане предпочитают или, по крайней мере, менее склонны к бракам между родственниками и внутри деревень (Jeffery, Jeffery 1997; Kaur, Palriwala 2014).

В одних индуистских семьях строго следуют традиционным вариантам выбора брачного партнера, в других – родители, подверженные современным веяниям, считаются с мнением молодых и позволяют детям самим выбирать себе пару (Глушкова 2003: 1; Гусева 2002: 236). В большинстве случаев родители девушки занимаются поиском потенциального жениха, а также

принимают участие родственники, знакомые, друзья (Семашко 1997: 302). Как только появляется подходящая кандидатура, встречаются родители девушки и юноши. Они узнают друг друга поближе, оговаривают нюансы церемонии, обязательно приданое и, если обе стороны удовлетворены, начинается подготовка к брачной процессии. Так совершается помолвка молодых. Приглашают астролога, без прогноза которого не обходится ни одно важное событие в жизни индуиста, для определения благоприятной даты свадьбы. Астролог предварительно строит гороскоп совместимости будущих супругов и от этого зависят дальнейшие действия сторон (Юрлова 2005: 386). Что касается знакомства будущих супругов, в контексте индуистской культуры этот вопрос имеет свои особенности. Традиционно юноша и девушка первый раз видели друг друга на церемонии бракосочетания (Гусева 2002: 238). Возможно, для западного человека такая норма представляется неприемлемой, но в индуистском обществе это более чем естественное явление. Нередко в литературе можно встретить утверждение о том, что в Индии любовь между молодыми возникает после свадьбы.

Как правило, с ростом уровня женского образования вероятность самостоятельного выбора брачного партнера повышается. Женщины работают наравне с мужчинами, принимают активное участие в общественной и политической жизни страны. Они часто материально независимы, более свободны в принятии решений. В 2007 г. президентом Индии стала женщина – Пратибха Патил. А задолго до нее премьер-министром была Индира Ганди. Пример других женщин, добившихся признания в Индии: Киран Беди, занимавшая длительное время должность начальника главной индийской тюрьмы «Тихар»; писательница Арундати Рой, лауреат Букеровской премии; художница Амрита Шергил и др. Исследователи, занимающиеся Индией, обращают внимание на сосуществование семейных ценностей, на приниженное, подчиненное положение женщины в семье, с одной стороны, и, с другой стороны, ее

значимое место в общественной и политической жизни индийского общества (Глушкова 2003: 178-179).

Родственные связи имеют большое значение в жизни индийца как до, так и после свадьбы. Взаимопомощь расширенной семьи играет важную роль. Кроме того, владение и передача по наследству материальных благ также свойственны расширенной семье. Это существенная поддержка, в особенности, для молодой пары (Desai 2005: 83). Принадлежность к расширенной семье влечет за собой и негативные моменты. Среди них в первую очередь можно назвать свадьбы по сговору родителей без учета мнения детей. Такие браки не всегда удачны. Нередки случаи насильственного поведения со стороны родственников мужа, а чаще свекрови, по отношению к молодой жене. После бракосочетания девушка переезжает в дом мужа и берет на себя основную работу по хозяйству, в том числе она должна ухаживать за родителями мужа (Газиева 2007). Для Индии характерно распространенное мнение о том, что девушка выходит замуж не за юношу, а за его семью. Культурные представления каждого человека сильно отражаются на совместной жизни. Стоит учитывать различия в обрядности, традициях, которые будущие супруги впитали с детства (Глушкова 2003: 159-160).

Неслучайно при выборе партнера для своего ребенка родители наводят справки не только о предполагаемом супруге, но и о семье в целом (Рыжакова 2011). Этот процесс может растянуться на годы, поскольку круг потенциальных партнеров довольно узок. Дело существенно отличается в практике брачных объявлений в прессе. Следует, правда, отметить, что такой способ поиска партнера вызывает неоднозначное отношение в обществе. Одни считают, что это самый последний выход из сложившейся ситуации, и, возможно, что те, кто обращается к брачным объявлениям, имеют какие-либо недостатки (Глушкова 2003: 156). К примеру, профессор Хемачандра Панде, преподаватель университета имени Джавахарлала Неру в Дели, полагает, что выбор супруга или супруги по брачному объявлению не является чем-то

позорным, а, напротив, рассматривает его как реальную помощь в столь сложной задаче. Тем не менее, мужа для своей дочери проф. Панде подыскивал через знакомых. Когда претендент был определен, семьи начали вести диалог, но, когда дети познакомились друг с другом, их мнение стало решающим. Проф. Панде говорит, что сейчас знакомство молодых людей происходит не так, как прежде, когда все решали родители. Наоборот, они только предлагают кандидатуру, и ничего плохого нет в том, если юноша и девушка сразу не понравятся друг другу. Также наш собеседник перечислил основные критерии выбора партнера. Некоторые из них уже упоминались выше, такие как принадлежность к разным экзогамным группам, совместимость гороскопов. Проф. Панде добавил также, что важным показателем является схожесть профессиональных интересов. Можно сказать, что все перечисленные критерии отражены в содержании современных объявлений и являются специфическими критериями выбора партнера в индийском обществе (Дронова, Бутовская 2011).

В целом, в настоящее время наблюдается стремление малых семей выделиться из большой или неразделенной семьи, но при этом они продолжают сохранять тесные семейные связи и принимать участие в ритуальной жизни семьи.

2.1.4. Правовые нормы регулирования брачного поведения

Власти Индии пытаются последовательно искоренять кастовые традиции и кастовую замкнутость. Однако религиозные представления имплементированы в нормативно-правовую базу Индии. Представители основных религиозных течений, представленных в Индии, имеют свои законодательные акты, регулирующие процессы заключения и расторжения брака. В 1954 г. был принят Закон о специальном браке (The Special Marriage Act 1954 (No. 43 of 1954)) – это стремление ввести светские нормы в законодательство страны. По этому нормативному акту граждане страны вне зависимости от их религиозной принадлежности вправе заключить брачный

союз. Далее семейно-брачные отношения заключивших гражданский (светский) брак регулируются общеиндийскими законами. Таким образом, положениями Закона о специальном браке зафиксировано для индуистов, заключивших светский брак, автоматическое исключение из индуистской неразделенной семьи, что влечет за собой нераспространение на них норм обычного права, в том числе и закрепленных законодательно (например, наследование). Одновременно с этим в 1955 г. был выпущен Закон о браке индуистов (Hindu Marriage Act (No. 25 of 1955)). Этот законодательный акт во многом упорядочил нормы обычного права, но и внес некоторые новшества и коррективы, такие как равенство мужчин и женщин в браке и при разводе, раздельное проживание супругов.

Важным шагом со стороны законодателей на пути к искоренению кастовой дискриминации стало введение специальных статей в Законе о браке индуистов, допускающих заключение межкастовых браков. Кроме того, Закон об индуистском браке от 1955 г. устанавливает возможность официального расторжения брака по инициативе любого из супругов (Юрлова 2005: 388) и взаимному согласию. Как правило, развод у индуистов – это нетипичное явление, зачастую вызывающее порицание. Если все же развод случается, и жена уходит из дома назад к родителям, дети, в большинстве случаев, остаются с отцом. Более того, расторжение брака может послужить препятствием для замужества ее сестер или женитьбы братьев.

Семейно-брачные отношения в мусульманской общине регулируются своими правовыми актами на основе обычного права. На территории Индии для мусульман имеют силу следующие нормативные акты: Закон о защите прав мусульманских женщин на развод от 1986 г. (Mookerjee 2002), Закон о применении Мусульманского Персонального Права (Шариат) от 1937 г., акт о расторжении мусульманского брака от 1939 г. (Muslim Personal Law (Shariat) Application Act 1937, Shariat Act 1937, Dissolution of Muslim Marriages Act 1939).

Христиане и парсы Индии заключают и расторгают брак по законам, ориентированным на их общины. Для первых это Закон о браке индийцев-христиан 1872 г. (Там же), Закон о расторжении брака 1869 г. (Там же), а для вторых – Закон о браке и разводе парсов 1936 г. (Там же).

Для стимулирования преодоления кастовых барьеров в брачном поведении 2006 г. правительство страны приняло решение выплачивать компенсацию за брак, заключенный между представителями разных кастовых групп. Результаты этой акции нашли отражение в январском номере газеты «Hindustan Times» за 2007 г. (Hindustan Times 2007). Газета публикует неутешительные результаты опроса общественного мнения по поводу такого решения: 46% респондентов отметили, что не сочетались бы браком с представителем отличной от него касты ни при каких условиях; 32% опрошенных готовы вступить в брачные отношения с представителем другой касты; 22% людей считают такой брак потенциально возможным (Там же). На вопрос «Заключили ли бы Вы брак с представителем более низкой касты, чем Ваша?», ответы были примерно те же: категоричное «нет» сказали 50% опрошенных, 27% ответили положительно, а 23% не смогли отчетливо выразить свою точку зрения по этому поводу (Там же). Следует сказать, что в последние годы участились случаи заключения брака между представителями высших каст и списочных (низших) каст с корыстными целями. Дело в том, что списочные касты имеют квоты на поступление в высшие учебные заведения, для них резервируются места в политических органах власти и рабочие места. Так, если девушку выдают замуж за представителя низших каст, то она теряет свой статус и относится к касте мужа. Соответственно, теоретически она получает право на льготы. Однако, в этом случае девушка начинает конкурировать с законным получателем зарезервированного места. В результате общественность и особенно представители низших каст выражают недовольство подобными случаями. Они заявляют, что девушка, изменившая свой статус с помощью брачной церемонии, не становится полноценной представительницей касты мужа и,

тем более, не может получить возможность пользоваться льготами. Верховный Суд Индии стоит на стороне низших каст и добавляет, что только поддержка самих представителей данной касты может позволить женщине воспользоваться квотой (Mahapatra 2005).

В 1978 г. был принят Закон об ограничении ранних браков (Юрлова 2005: 374). В нем устанавливается возраст вступления в брак для юношей с 21 года, а для девушек – с 18 лет. В январе 2007 г. вступил в силу новый Закон о запрещении детских браков. «Он определял в основном понятия несовершеннолетия и детского брака, способы и методы предупреждения и пересечения таких браков и, главное, широкий спектр полномочий судей и специальных должностных лиц...» (Крашенинникова 2009: 276). В конце 2021 г. было предложено увеличить возраст вступления в брак для женщин до 21 года, таким образом уравнивая их с мужчинами. В данный момент представленная поправка к Закону находится на обсуждении.

2.1.5. Возраст вступления в брак

Важным показателем при заключении брака является возраст брачующихся. Данные переписи населения Индии в 2001 г. показывают, что пик заключения брака у девушек приходится на период между 18-ью и 19-ью годами, у юношей – между 20-ью и 21-им (Табл. 1) (Census Data 2001). Наибольшая активность заключения брака для девушек проявляется в пределах с 14 до 21 года, для юношей – с 18 до 25 лет. Следует также обратить внимание на возрастную группу «менее 10», в которой также значатся случаи брачных союзов.

Данные переписи населения 2011 г. отражают значительные изменения в брачном возрасте индийцев в сторону увеличения (Табл. 2). Так, фиксация возраста вступления в брак начинается с 10 лет, и в категории 10-14 лет указано небольшое число браков относительно цифр предыдущей переписи. Также увеличился возраст наибольшей брачной активности: для мужчин составляет в промежутке от 25 до 39 лет, где пик приходится на десятилетие

Таблица 1. Возраст вступления в брак в Индии по материалам переписи населения 2001 г. (дано с сайта www.censusindia.gov.in)

Возрастные группы	Возраст вступления в брак		
	Общее число (чел.)	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)
все	468,593,016	231,820,399	236,772,617
меньше 10	10,316,817	3,232,370	7,084,447
10-11	6,484,532	1,537,921	4,946,611
12-13	12,379,134	2,055,784	10,323,350
14-15	39,290,670	6,699,267	32,591,403
16-17	59,299,857	11,367,486	47,932,371
18-19	93,831,308	31,140,229	62,691,079
20-21	94,130,733	57,322,317	36,808,416
22-23	48,949,278	35,154,594	13,794,684
24-25	42,006,017	34,194,839	7,811,178
26-27	17,757,978	14,917,536	2,840,442
28-29	12,776,753	11,196,979	1,579,774
30-31	9,588,115	8,707,948	880,167
32-33	3,435,584	3,137,805	297,779
34+	4,896,736	4,396,676	500,060
Не указали	13,449,504	6,758,648	6,690,856

Таблица 2. Возраст вступления в брак в Индии по материалам переписи населения 2011 г. (дано с сайта www.censusindia.gov.in)

Возрастные группы	Возраст вступления в брак		
	Общее число (чел.)	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)
все возраста	579584783	286507311	293077472
0-9	0	0	0
10-14	2742714	1032903	1709811
15-19	14010633	2999621	11011012
20-24	54417955	17536278	36881677
25-29	78981469	34374811	44606658
30-34	79987358	39056059	40931299
35-39	79349364	40230399	39118965
40-44	67014828	35626363	31388465
45-49	56741611	30533274	26208337
50-54	42991315	24268449	18722866
55-59	33352490	18034995	15317495
60-64	28547631	16602813	11944818
65-69	18340362	10995875	7344487
70-74	11306190	7702423	3603767
75-79	5067481	3363995	1703486
80+	4841598	3274260	1567338
не указали	1891784	874793	1016991

30-39 лет; для женщин – 20-39 лет с максимумом в диапазоне 24-34 года. Национальное обследование здоровья семьи (NFHS 3 и NFHS 4) за 2005-2006 гг. и за 2015-2016 гг. сообщило, что индийские женщины в возрасте от 20 до 24 лет вышли замуж в возрасте до 18 лет – 44,5% в более раннем исследовании против 26,8% в последующем (Vikram 2021). Материалы двух переписей населения также указывают на то, что нижний показатель возраста вступления в брак выходит далеко за рамки брачного возраста, установленного Законом о запрещении детских браков. Несмотря на то, что приведенные статистические данные подтверждают практику ранних браков, причем в сельской местности больше случаев, чем в городской среде, отмечается тенденция значительного снижения распространенности ранних браков.

2.2. Повседневная жизнь индийского квартала в Дар-эс-Саламе

Исторически сложилось, что индийцы Дар-эс-Салама или Дара, так сокращенно называют свой город местные жители, проживают в центре города. Здесь расположены жилые дома, административные и культурные учреждения, больницы и клиники, храмы, мечети, организации сферы предоставления услуг, где основу персонала составляют индийцы (Рис. 1а, б). Торговая деятельность представлена широким ассортиментом товаров и рассредоточена от маленьких лавочек до торговых центров. Наличие на домах надписей на индийских языках, хинди и гуджарати, набор индийских товаров в магазинах и дополняющие картину женщины, одетые в традиционные одежды – всё это создает неизменное ощущение присутствия в маленькой Индии, только священные коровы не прогуливаются по улицам. Более пристальное знакомство с индийскими кварталами свидетельствует о четкой дифференциации этой части Дар-эс-Салама на мусульманские и индуистские части, которые формируются вокруг либо мечетей, либо храмов.

Рис. 1а,б. Индуистские храмы

В качестве примера опишем одну из лавочек канцелярских товаров. Перечень предложенных покупателям предметов невелик: канцелярские принадлежности, различные виды папок, бумага, тетради и блокноты, и распространенная услуга – ксерокопия. За прилавком стоит местная девушка африканка. Индийцы часто берут на работу африканцев в качестве продавцов, подсобных рабочих, водителей, охранников, помощниц по дому, нянечек для детей и т.п. Респонденты утверждают, что отношения складываются дружеские и они довольны такими сотрудниками. Однако в обществе существует мнение, что афротанзанийцы вынуждены наниматься на работу к индийцам в силу их более высокого уровня образования и благосостояния (Бондаренко и др. 2007: 176). «Образ «торгашей»,

наживающихся на коренных африканцах, при этом презируя их, также не способствует росту позитивного отношения к арабам и южноазиатам» (Там же). Согласно существующему в Танзании закону в каждой организации, имеющей государственную регистрацию, должно висеть два портрета: один – первого президента Танзании Джулиуса Ньерере, и второй – действующего. Индийцы соблюдают данное правило, более того, дополняют третьим портретом своего родственника, часто отца или деда, основавшего бизнес.

Рис. 2а,б. Лавочки индийцев в Дар-эс-Саламе

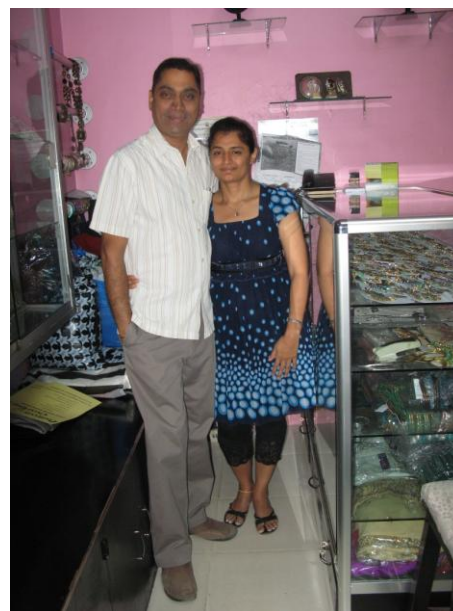
Глава семейства даже в преклонном возрасте приходит на работу вместе с детьми, и, хотя не принимает активного участия в рабочем процессе,

все же демонстрирует свою сопричастность, не чувствуя себя брошенным и бесполезным (Рис. 2а). В данном случае, для пожилого человека важно внимание и почтение, которые он получает в достаточном количестве, находясь на рабочем месте. Знакомые, друзья, родственники не только совершают покупки в магазинах друг друга, но и обмениваются последними новостями (Рис. 2б).

Неотъемлемой частью индуистского интерьера лавочки, магазина, офиса является наличие маленького алтаря. Каждый день для бога или/и богини совершаются необходимые обряды, зажигают благовонье, кладут подношения, украшают цветочными гирляндами.

а)

б)

Рис. 3а, б. Представители индийской диаспоры

Мужчины-индийцы предпочитают европейский стиль в одежде (Рис. 3б). К примеру, наш респондент, мужчина 40 лет, был одет в современную европейскую одежду, брюки и рубашку. В некоторых случаях приверженцы ислама, а индуисты по религиозным праздникам, надевают удлиненную рубашку и свободного покроя брюки (курта с шальварами). Женщины более традиционны в выборе гардероба. Это сари, сальвар камиз (панджаби), паранджа и другая мусульманская женская одежда. Молодое

поколение чаще носит европейскую одежду или сочетает традиционный верх с джинсами либо другими брюками (Рис. 3а).

Рис. 4. Приготовление лепешек

Рис. 5. Прием пищи после праздничной церемонии в храме

Индийская кухня в Дар-эс-Саламе представлена широким ассортиментом (Рис. 4, 5). В магазинах можно купить продукты, привезенные

непосредственно из Индии, для приготовления блюд разных индийских регионов. Дома хозяйки готовят традиционную пищу традиционным способом. Все же некоторые изменения в диете индийцев диаспоры происходят. В большинстве случаев употребление ранее табуированных продуктов происходит вне дома – в ресторанах или кафе. Достоверных гендерных различий в пищевых предпочтениях не было обнаружено. Среди мужчин оказалось 36,0% вегетарианцев и 50,0% не вегетарианцев. 36,4% женщин не едят мясо, а 42,4% – употребляют его в пищу. Отказались предоставлять информацию по этому вопросу 14,0% мужчин и 21,2% женщин из опрошенных. Однако нами выявлены достоверные различия по этому показателю между индуистами и мусульманами. Из представителей первой конфессии 56,4% вегетарианцев, 24,6% – не имеют ограничений в употреблении мясных продуктов, 19,1% воздержались от ответа. Большинство респондентов-мусульман не вегетарианцы – 93,3%, только 1,9% отказываются от мясной пищи, 4,8% пропустили этот вопрос. Стоит отметить, что мусульмане не употребляют в пищу свинину, а индуисты – говядину, даже если считают себя не вегетарианцами.

Индийцы живут расширенными семьями. В квартире размещаются пожилые родители, их неженатые дети либо сыновья со своими семьями. Девушки, выходя замуж, уходят в дом к мужу, в некоторых случаях молодые семьи получают собственное жилье при условии, что родители не останутся одни. В соответствие с этим нами были обнаружены достоверные гендерные различия в ответах на вопрос о месте проживания после заключения брака. На данный вопрос было предложено три варианта ответа: собственное жилье, с вашими родителями, с его/ее родителями. 51,2% респондентов-мужчин заявили, что после женитьбы с супругой собираются жить или живут с его родителями; жить с родителями супруги согласны 5,5% мужчин. Жить с мужем у своих родителей намерены 4,0% женщин, а с родителями супруга – 53,6%. На собственное жильё рассчитывают 40,9% мужчин и 38,4% женщин.

Не пожелали отвечать на данный вопрос 2,4% мужчин и 4,0% женщин. Эти данные отражают реальную картину, сложившуюся в среде индийской общины. С одной стороны, индийцы продолжают жить расширенными семьями: в квартире размещаются пожилые родители, их неженатые дети либо сыновья со своими семьями. Девушки, выходя замуж, переселяются в дом мужа. Но с другой стороны, при условии, что родители не останутся одни, молодые семьи получают собственное жилье. Для сравнения интересно отметить, что студенты-африканцы преимущественно нацелены на нуклеарную семью. Об этом сообщило значительное большинство юношей (94%) и девушек (95,6%) в одном из исследований (Бутовская и др. 2008: 175). Этому существует рациональное объяснение: высшее образование подразумевает, что молодой специалист останется в городе продолжать свой жизненный путь, а следовательно, отделяется от своей семьи. С формированием городской среды многие жизненные установки, характерные для сельской местности, претерпевают значительные изменения. Так произошло и с расширенной семьей, широко распространенной по всей Африке южнее Сахары. Тем не менее, переселяясь в города и образуя нуклеарные семьи, африканцы не перестали поддерживать систему своих родственных социальных связей, которая представляет основу формирования африканской сельской общины. Стоит оговориться, что нуклеарная семья также имеет место быть и в сельских поселениях, не исключая при этом включенности в систему родственной взаимопомощи. Совокупность этих факторов отражает высокий процент студентов, желающих иметь нуклеарную семью.

В среднем индийская семья в Дар-эс-Саламе имела двух детей (табл. 3). Из числа опрошенных семейных индийцев таковых оказалось – 48,3%. Одного ребенка имели 22% респондентов, трех детей – 15,7%, а у 4,2% было четверо детей. Из таблицы 3 становится очевидным, что большинство индийцев желали иметь и считали оптимальным для семьи

наличие двух детей. Небольшое количество детей индийцы объясняли финансовыми возможностями – лучше иметь меньше детей и дать им больше возможностей (Рис. 6). Родители индийцы уделяли много внимания образованию детей и готовы были вкладывать в него значительные финансовые средства. Кроме школы дети посещали дополнительные занятия – спортивные секции, музыкальные уроки, языковые курсы.

Таблица 3. Взгляды индийцев диаспоры на количество детей в семье

Вопросы	Количество детей (%)							Воздержались от ответа (%)
	0	1	2	3	4	5	6	
Сколько у Вас детей?	21,6	17,5	37,1	11,7	3,2	-	0,3	8,6
Сколько Вы хотите иметь детей?	5,7	9,2	48,3	9,2	3,8	0,6	0,3	22,9
Как Вы считаете, какое оптимальное количество детей в семье?	0,6	5,1	63,2	18,1	5,4	1,6	-	6,0

Рис. 6. Семья представителей индийской диаспоры в Дар-эс-Саламе

Данные ООН свидетельствуют о влиянии повышающегося уровня образования на рождаемость. Население ответственнее начинает относиться

к рождению ребенка, думая о его будущем. Наше исследование о предпочитаемых характеристиках потенциального постоянного партнера, проведенное по сходной тематике среди студентов-африканцев показало, что студенты также нацелены на снижение рождаемости для обеспечения более качественной жизни своим детям (Бутовская и др. 2008).¹

2.3 Происхождение и миграционная история респондентов

Несмотря на то, что все респонденты сейчас живут в г. Дар-эс-Салам, родились в Танзании 182 человека, в Индии – 117 респондентов и 7 человек – в других странах (Малайзия, Объединенные арабские Эмираты, Великобритания, Йемен, Пакистан). Интересно отметить, что респонденты-индуисты по месту рождения распределились практически поровну: 48,6% в Индии и 48,1% в Танзании. В то время как основная часть индийцев-мусульман указала Танзанию местом рождения – 81,6% против 13,6% родившихся в Индии. Среди приверженцев ислама в нашей выборке оказались лишь единицы из тех, кто переехал в Танзанию из Индии в последние 15 лет. Во время интервью один из респондентов рассказал, что родился в Дар-эс-Саламе, а его родственники приехали в Танзанию в 1936 году (ПМА 1: А.А.). Такая осведомленность удивляет, поскольку в большинстве случаев только старшее поколение помнит, кто из родственников первый и когда переехал в Восточную Африку. Молодежь же, чаще всего не может точно указать дату переезда своих родных, хотя хорошо помнит имена прадедушек и прабабушек. Респонденты, родившиеся в Танзании, в большинстве своем отмечали, что первыми из Индии переехали их отцы/дедушки/прадедушки в зависимости от возраста отвечающего (81% от числа давших ответ на вопрос). А около 65,5% родившихся в Индии

¹ Некоторые материалы данного раздела опубликованы в статье: Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.

респондентов от числа ответивших на вопрос – это лица, непосредственно прибывшие в поисках работы в Танзанию лично либо вслед за супругом.

Как и в прошлом, так и в настоящее время основной поток миграции происходит из индийского штата Гуджарат. Это сопряжено с несколькими причинами. Во-первых, благоприятные условия для развития торговых отношений. Во-вторых, обнищание людей, перенаселение, недостаток ресурсов в Индии заставляло и заставляет искать новые возможности для жизни (Biswas 2010: 27). Исходное появление в Восточной Африке гуджаратцев послужило мощным катализатором, притягивающим впоследствии новых переселенцев из того же штата, что объясняется культурными факторами. В основе их лежат родственные связи, наличие на новом месте привычной для жизни среды – знакомого окружения, правил и нормы жизни, особенностей матримониальных отношений, в рамках которых браки дар-эс-саламских индуистов часто заключаются с выходцами из Гуджарата или лицами, проживающими в Гуджарате на момент заключения брака. Эти данные подтверждаются и на примере нашей выборки. 64,2% от числа ответивших индийцев переехали из Гуджарата в Танзанию сами или когда-то их родственники. Для сравнения – вторым в этом списке идет штат Махараштра, но он составляет значительно меньший процент – 11,7.

Отвечая на вопрос о причинах миграции в Танзанию, некоторые респонденты отмечали, что здесь легче заработать капитал. Рассуждая на эту тему, один из них, мужчина в возрасте тридцати двух лет, подметил, что в Танзании даже меньше праздничных выходных, на время которых прекращают рабочую деятельность все индуисты, и таким образом, больше возможностей заработать (ПМА 1: Б.Б.). Далее он добавил, что в Танзании легче организовать бизнес из-за меньшей конкуренции. Женщина, сорока одного года, приехавшая несколько лет назад, говорила, что цель ее пребывания в Дар-эс-Саламе – заработать деньги для будущего своих детей, и через некоторое время она вернется обратно в Индию (ПМА 1: В.В.). В

свою очередь, молодой человек, владелец магазина бытовой техники, сообщил о намерении собрать средства для женитьбы в Индии (ПМА 2: Г.Г.).

Индийцы продолжают поддерживать контакты со своими родственниками, проживающими в Индии. Возвращаясь с работы, можно зайти на один из переговорных пунктов, которые так же держат индийцы, и за скромную плату позвонить родным. Для этих же целей активно используют Интернет: электронную почту, социальные сети, программы для мгновенного обмена сообщениями. Кроме того, каждый год они ездят навещать своих близких в Индию. Однако, среди опрошенных существенная доля респондентов (21%) не поддерживает отношения с родственниками из Индии – это те представители индийской диаспоры, которые были рождены в Танзании (в прошлом Танганьике и Занзибаре). Скорее всего, у них не осталось родственников, проживающих в Индии или связи с ними потеряны. В основном к ним относятся приверженцы ислама. Так, из общего числа ответивших индийцев-мусульман, 54,5% поддерживает контакт с родственниками, а 45,5% – нет. Практически все индуисты связаны родственными узами со страной происхождения, их ответы распределились следующим образом: 89,4% поддерживают связь, 10,6% – нет.²

Рис. 7. Общение перед храмом

² Некоторые материалы данного раздела опубликованы в статье: Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.

2.4. Кастовая и религиозная характеристика исследованной выборки

Индийская диаспора, хотя и является замкнутой группой, внутри представляет собой неоднородное сообщество, разделенное по кастовой и религиозной принадлежности (Anand, Kaul 2011: 185). Представители диаспоры организуются многочисленными группами по кастовому принципу, имеют собственный храм, часто территориально близко расселены друг к другу или даже строят многоквартирный дом полностью для членов своей группы, организуют совместные культурно-досуговые программы на выходные (это может быть выезд на природу, спортивные соревнования, посещение достопримечательностей и т.п.), отмечают традиционные праздники (Рис. 7).

Также сообщества индийцев могут формироваться вокруг одного из религиозных течений. Когда, например, один большой храм посещают представители различных каст, но объединяет их обрядность.

Индийцы, отвечая на вопрос о кастовой принадлежности, не всегда сразу называли свою касту³. По нашим наблюдениям они не предполагали, что в анкете под этим вопросом подразумевалось конкретное название их касты, а вместо этого для самоопределения они использовали принятые в танзанийском обществе термины. Еще несколько лет назад индийцы Дар-эс-Салама отвечали, что они «азиаты», таким образом четко отделяя себя от остальной части населения. Однако, в последние годы более популярным становится ответ «индиец», что, по-видимому, связано с появлением китайцев на территории Танзании, с которыми также ассоциируется понятие «азиат». Прежде выходцами из Южной Азии уже использовался термин «индиец» в качестве самоопределения. Однако после 1947 г., когда произошло разделение Британской Индии на Пакистан и Индию, утвердилось определение «азиат», так как применявшееся ранее понятие

³ По материалам наших интервью с респондентами индийцы Танзании отождествляют понятия «каста» и «джати».

«индиец» перестало быть корректным (Дридзо и др. 1978: 140; Lobo 2000: 17). При просьбе детализировать свой статус, индийцы дают два основных ответа: «хинду» либо «муслим», что в реальности соответствует их религиозной принадлежности. Таким образом, поскольку в рамках данного исследования представляется важным определить роль кастовой принадлежности при выборе брачного партнера, во время интервью требовалось задавать уточняющие вопросы. В итоге индуисты указывали свою реальную кастовую принадлежность, а мусульмане в качестве таковой обозначали одно из направлений ислама, представленных в Танзании – бохора (или бохра), исмаилиты, сунниты. Более того, представители ислама в некоторых случаях в графе о кастовой принадлежности указывали «индиец» (28,8%) или в большинстве случаев оставляли ее незаполненной (65,4%). Необходимо сказать, что понятия «азиат», «индиец», «хинду», «муслим» кастами не являются несмотря на то, что индийцы и ассоциируют эти термины с кастовой принадлежностью, хотя свою кастовую группу также знает каждый индиец. Следует отметить, что в ранее проведенном исследовании Э.С. Львовой индийцы диаспоры отвечали сходным образом, но на вопрос об этнической принадлежности (Львова 2005: 116). Также Э.С. Львова отмечает, что термин «азиаты» употреблялся и в официальных документах по отношению только к индийцам (Там же; Дридзо и др. 1978: 139). Интересно отметить, что авторы одного из исследований использовали понятие «мхинди», говоря о представителях индийской диаспоры в Танзании (Anand, Kaul 2011). «Мхинди» на языке суахили означает индиец – скорее всего индийцев так принято называть в африканской среде. Авторы исследования утверждают, что сами респонденты-индийцы называли себя этим термином, однако в нашей практике не встретилось ни одного такого случая. Можно было бы предположить африканскую этническую принадлежность авторов работы, что могло спровоцировать респондентов дать такой ответ, однако, все они являются индийцами по происхождению, постоянно проживающими и работающими в Лондоне.

В нашей выборке из 315 респондентов, проживающих в Дар-эс-Саламе, оказались 183 индуиста из 38 каст. Две касты: *бхатиа* (15,6% от общего числа индуистов) и *лохана* (13,9% от общего числа индуистов), которые исторически были более многочисленными в Танзании, а их представители одними из первых прибыли в Восточную Африку в качестве купцов, составили большинство и в нашей выборке. Наибольшее количество респондентов отнесли себя к высшей варне брахманов (17,3% от общего числа индуистов) без уточнения своей кастовой принадлежности.

Следует отметить, что в Танзании представлены практически все религиозные конфессии Индии за исключением иудаизма и анимизма – индуизм, джайнизм, сикхизм, зороастризм, буддизм, ислам и христианство. Наиболее многочисленными считаются сообщества индуистов и мусульман. Среди наших респондентов оказались 183 приверженца индуизма, 5 сикхов, 19 джайнов, 104 мусульманина, 3 христиан и 1 атеист.

Религиозная жизнь диаспоры достаточно насыщенная. В нее стараются вовлекать как можно большее число приверженцев конкретного течения индуизма. В выходные дни устраивают поездки для совместного отдыха, проводят спортивные соревнования, периодически приезжают религиозные лидеры из Индии с лекциями. Такие визиты могут быть приурочены к одному из праздников (Рис. 8). Индуисты отмечают все праздники религиозного календаря, к которым готовятся с особой тщательностью (Рис. 9). Храмы украшают соответственно тематике торжества. Если, например, отмечается день рождения бога, то устанавливают маленькую люльку с уменьшенной копией новорожденного бога. Женщины приносят из дома подношения для бога, дети и подростки под руководством взрослых готовят концертные выступления – танцы, сценки из жизни богов, песни (Рис. 11). Иногда устраиваются конкурсы детских рисунков (Рис. 10). Празднование заканчивается общей трапезой, на которой гостям предлагаются исключительно традиционные индийские

блюда (Рис. 5). На улице Прамух Свами в Дар-эс-Саламе расположено 8 храмов, вот некоторые из них: Шри Санатан Хинду Мандир, Дар-эс-Салам Брам Мандал, Чампси Мульджи Бхатия Махаджан Вади, Шри Сваминараян Мандир.

Рис.8. Церемония в храме

Рис. 9. Празднование Наваратри

Рис. 10. Конкурс рисунков, приуроченный к религиозному празднику

Рис. 11. Танцевальное выступление детского коллектива

2.5. Языковая ситуация и образование представителей индийской диаспоры в Танзании по данным наших опросов

Следует сказать, что в индийской диаспоре складывается интересная языковая ситуация. Индийцы, которые получали среднее образование в Танзании, владеют суахили – его изучают в каждой школе как государственный язык наряду с английским. В некоторых частных школах,

организованных при поддержке индийского правительства и частных лиц, язык хинди (государственный язык Индии) является обязательным предметом, в качестве дополнительных предметов предлагается изучение санскрита, французского языка. Однако языком повседневного общения остается гуджарати. Серьезную конкуренцию ему составляет английский язык. Колониальные власти принуждали индийцев овладевать английским языком, в то время как те противостояли, в том числе имея собственные общеобразовательные школы, где обучение велось на родном языке (гуджарати) (Oonk 2007: 71-72). После обретения независимости африканцы утвердили суахили как государственный язык. В свою очередь, индийцы стали переходить на английский язык. Последний все чаще становится инструментом межличностного и межнационального общения. Индийцы, владеющие собственным бизнесом, чаще используют английский язык как основной, так как их деятельность ориентирована на работу с иностранными клиентами. Таким образом, постепенно происходит замещение родного языка английским. Старшее поколение недовольно складывающейся ситуацией. Многие из поколения, рожденных после 1960 г., не умеют писать и читать на родном языке, они владеют только устным, используя его для взаимодействия с родителями, старшими родственниками и в особых случаях, когда необходимо, чтобы другие присутствующие не понимали сказанного (Там же: 79-80). Родители стараются обучать своих детей гуджарати с младенчества в домашней обстановке. Мама одной из наших респонденток ведет курс обучения языку гуджарати для детей, который действует при крупном индуистском храме, но при этом она сама не владеет английским языком. Для многих представителей старшего поколения — это нормальная ситуация. Встречаются индийцы, не владеющие письменным английским — как правило, это люди старшего возраста, занятые мелкорозничной торговлей, и лица с низким уровнем образования. Язык суахили индийцы используют в разговоре с африканским населением. Уместно отметить, что индийцы, получавшие образование в Танзании, имеют

четкое и ясное произношение английского языка, в отличие от приехавших в недавнее время. В среднем, представители индийской диаспоры владеют тремя языками: гуджарати, английским и суахили.

Индийская диаспора в Танзании имеет индийские школы (Рис. 12), однако на современном этапе не существует отдельных государственных индийских школ, как было раньше, только частные образовательные учреждения (Львова 2014: 53). Выделяются мусульманские школы, в которых мальчики и девочки обучаются раздельно. В частных индийских школах существует практика приглашенных преподавателей из Индии – такие учителя владеют последними методиками преподавания по индийским стандартам. Перед началом занятий во дворе школы выстраиваются все классы для исполнения индийского гимна. В одной из посещенных мной школ дети выполняли минимальный набор физических упражнений. После окончания школы многие индийцы стремятся продолжать образование в Индии, объясняя это более высоким уровнем преподавания и меньшей платой за обучение, кроме того, возможностью пожить некоторое время в стране происхождения. Несмотря на индийскую ориентацию в таких школах обучаются также африканские, европейские и китайские дети.

Рис. 12. Ученики частной индийской школы Дар-эс-Салама с Д.А. Дроновой

Кроме того, культурно-просветительской деятельностью занимается Индийский культурный центр в Дар-эс-Саламе, впервые открывший свои двери для посетителей в конце 2010 г. (India-Tanzania Relations 2017). При Центре действуют кружки разной направленности: декоративно-прикладное искусство, спортивные, музыкальные, танцевальные, лингвистические занятия, работает библиотека. Так как Центр ориентирован в первую очередь на распространение и поддержание индийской культуры, соответственно уделяется большое внимание приобретению навыков в той или иной области традиционного искусства, и любого другого направления, будь то йога, игра на традиционных инструментах (например, табла), индийские танцы, языки хинди, гуджарати и т.д. Регулярно проводятся спортивные соревнования, праздники индийского календаря, тематические мероприятия, встречи с индийскими мастерами, концерты, фестивали не только в Дар-эс-Саламе, но и в других городах Танзании. Культурный центр активно сотрудничает как с индийской стороной, так и с местными организациям в части реализации совместных мероприятий по различным тематикам.

Отношение индийцев как мужчин, так и женщин к влиянию западной культуры на индийскую оказалось сходным. В целом опрошенные положительно оценивали проникновение западных норм – так полагали 47,6% мужчин и 51,0% женщин, а негативно – 25,0% и 19,2%, соответственно. Нейтральное отношение высказали четверть респондентов мужского пола и каждый пятый женского. Не желали давать ответа только 2% опрошенных. Расхождений во мнениях в религиозном плане также не было выявлено. Положительная оценка проникновения западных норм поведения ведет к трансформации традиционных устоев индийцев Танзании. Так женщины чаще получают высшее образование, чувствуют свою независимость и самодостаточность. По нашим данным, мнение о том, что жена может послушаться мужа в особых ситуациях, выразили 61,6% мужчин и

60,9% женщин. При этом 21,2% женщин и 17,7% мужчин допускали, что супруга может послушаться своего мужа по своему желанию, невзирая ни на что. Однако более традиционная часть респондентов не согласна с этим – они считали, что женщина должна полностью подчиняться своему мужу: такое мнение разделяли 17,7% респондентов мужского пола и 16,6% женского. Не ответили на данный вопрос всего 2% от опрошенных. Гендерных и конфессиональных достоверных различий не было найдено. Сравнивая позицию по этому вопросу индийцев и студентов-танзанийцев можно сказать, что первые более лояльно настроены (табл. 4). Студенты танзанийского ВУЗа чаще индийцев выражали несогласие с возможностью послушаться супругой своего мужа – отрицательный ответ дали 30,6% мужчин-африканцев против 17,7% мужчин-индийцев, 22,1% афротанзаниек против 16,6% индианок (Бутовская и др. 2008). Респонденты обоих полов не сошлись во мнении, что мужчины и женщины должны иметь равные права избираться и быть выбранными в правительство. Тем не менее, довольно высокий процент обоих полов ответили положительно. Женщины чаще мужчин выражали согласие по поводу равенства полов – 85,4% респонденток, ссылаясь на особые случаи только в 13,9% ответов, и ни одна из опрошенных не высказала четкого «нет». В свою очередь, 78,8% мужчин поддерживали идею равных политических прав, 18,3% – лишь в особых ситуациях, а 3,0% выступали против этого. Достоверные различия были обнаружены и по религиозному принципу. Мусульмане чаще индуистов отвечали положительно на этот вопрос, но добавляли, что такое возможно лишь при определенных обстоятельствах – 25,0% и 9,8%, соответственно. Безоговорочно соглашались 73,1% мусульман и 88,0% индуистов. Категоричное отрицание выразили 1,9% приверженцев ислама и 1,6% последователей индуизма. Лишь один индуист не определился с мнением по данному вопросу.⁴

⁴ Некоторые материалы данного раздела опубликованы в статье: Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.

Таблица 4. Сравнение ответов представителей индийской диаспоры с ответами студентов-африканцев Танзании по вопросу «Может ли жена послушаться своего мужа?»

Варианты ответов	Мужчины (%)		Женщины (%)	
	индийцы	африканцы	индийцы	африканцы
Да	4,8	21,2	12,3	17,7
Да, но в особых ситуациях	64,5	61,6	65,6	60,9
Нет	30,6	17,7	22,1	16,6

2.6. Нормы брачного поведения в индийской диаспоре в Танзании и проблема смешанных браков с местным населением

Более серьезно и остро стоит вопрос о заключении браков между индийцами и африканцами. Проблема заключается в культурных различиях этих двух этнических сообществ, что подтверждают респонденты во время интервьюирования автором данной работы. Традиционные нормы и обычаи, связанные не только с этнической, но и с религиозной принадлежностью, накладывают определенные мировоззренческие и поведенческие паттерны, оказывающие влияние на совместную семейную жизнь в позитивном или негативном ключе.

В рамках нашего исследования относительно вероятности заключения брака с танзанийцем африканского происхождения были получены достоверные гендерные различия. Женщины более категорично исключали возможность выбора в мужа африканца – 84,1%, допускали это с оговоркой на особую ситуацию – 7,9%, и всего 3,3% отвечали, что потенциально согласны на такой союз. Хотя большинство мужчин, а это 65,9%, отрицали брак с африканкой, не против вступить в законные брачные отношения при условии особых обстоятельств оказалось 25,6% опрошенных индийцев, а 3,7% мужчин были согласны рассматривать девушку-африканку в качестве невесты. Пожелали не отвечать 4,9% мужчин и 4,6% женщин, соответственно. Так же не сошлись мнения мужчин и женщин относительно будущей брачной пары для своих детей – были выявлены достоверные

гендерные различия. Мужчины были более лояльны в этом вопросе, чем женщины – 32,3% респондентов разрешили бы брак своим чадам с танзанийцем африканского происхождения, но при особых условиях в то время, как только 14,6% опрошенных женщин позволили бы подобный брачный союз при прочих равных условиях. Женщины чаще отрицали вероятность африканского супруга для своих детей – 77,5%, чем мужчины – 61,0%. Незначительный процент респондентов согласился на межэтнический брак – 4,3 мужчин и 6,0 женщин. Пропустили данный вопрос 2,4% мужчин и 2,0% женщин.

Интересным представляется сравнение с уже упомянутым выше исследованием. Танзанийцы африканского происхождения в большинстве своем (52,6%) считали возможным брак своих детей с представителем индийской диаспоры в зависимости от ситуации (Халтурина, Коротаев 2008: 30). При этом положительный и отрицательный ответ дало практически равное количество респондентов, 22,9% и 24,5%, соответственно. К сожалению, в данном опросе отсутствует гендерное разделение, что не дает нам возможности более детального сравнения с нашими результатами, поэтому с целью корректного сопоставления мы произвели расчет распределения ответов респондентов-индийцев без учета половой принадлежности. В итоге были получены более радикальные оценки родителями гипотетической ситуации бракосочетания их ребенка с танзанийцем африканского происхождения со стороны представителей индийской диаспоры. Так категорическое «нет» выразили 70,5% индийцев против 24,5% африканцев, возможность заключения брака в зависимости от ситуации предположили 24,5% против 52,6%, соответственно, и дали положительный ответ лишь 5,2% представителей индийской диаспоры в отличие от 22,9% африканцев. Эти данные демонстрируют более гибкие нормы и дающего возможность компромиссного решения проблемы

африканского общества по сравнению с индийским, придерживающимся строгих правил своей культуры, в том числе эндогамии.

Таблица 5. Комбинации стран, из которых респонденты готовы рассматривать потенциального брачного партнера

Набор стран	Процент ответивших респондентов от общего числа выборки	
	мужчины	женщины
Индия, Танзания	12,2	4,0
Индия, США, Танзания	-	1,3
Индия, США	0,6	1,3
Индия, другие	-	0,7
Танзания, другие	-	1,3
Великобритания, Танзания	0,6	3,3
Великобритания, Индия	1,2	0,7
Великобритания, Индия, Танзания	4,3	1,3
Великобритания, Индия, Танзания, другие	0,6	-
Великобритания, Индия, США	1,8	-
Великобритания, США	0,6	2,0
Великобритания, США, Танзания	1,2	3,3
Великобритания, Танзания, другие	0,6	0,7
Великобритания, США, другие	-	0,7
Великобритания, Индия, США, Танзания	4,9	4,0
Великобритания, США, Танзания, другие	1,8	2,0
Великобритания, Индия, США, Танзания, другие	4,9	2,0

Лишь немногие респонденты четко определились, из какой страны должен быть их потенциальный брачный партнер. На поставленный вопрос о том, из каких стран респондент рассматривает будущую/его супругу/а, была возможность выбрать одну из предложенных стран (Танзания, Индия, Великобритания, США) или указать свой вариант страны, или выбрать несколько стран (табл. 5). Достоверных различий между мужчинами и женщинами нами не выявлено. Большинство индийцев хотели бы супруга из Индии – это справедливо для 29,9% мужчин и 31,1% женщин. Девушек из Танзании как возможных невест рассматривают 11,6% мужчин, а танзанийские женихи интересуют 17,2% женщин. Будущего супруга только из Великобритании хотели бы иметь 2,4% мужчин и 0,7% женщин. Одна (0,7%) женщина была нацелена на будущего мужа из США. Сравнительно

большой процент мужчин и женщин, 15,2% и 13,9%, соответственно, указали на предпочтение брачной пары из другой страны, что означает не из одной из предложенных (Великобритания, Индия, США, Танзания). Комбинации стран, из которых индийцы рассматриваются в качестве партнеров для будущей совместной жизни, представлены в таблице 5. 4,3% мужчин и 6,65 женщин не ответили на данный вопрос.

При ответе на вопрос о том, каким способом респонденты выбирают или уже нашли себе пару для брака, была предоставлена возможность указать несколько вариантов. Ответы распределились следующим образом. Среди мужчин 43,3% предпочитают выбирать брачного партнера только самостоятельно, а среди женщин – 23,8%. Данное решение перекалывают на плечи родителей 33,5% мужчин и 44,4% женщин. Один мужчина полагается на помощь сети Интернет, и никто из представителей сильного пола не желает прибегнуть к брачным объявлениям в газетах. Обратная ситуация сложилась у женщин: одна респондентка указала, что обратится лишь к брачным объявлениям и ни одна ни указала на возможность использования сети Интернет. В то же время 16,5% мужчин и 19,2% женщин готовы воспользоваться другими двумя способами – личный и родительский поиск. Ко всем четырем предложенным способам (личный выбор, поиск родителями, ресурс сети Интернет, брачные объявления в газете) решили обратиться 3,0% мужчин и 1,3% женщин. Несколько респондентов отметило и другие комбинации способов, но их было незначительное количество. Таким образом, мы наблюдаем высокую значимость мнения родителей в выборе брачного партнера на современном этапе. Хотя желание самостоятельного принятия решения относительно будущего супруга/и и выразило большинство мужчин. Стоит заметить, что студенты-африканцы оказались более консервативны в выборе невесты, потому что 60% из них (от общего числа участников опроса) были намерены обратиться за советом к своим родителям, а большая часть студенток

предпочитает полагаться на личный выбор (Бутовская и др. 2008: 174). Детализированный вопрос был задан об отношении к использованию брачных объявлений в газетах в качестве дополнительного инструмента для поиска брачного партнера. 34,1% мужчин и 31,7% женщин расценивают его положительно, нейтральным остается отношение у 38,4% мужчин и 32,5% женщин, нежелательным данный вариант считают 26,3% мужчин и 34,4% женщин. Воздержались от ответа 1,2% мужчин и 1,3% женщин.

В процессе интервьюирования большинство респондентов сообщили, что лично не прибегали к практике брачных объявлений в газетах. Стоит отметить, что в Танзании не издается индийская пресса, а имеющиеся печатные издания присылаются из Индии. Возможно, в этом заключается одна из основных причин незначительной роли брачных объявлений в поисках супруга/и в Танзании. В странах, где индийские диаспоры выпускают свои местные газеты, значительный объем полос отводится под брачные объявления (Gopalkrishnan, Babacan 2017: 517). Например, две крупнейшие газеты India Abroad и The India Post в Нью-Йорке и Bharat Times в Австралии публикуют каждый день брачные объявления. В Индии это широко распространенный способ поиска супружеской пары, адаптирующийся под современные тенденции на matrimony рынке (Дронова, Бутовская 2011; Sahoo 2017; Dei 2016).

По воспоминаниям респондентов, как мужчин, так и женщин, браки их родителей в большинстве случаев заключались по договоренности. Такие ответы дали 71,3% мужчин и 80,8% женщин. О самостоятельном выборе родителями себе пары указали 20,1% респондентов-мужчин и 15,9% респонденток. Другим способом нашли брачного партнера родители 6,1% мужчин и 0,7% женщин. Не дали ответа 2,4% мужчин и 2,6% женщин. Гендерных различий по этому показателю мы не обнаружили. Эти данные в сравнении с ответами респондентов о желании самостоятельного выбора партнера для брака являются яркой иллюстрацией происходящих изменений

в индийской диаспоре в Танзании. Хотя поколение родителей наших респондентов в подавляющем большинстве заключали брак по сговору, а сами респонденты сообщали о желании самостоятельного выбора, но уточняли, что готовы прислушаться к мнению своих родителей и планируют получить от них одобрение.

Анализируя данные опроса и интервью, можно заключить, что на данный момент индийская диаспора находится на переходном этапе, когда браки по сговору продолжают функционировать одновременно с набирающими все большую популярность браками по любви. Уточняющий вопрос в анкете о том, насколько важно мнение родителей при поиске супружеской пары, показал следующие результаты. Выбирать брачного партнера респонденты предпочитают самостоятельно, однако, 47,0% мужчин и 46,4% женщин, выбрав самостоятельно, обсуждают свой выбор с родственниками, а 28,7% мужчин и 25,0% женщин полагаются исключительно на личный выбор. Мнение родственников в этом вопросе остается важным для 11,6% мужчин и 13,9% женщин. Поиск супруга полностью доверяют родственникам 7,9% мужчин и 7,3% женщин. Отказались отвечать 4,9% мужчин и 6,6% женщин.

Таким образом, преобладающее большинство респондентов даже при самостоятельном выборе брачного партнера предпочитают обсудить кандидатуру со своими родителями. Довольно часто респонденты, имеющие детей брачного возраста, говорят, что доверяют своим детям в выборе супруга/и, не против брака по любви и окажут им любую поддержку при необходимости. Авторы исследования, проведенного среди представителей индийской диаспоры в Австралии по схожей тематике, в своей работе предлагают термин, описывающий новую сформировавшуюся форму брака в австралийском контексте – брак при содействии (*assisted marriage*) (Gopalkrishnan, Babacan 2017: 519). Это означает, что родители занимаются подбором потенциального брачного партнера, опираясь на основные

критерии: религиозную и кастовую принадлежность, уровень образования, профессию, возраст и др., а также с учетом пожеланий своих детей. Кроме того, родители стараются организовать встречу молодых людей для знакомства, после чего дети имеют право отказаться от продолжения отношений. Такая форма брака, с одной стороны, сохраняет традиции выбора супружеской пары, с другой – учитывает происходящие изменения в мировоззрении молодого поколения, их родителей и общества в целом. В индийской диаспоре в Танзании на данный момент более распространенной становится тенденция самостоятельного выбора брачного партнера с обсуждением потенциального супруга/и с родителями.

Представители индийской диаспоры в Танзании, как мужчины, так и женщины, сошлись во мнении, что с будущим супругом следует познакомиться и пообщаться перед свадебной церемонией, гендерных различий по этому вопросу не было выявлено (Рис. 13). Уверенное «да» выразили 77,5% респондентов-мужчин и 74,8% респонденток. Согласны заключить брак без предварительного знакомства 14,3% мужчин и 17,9% женщин. Не определились с ответом 7,9% мужчин и 7,3% женщин. Оптимальный период предсвадебного общения составляет полгода по утверждению 39,0% мужчин и 33,8% женщин. Встречи стоит продлить больше, чем на год – так считают 25,0% мужчин и 31,1% женщин. Одного месяца достаточно для предварительных встреч – полагает 17,1% мужчин и 15,2% женщин. Неделя или даже меньше является подходящим сроком для знакомства – 9,1% мужчин и 5,9% женщин. Не было получено ответа на данный вопрос у 9,8% мужчин и 13,9% женщин. Относительно периода встреч перед свадебной церемонией гендерных различий также не было получено.

Рис. 13. Представители индийской диаспоры в Дар-эс-Саламе

Были обнаружены достоверные гендерные различия по вопросу о том, из какой касты хотели бы иметь брачного партнера. Женщины чаще выражали желание заключить брачный союз с человеком из сходной касты, чем мужчины – 72,8% и 56,1%, соответственно. Каста не являлась важным показателем для 38,4% мужчин и 21,2% женщин. Из более высокой касты хотели бы партнера только 0,6% мужчин и 3,3% женщин. Согласны на брак с представителем более низкой касты 1,8% мужчин и 0,7% женщин. Воздержались от ответа 3,0% мужчин и 2,0% женщин. Абсолютное большинство мужчин и женщин выразили желание иметь будущего партнера из схожей касты. Таким образом, однозначность полученных ответов показывает, что каста продолжает оставаться основным критерием при выборе потенциального партнера для брака. Индийцы во всем мире, как в диаспоре, так и в Индии, обращают внимание в первую очередь на принадлежность к одной кастовой группе (Sahoo 2017: 356).

Безусловно, меняющаяся социально-экономическая ситуация оказывает влияние и на отношение к межкастовым бракам в сторону их увеличения (Goli 2013). Данные этого автора подтверждают тенденцию у представителей

индийской диаспоры в Танзании. Исследования, посвященные индийской диаспоре на Карибских островах, свидетельствуют о снижении кастового сознания (Roopnarine 2006). Однако аналогичные исследования в США показывают, что в этой стране кастовая иерархия по-прежнему преобладает у представителей индийской диаспоры (Adur, Narayan 2017; Maira 2012). Объясняется это тем обстоятельством, что важным отличием между индийскими диаспорами в Карибском бассейне и США является происхождение первых из низших каст наемных рабочих с небольшим культурным капиталом (Roopnarine 2003), в то время как представители диаспоры в США – это в основном высококвалифицированные специалисты, такие как инженеры и врачи (Rajadesingan 2019). Таким образом, понимание факторов, влияющих на межкастовые браки, позволяет увидеть, как традиционные кастовые границы укрепляются в относительно привилегированном сообществе диаспоры в более широком западном контексте.

Респонденты-мужчины в Танзании во время проведения нашего интервьюирования часто обращали внимание на то, что хотели бы супругу из Индии. В качестве объяснения они приводили вполне конкретные примеры различий между невестами. Индийцы утверждали, что женщины из Индии лучше знают свою культуру, помнят традиции, правильно исполняют церемонии жизненного цикла и религиозного календаря в отличие от местных индианок. Нередко встречались случаи, когда мужчины специально выбирали себе будущую супругу из Индии. Интересно, что в среде марокканской диаспоры в Бельгии несмотря на высокую и даже возрастающую значимость религиозного фактора, партнера предпочитали выбирать непосредственно из представителей диаспоры, а не из Марокко, приводя совершенно противоположные индийцам аргументы (Sabbe et al. 2019). Марокканцы, обосновавшиеся в Бельгии, не хотят преодолевать образовавшуюся культурную пропасть между ними и марокканцами из Марокко, в том числе и усилившуюся лингвистическую проблему с

постепенной утратой родного берберского языка. Представители диаспоры указывают на сложности самовыражения на родном языке. Молодое поколение марокканцев в Бельгии утверждает, что у них больше общего с бельгийцами, чем с марокканцами, проживающими в Марокко. Девушки уверены, что разное этническое происхождение будущих супругов не может быть препятствием для заключения брака, однако важным для них остается принадлежность к одному и тому же религиозному течению – ислам. Более старшее поколение не согласно с такой позицией и считает, что залогом успешного брака является происхождение партнеров из одной культурной среды. Государственные меры по урегулированию миграционных потоков в Бельгии в том числе нарушают традицию принудительных браков среди представителей марокканской диаспоры, но браки по сговору продолжают ими практиковаться. В целом все перечисленные факты приводят к снижению уровня брачной миграции в этой общине.

В нашем исследовании также выявлены достоверные различия между ответами мужчин и женщин относительно социального статуса семьи будущего супруга. Женщины больше заботятся о том, чтобы их потенциальный супруг был из семьи равной с ней по социальному уровню – 58,3% опрошенных. Для мужчин это является менее важной характеристикой – 52,4%. Социальная категория семьи потенциального брачного партнера не имеет значения для 39,0% мужчин и 26,5% женщин. 3,0% респондентов хотят невесту из семьи более высокого социального статуса, чем его собственная. В то время как 11,3% респонденток заинтересованы в женихе из семьи более высокого социального ранга, чем они сами. Только 0,7% женщин и 3,7% мужчин претендуют на брачную пару из семьи, социальный статус которой ниже статуса их семей. Не определились с этим вопросом 1,8% мужчин и 3,3% женщин.

Таким образом, представители индийской диаспоры в Дар-эс-Салама продолжают сохранять обособленность от местного населения как в

повседневной жизни, культурных и религиозных практиках, так и в выборе брачного партнера. Языком повседневного общения остается родной язык в зависимости от региона происхождения несмотря на то, что образование в основном осуществляется на английском языке. Кроме того, индийцы владеют суахили и используют его для общения с африканским населением. Индийцы Танзании сохраняют связь с Индией, многие из них регулярно посещают родственников, совершают паломнические поездки, находят брачных партнеров, получают образование и обращаются за медицинской помощью.⁵

⁵ Некоторые материалы данного раздела опубликованы в статьях: Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185; Дронова Д.А. Соприкосновение двух культур: представители индийской диаспоры и танзанийцы африканского происхождения (г. Дар-эс-Салам, Танзания) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: ООО "Издательство Ипполитова", 2018. С. 312–318.

Глава 3. Этологические аспекты выбора брачного партнера

3.1. Предпочитаемые характеристики брачного партнера у мужчин и женщин в индийской диаспоре Танзании

Согласно теории, предложенной эволюционным биологом Робертом Трайверсом, родительский вклад представляет собой любой вклад родителя в своего потомка, увеличивающий шансы на выживание последнего (и следовательно, его репродуктивный успех) ценою снижения возможностей родителей вкладывать в других потомков (Trivers 1972). Отталкиваясь от исходной предпосылки о том, что мужчина и женщина затрачивают разное количество усилий на воспроизводство и воспитание потомства, Р. Трайверс доказал, что родительский вклад неравнозначен у представителей противоположных полов. В связи с этим ученый сделал следующие заключения: а) самка более избирательна при выборе партнера, так как за свою жизнь она имеет возможность произвести меньшее количество отпрысков по сравнению с самцом. Главные качества самца, на которые самка будет ориентироваться – желание обеспечивать ресурсами партнершу и проявлять заботу о совместном будущем потомстве; б) желание самца оставить после себя большее число потомков при минимальных затратах. Эти идеи получили дальнейшее развитие в труде Д. Саймонса «Эволюция человеческой сексуальности» (Symons 1979). Основываясь на данных по разным культурам, исследователь продемонстрировал применимость теории родительского вклада Р. Трайверса к человеческим популяциям. По всему миру женщины более избирательны и требовательны при выборе полового партнера, а мужчины менее разборчивы и более полигамны. Он также указал на психологические различия мужчин и женщин в плане сексуальности: мужчины в большей степени склонны к сексуальному разнообразию. В соответствии с этими особенностями Д. Саймонс выдвинул гипотезу о различии гендерных предпочтений при выборе партнера. Мужчины должны преимущественно ориентироваться на показатели фертильности и

репродуктивности партнерши, а женщины – больше ценить в партнере желание и возможность заботиться и обеспечивать совместных детей. Поэтому ценными мужскими качествами по мнению женщин являются те, которые говорят о его способностях обеспечивать семью, а значит и совместных детей, в условиях индустриальных обществ эта способность зависит от уровня интеллекта, хорошего образования, социального статуса, трудолюбия, финансовой обеспеченности и т.п. Что касается традиционных обществ, для женщин будут важными качества, которые помогут мужчине обеспечить семью продуктами питания посредством охоты, рыболовства, фермерства и лидерские черты. Для того, чтобы оценить репродуктивные способности женщины, мужчины полагаются на физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье и возрасте. Под физическими показателями, которые формируют привлекательность женщины в глазах мужчины, подразумевается рост, вес, форма и флуктуирующая асимметрия лица, соотношение талии к бедрам, длина ног и др.

В 1989 и 1990 гг. опубликованы одни из основополагающих работ о предпочтениях в выборе брачного партнера и обсуждении их с позиций эволюционных перспектив эволюционным психологом Д. Бассом с соавторами (Buss 1989; Buss et al. 1990). Д. Басс организовал в 37 странах исследование по единой программе и выделил универсальные показатели, влияющие на выбор брачного партнера во всех популяциях и имеющие гендерные различия. Тем не менее, автор с коллегами отмечают, что культура играет важную роль в традиционных обществах (в выборке данного исследования это – Китай, Индия, Иран, Нигерия). В дальнейшем его идеи получили широкое распространение и неоднократно проверялись в разных этнических группах. Стоит отметить, что в основном это были индустриальные общества, для которых подтверждались выдвинутые положения. Однако начавшийся в начале XXI в. всплеск исследований традиционных обществ показал неоднозначность и невозможность

экстраполяции накопленных знаний, проведенных на западных выборках, на человеческие культуры по всему миру.

В рамках данной главы мы проанализируем гендерные различия в стратегиях выбора брачного партнера в индийской диаспоре, проживающей в Танзании, и попытаемся подтвердить гипотезы об их универсальности у современного человека. Для анализа были использованы данные по 315 респондентам (164 мужчины и 151 женщина).

Выделенные в процессе статистического анализа главные компоненты позволили определить основные критерии выбора брачного партнера мужчинами и женщинами в индийской диаспоре Танзании. На основе оценок 27 качеств потенциального брачного партнера были получены представления о критериях выбора супруга/и. Результаты факторного анализа определили четыре главные компоненты, определяющие выбор брачного партнера, для каждого пола (табл. 6, 7).

Так, предпочтения индийцев-мужчин выражены следующими главными компонентами, описывающими 51,4% общей изменчивости (табл. 6). Главная компонента 1 (16,8% общей изменчивости) ассоциируется с качествами потенциальной жены с достаточно высоким статусом, образованной и с хорошими репродуктивными возможностями. Главная компонента 2, описывающая 13,5% общей изменчивости, демонстрирует фактор физической привлекательности и заботливой матери. Главная компонента 3 (11,8% общей изменчивости) является фактором социабельности. Главная компонента 4 (9,3% общей изменчивости) отражает негативные качества потенциальной брачной партнерши.

Главные компоненты, выражающие мнение женщин относительно брачного партнера, в целом схожи с критериями мужчин (табл. 7). Четыре главные компоненты объясняют 47,5% суммарной дисперсии. Главная компонента 1 (16,7% общей изменчивости) характеризует «хорошего» мужа, способного обеспечить жену и детей.

Таблица 6. Главные компоненты, описывающие основные качества потенциальной супруги по мнению мужчин

Характеристики	Главные компоненты			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Любовь к детям	,227	,365	,152	-,400
Трудолюбие	,645	,053	,182	,024
Социальный статус	,651	-,091	,183	-,099
Взаимность чувств	,633	-,010	,157	-,277
Финансовая обеспеченность	,259	-,088	,455	,269
Схожесть жизненных интересов	,722	,003	,133	,030
Здоровье	,397	,369	,123	-,251
Способность к деторождению	,632	,203	-,084	-,200
Возраст	,668	,377	,046	-,104
Интеллект	,522	,268	,315	-,190
Уровень образования	,543	,315	,314	,158
Хозяйственность	,265	,525	,244	-,122
Активность	,438	,403	,293	,211
Способность постоять за себя	,468	,381	,435	,079
Лидерство	,350	,024	,588	,094
Заботливость	,273	,529	,423	-,225
Способность быть одному	,098	-,053	,633	-,050
Общительность	,097	,356	,721	-,024
Чувство юмора	,354	,301	,411	,112
Этническая принадлежность	-,021	,143	,694	-,286
Склонность к риску	,300	,341	,345	,246
Девственность	-,030	-,005	,114	,847
Наличие детей от другого	-,082	,082	,008	,822
Вредные привычки	-,357	,248	-,230	,513
Внешность	-,082	,720	,068	-,068
Вес	-,042	,816	-,106	,157
Рост	,199	,722	,057	,195

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

Таблица 7. Главные компоненты, описывающие основные качества потенциального супруга по мнению женщин

Характеристики	Главные компоненты			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Любовь к детям	,093	-,161	,131	,138
Трудолюбие	,239	-,121	,494	-,320
Социальный статус	,348	,353	,334	-,335
Взаимность чувств	,641	,012	,141	-,019
Финансовая обеспеченность	,611	-,003	,018	-,143
Схожесть жизненных интересов	,673	,034	,225	,014
Здоровье	,531	,349	-,168	,079
Способность к деторождению	,588	,211	,112	,100
Возраст	,579	,272	-,014	,126
Интеллект	,692	,114	,205	,061
Уровень образования	,614	,272	,013	,062
Хозяйственность	,267	,207	,214	,477
Активность	,125	,305	,629	,139
Способность постоять за себя	,165	,228	,648	,365
Лидерство	,225	,016	,630	,030
Заботливость	,439	,073	,277	,129
Способность быть одному	-,133	-,118	,553	,038
Общительность	,543	,051	,311	,183
Чувство юмора	,531	,099	,415	,020
Этническая принадлежность	,265	,284	,266	-,111
Склонность к риску	,253	,144	,480	,112
Девственность	-,100	-,066	,224	,788
Наличие детей от другого	,083	-,100	,035	,806
Вредные привычки	,095	-,029	-,061	,763
Внешность	,314	,719	,212	-,057
Вес	,183	,862	,058	,078
Рост	,163	,876	,044	-,061

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

Главная компонента 2 (10,6% общей изменчивости) обобщает показатели, характеризующие внешность будущего супруга. Главная компонента 3 (10,5% общей изменчивости) отражает способность потенциальным брачным партнером налаживать социальные связи. Главная компонента 4 (9,7% общей изменчивости) представляет собой фактор нежелательных качеств будущего супруга.

Для каждой из четырех главных компонент был проведен тест Хи-квадрат с учетом гендерной принадлежности. Так, по всем четырем главным компонентам, отражающим предпочтения мужчин-индийцев относительно будущей супруги, не было получено достоверных различий по религиозному признаку респондентов (ГК 1: $\chi^2=1,19$; $df=3$; $p=0,755$; ГК 2: $\chi^2=0,59$; $df=3$; $p=0,899$; ГК 3: $\chi^2=3,42$; $df=3$; $p=0,332$; ГК 4: $\chi^2=1,19$; $df=3$; $p=0,755$). Главные компоненты 2, 3 и 4, сформированные из более высоких оценок женщин качеств потенциального супруга, также не имеют достоверной зависимости от религиозной приверженности респонденток (ГК 2: $\chi^2=6,05$; $df=3$; $p=0,109$; ГК 3: $\chi^2=3,09$; $df=3$; $p=0,377$; ГК 4: $\chi^2=5,31$; $df=3$; $p=0,150$). В данном случае интерес вызывает главная компонента 1, для которой выявлена достоверно значимая связь в оценке качеств этого фактора в зависимости от приверженности респонденток к индуизму и исламу ($\chi^2=8,27$; $df=3$; $p=0,041$). Женщины, исповедующие индуизм, и женщины, исповедующие ислам, в разной степени оценивают качества потенциального брачного партнера, определяющие главную компоненту 1. Индуистки придают большее значение показателям взаимности чувств ($t=3,020$; $df=81,50$; $p=0,003$), финансовой обеспеченности ($t=4,148$; $df=80,45$; $p=0,000$), трудолюбию ($t=2,118$; $df=66,74$; $p=0,038$) и социальному статусу ($t=2,789$; $df=74,85$; $p=0,007$) будущего брачного партнера по сравнению с мусульманками.

Более детальный анализ полученных главных компонент, определяющих выбор брачного партнера представителями индийской диаспоры как мужчинами, так и женщинами, демонстрирует согласованность с предсказаниями теории сексуальных стратегий. Так главная компонента 1,

основанная на мнении мужчин, включает в себя следующие показатели: трудолюбие, социальный статус, взаимность чувств, схожесть жизненных интересов, интеллект, образование, фертильность, возраст. Перечисленные качества свидетельствуют о предпочтении мужчинами партнерши со схожими жизненными установками, соответствующего социального статуса и интеллектуального уровня, а также имеющей хорошие репродуктивные возможности. Социально-психологические характеристики будут оказывать влияние на способность сохранять крепкие семейные отношения, что в свою очередь обеспечит будущим совместным детям благоприятные условия для жизни и дальнейшие перспективы. Лонгитюдное исследование супружеских пар в сельских районах Непала подтверждает более высокий уровень образования детей и отсутствие желания покинуть родительский дом в более раннем возрасте в тех семьях, где у родителей наблюдается более сильная положительная эмоциональная связь (Brauner-Otto et al. 2020). Также ряд других работ демонстрирует более высокую социальную успешность и репродуктивное поведение потомства в семьях с более устойчивыми позитивными взаимоотношениями между матерью и отцом (удовлетворенность браком, отсутствие разводов, конфликтов и т.п.) (Cherlin et al. 1995; Malinen et al. 2010; Thornton et al. 2007). Психологические потрясения и умение преодолевать их также оказывает влияние на отношения между партнерами. Стресс, который распространяется на интимные отношения, может усилить негативное поведение между партнерами (Repetti 1989; Schulz et al. 2004), что, в свою очередь, может отрицательно повлиять на взаимоотношения, в частности на удовлетворенность (Karney, Bradbury 1995; Randall, Bodenmann 2017). Однако этот процесс распространения негативного стресса может быть смягчен, если пары помогут друг другу справиться с пережитым стрессом (т.е. диадическое преодоление). Теоретические предположения, такие как системно-транзакционная модель стресса и диадического преодоления (Bodenmann 2005), допускают, что связь между поведением, позволяющим

справляться со стрессом, и удовлетворенностью отношениями определяется культурным влиянием (например, гендерными ролями). Результаты недавнего мета-анализа показывают, что эта связь стабильна в разных странах и по гендерному распределению (Falconier et al. 2015). Однако выборки, использованные в мета-анализе, основывались на парах, живущих в западной культуре, что оставляет без ответа вопрос о том, как культура может повлиять на связь между диадическим преодолением и удовлетворенностью отношениями. Исследование, проведенное в 35 странах, показало, что диадическое преодоление трудностей приводит как к положительному, так и отрицательному влиянию на удовлетворенность отношениями в зависимости от культуры, в которой живут пары (Hilpert et al. 2016). Кроме того, результаты демонстрируют, что в некоторых странах эта связь выше для мужчин, а в других странах – для женщин. Так, в парах из Индии диадическое преодоление оказывает наименьшее влияние на удовлетворенность отношениями по сравнению с другими странами, представленными в исследовании. Индия попала в число 14-ти стран, для которых не обнаружено взаимодействия пола с влиянием диадического преодоления на удовлетворенность отношениями. Международным коллективом авторов была опубликована сводная матрица с данными, на основе которых было проведено описанное выше исследование, для продолжения изучения аспектов удовлетворенности браком среди представителей 35 стран как западных, так и незападных культур, включая Индию (Sorokowski et al. 2017).

Важными качествами потенциальной супруги, которые также входят в ГК 1 по мнению мужчин, являются возраст и способность к деторождению. Возраст определяет фертильные возможности партнерши. В связи с этим в эволюционной перспективе мужчины предпочитают партнершу младше себя, а женщины выбирают старших партнеров относительно своего возраста (Kenrick, Keefe 1992; Kenrick et al. 1995; Wiederman 1993). Эти гендерные различия согласуются с теми, которые были

зафиксированы и в других культурах (Buss 1989; Kenrick, Keefe 1992; Otta et al. 1999; Walter 1997; Harpending 1992). Более того, в некоторых странах на показателе возраста завязаны культурные нормы при выборе брачного партнера, связанные, например, с размером затрат на добрачные выплаты (Conroy-Beam, Buss 2019). Детальный анализ наших данных подтверждает, что мужчины и женщины достоверно различаются по предпочтению возраста будущего супруга: 59,8% респондентов-мужчин желают, чтобы невеста была младше, тогда как 73,5% женщин хотят мужа старше себя. Только 2,4% представителей мужского пола согласны иметь жену старше себя, и 1,3% женщин – брачного партнера, который будет младше. Ровесники интересуют 22,0% мужчин и 14,6% женщин. Возраст не имеет значения для 12,8% мужчин и 9,3% женщин. Также наш материал показал значимые гендерные различия относительно возраста вступления в брак. Средний возрастной показатель для мужчин составляет $27,3 \pm 4,9$ лет, а у девушек – $23 \pm 3,8$ года. Эти показатели относительно среднего возраста вступления в брак у представителей индийской диаспоры Танзании практически совпадают с данными 2011 г. по Индии, где средний брачный возраст – 22,2 года для женщин и до 26,0 лет для мужчин (Kamble et al. 2014).

Сопоставление данных дает возможность говорить о схожих установках относительно возраста брачевания у представителей индийской диаспоры в Танзании и индийцев, жителей Индии. Если сравнивать с индийскими демографическими данными за 1982 г., где средний возраст вступления в первый брак для женщин составлял 19,3 года, а для мужчин – 24,0 года, то можно отметить увеличение возрастных показателей вступления в брак у обоих полов. Мужчины нашей выборки женились, начиная с 18 лет и до 51 года, а активный период вступления в брак приходится на промежуток с 23 до 30 лет. Женщины отметили возраст вступления в брак от 17 до 43 лет, наибольшее количество браков заключено в период с 19 до 27 лет. Согласно переписи населения в Индии 2011 г. пик заключения брачных союзов у мужчин с 25 до 39 лет, а у женщин – с 20 до 39 лет (C-2 Marital Status by Age

and Sex). С точки зрения репродуктивных возможностей возраст 19-20 лет считается наиболее фертильным для женщин (Symons 1979; Williams 1975). Ранее проведенные исследования показывают, что мужчин независимо от их возраста привлекают женщины в возрасте 20 лет и что немногие мужчины интересуются исключительно более молодыми или более старшими женщинами (Santtila et al. 2015; Tripodi et al. 2015). Эта закономерность была продемонстрирована в современных западных и незападных культурах (Buss 1989; Buunk et al. 2001; Sohn 2016; Souza et al. 2016) и подтверждается некоторыми косвенными свидетельствами в обществах охотников-собирателей (Early, Peters 2000; Marlowe 2004) и доиндустриальных обществах (Dribe, Lundh 2009). Именно в этом возрасте в традиционных культурах женщины чаще рожают первого ребенка (Северцева 1999; Седловская 1999).

Таблица 8. Оптимальный возраст мужчин для вступления в брак по материалам опроса, проведенного автором данной работы

Возраст	Ответы мужчин, %	Ответы женщин, %
18	0,6	0,7
21	6,1	6,6
22	6,7	1,3
23	3,7	1,3
24	7,3	5,3
25	34,1	30,5
26	11,0	7,9
27	5,5	11,3
28	7,9	13,9
29	0,6	1,3
30	11,6	14,6
32	-	0,7
33	-	0,7
35	1,8	1,3

Нами были найдены достоверные различия между мужчинами и женщинами в оценке подходящего возраста для брачевания. Наиболее подходящим временем для вступления в брак у мужчин респондентами был определен период с 18 до 35 лет (табл. 8). Большая часть респондентов

считает 25 лет оптимальным возрастом для заключения брачного союза – 34,1% мужчин и 30,5% женщин. Подробнее разброс ответов на этот вопрос представлен в таблице 8. Процент не ответивших среди мужчин составляет 3,0, а среди женщин – 2,6.

По мнению респондентов оптимальный период для замужества у девушек приходится на промежуток от 16 до 30 лет (табл. 9). Оценки мужчин и женщин относительного оптимального времени для вступления в брак достоверно отличались. Мужчины считают подходящим возрастом 20 лет, а женщины – 25 лет. Более детально распределение ответов представлено в таблице 9. 3,7% мужчин и 2,0% женщин пожелали пропустить этот вопрос.

Таблица 9. Оптимальный возраст девушек для замужества по материалам опроса, проведенного автором данной работы

Возраст	Ответы мужчин, %	Ответы женщин, %
16	0,6	0,7
18	11,0	7,3
19	1,8	2,0
20	19,5	12,6
21	9,1	4,0
22	14,6	13,9
23	7,9	13,2
24	11,6	13,2
25	12,2	21,9
26	1,2	2,0
27	1,8	0,7
28	3,7	4,0
30	1,2	2,6

Повышающийся уровень образования в целом, но в большей степени среди женщин, вносит существенные изменения в брачные отношения. Повышается возраст вступления в брак, уменьшается количество детей в семье, повышаются требования к брачным партнерам.

ГК 2 по мнению мужчин тесно связана с фертильными возможностями партнерши и более четко раскрывает качества, свидетельствующие о репродуктивном успехе – это фактор физической привлекательности и заботливой матери. Индийцы-мужчины склонны

уделять больше внимания репродуктивным способностям женщины, оценивая физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье, а также качества заботливой матери. Данные по студентам индийского штата Карнатака подтверждают гендерную специфику при выборе брачного партнера (Murry, Puja 2018). Мужчины чаще ценят красивую внешность партнерши, а женщины более заинтересованы ресурсным потенциалом будущего супруга. Характеристики, связанные с приобретением ресурсов, такие как уровень образования, финансовая обеспеченность, социальный статус, трудолюбие, предпочитались женщинам больше, чем мужчинам. С другой стороны, качества хорошей хозяйки оценивались мужчинами выше, чем женщинами. Однако приятная внешность и хорошие финансовые перспективы, как правило, не входили в число самых желаемых характеристик для обоих полов. А добрые и понимающие, здоровые и умные партнеры возглавляли рейтинг независимо от пола. Исследования, проведенные среди российского, танзанийского и замбийского студенчества по сходному инструментарию с представленным в данном проекте, также свидетельствуют о наличии гендерных различий в выборе брачного партнера, но и выявляют культурно-специфические параметры, влияющие на брачное поведение в конкретном обществе (Бутовская, Смирнов 2003; Бутовская и др. 2008). Физические показатели, как маркеры репродуктивного потенциала партнерши, являются значимыми в большей степени для мужчин, чем для женщин (Buss 1999; Kenrick et al. 1994; Mealey 2000).

Как уже подчеркивалось выше, женщины склонны оценивать мужчин с позиции материального достатка, перспектив и социальной успешности. Именно эти качества соответствуют по мнению женщин в ГК 1 и ГК 3 чертам «хорошего» мужа, способного обеспечить жену и детей, и дают возможность потенциальным брачным партнером налаживать социальные связи. Женщины склонны придавать большее значение наличию высокого уровня образования, интеллекта, материального положения

потенциального постоянного партнера (Pawlowski, Koziel 2002; Dunbar, Waynforth 1995).

ГК 4 по мнению мужчин и женщин описывает нежелательные качества потенциального брачного партнера и включает такие характеристики, как девственность, наличие детей от другого партнера, вредные привычки (курение, прием алкогольных напитков и наркотических средств). Вредные привычки напрямую связаны с крепким здоровьем потенциального/ой супруга/и, что в свою очередь влияет на способность к деторождению и возможность иметь здоровое потомство, а также на климат семейных отношений в целом. Параметр «наличие детей от другого партнера» негативно рассматривается мужчинами и женщинами. С точки зрения эволюционной перспективы человеку невыгодно вкладывать личные ресурсы в неродных детей, так как таким образом он лишает свое потомство части возможных благ. Наличие сексуального опыта в представлениях индийцев имеет отрицательную коннотацию, что совпадает с ответами проведенного нами опроса. Как мужчинам, так и женщинам в равной степени важно, чтобы их будущий супруг не имел сексуального опыта до их знакомства (достоверных гендерных различий не было выявлено). Это утверждение справедливо для 86,0% респондентов и 81,5% респонденток. Лишь 11,0% мужчин и 13,2% женщин не придает этому никакого значения. 3,0% мужчин и 5,3% женщин не ответили на данный вопрос. Отсутствие сексуального опыта косвенно исключает наличие детей от другого партнера и возможную беременность женщины, что для мужчины служит гарантией рождения собственного потомства. Однако, известно, что в разных культурах отношение к добрачному сексуальному опыту оценивается по-разному (Кон 1988). В некоторых традиционных обществах допустим добрачный сексуальный опыт, в основном это касается мужчин. Танзанийские и замбийские студенты-африканцы не придавали высокой значимости девственности в качестве параметра потенциального брачного партнера, но

при этом среди них большая доля тех, у кого отсутствует такой опыт к 20-ти годам (Бутовская и др. 2008: 182).

Подводя итоги этого раздела, обратим внимание на то обстоятельство, что перечень предпочитаемых характеристик для брачных партнеров (мужчин и женщин) в современной индийской диаспоре Танзании созвучен с рекомендациями, представленными в Законах Ману, которые необходимо учитывать при выборе брачного партнера: «Не следует брать в жены девушку рыжую, имеющую лишний член, болезненную, безволосую, слишком волосатую, болтливую, красноглазую. Пусть не женится на девушке, носящей имя созвездия, дерева, реки, низшей касты, горы, птицы, змеи, слуги или устаревшее имя. Надо брать в жены женщину, свободную от телесных недостатков, имеющую приятное имя, походку лебедя или слона, нежные волосы на теле и голове, красивые зубы, нежные члены» (Эльманович 1960: 256). Качества жениха описаны следующими словами: «Жених пусть обладает такими же достоинствами, что и невеста, из той же варны, будет ученым брахманом, тщательно проверенным в отношении его мужества (то есть, может ли он быть отцом), молодым, понятливым и любезным людям» (Эльманович 1960: 257).⁶

3.2. Соотношение обхвата талии к бедрам как критерий женской привлекательности у индийцев Танзании

Исходя из теории родительского вклада Р. Трайверса (Trivers 1972) и сформулированной Д. Саймонсом (Symons 1979) гипотезе о различии гендерных предпочтений при выборе брачного партнера в данной главе мы детально остановимся на показателе соотношения обхвата талии и бедер как важном маркере привлекательности женщин (Schultz 1969; Singh 1993a, b, 1994). Распределение жировых отложений на теле у обоих полов зависит от соотношения гормонов эстрогена и тестостерона (Bjorntorp 1991; Rebuffe-

⁶ Материалы главы опубликованы в статье: Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Предпочтения в выборе брачного партнера у мужчин и женщин в индийской диаспоре Танзании // Вестник антропологии. 2020. № 3(51). С. 120–135.

Scrive 1987). У женщин под воздействием эстрогена происходит отложение жира в области ягодиц и бедер. В то же время эстроген препятствует жиросложению в брюшной области у женщин. Эффект тестостерона у мужчин обратный: он способствует отложению жировых отложений в области живота и блокирует их отложение в ягодично-бедренной зоне. У мужчин и женщин после полового созревания форма тела становится различной. Это в первую очередь отражается на соотношении талии и бедер. Для женщин репродуктивного возраста европеоидного происхождения оптимальным является соотношение обхвата талии и бедер в интервале от 0,67 до 0,80, для мужчин – в интервале от 0,85 до 0,95 (Jones et al. 1986; Marti et al. 1991). Если у женщины индекс обхвата талии к бедрам находится в указанных пределах, то это свидетельствует об оптимальном соотношении андрогенов и эстрогенов в ее организме (Evans et al. 1988), хорошем здоровье и репродуктивном потенциале (DeRidder et al. 1990). Соотношение талии и бедер, существенно отклоняющееся от нормы, как правило, свидетельствует о риске серьезных заболеваний (Bjorntorp 1988). Ранее мы провели исследование роли показателя соотношения талии и бедер у женщин из семи обществ, ведущих традиционный образ жизни (Butovskaya et al. 2017). В выборке были представлены *хадза* – охотники-собиратели Танзании, *датога* – скотоводы Танзании, *исанзу* – земледельцы Танзании, *цимане* – фермеры-скотоводы севера Боливии, *ханты* и *манси* – оленеводы, охотники, собиратели, рыболовы западной Сибири (Россия), *минахасанцы* и *сангиранцы* – земледельцы с острова Сулавеси (Индонезия). В ходе анализа данных была обнаружена устойчивая связь между количеством родов (рожденных детей) и отношением обхвата талии к бедрам у представительниц женского пола во всех этих обществах. При этом наблюдаемая связь прослеживалась вне зависимости от региона проживания, культурной среды и расовой принадлежности. Значение соотношения талии и бедер коррелировало с возрастом женщины – более низкий коэффициент был обнаружен у более молодых женщин. Таким образом, индекс обхвата

талии к бедрам служит маркером не только репродуктивного потенциала и здоровья женщины, но и количества родов. Установлено, что после каждого родов показатель отношения талии к бедрам увеличивается за счет отложения жировых клеток в области талии примерно на 0,5 см. Примерно настолько же снижается обхват бедер в силу уменьшения жира в этой зоне (Lassek, Gaulin 2006).

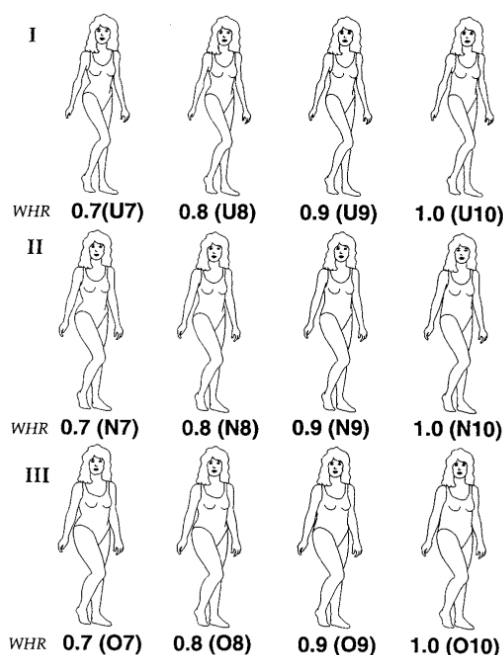

Рис. 14. Стимульное изображение фигур 12 женщин с индексом обхвата талии к бедрам, равным 0,7; 0,8; 0,9; 1,0 для каждого из трех уровней массы тела (пониженной I, соответствующей норме II, избыточной III).

В данном разделе рассмотрены особенности восприятия мужчинами женской привлекательности по критерию индекса обхвата талии к бедрам – представителей индийской диаспоры, проживающих в Танзании (Рис. 14). Выборка составила 130 мужчин-индийцев в возрасте от 17 до 77 лет (средний возраст 47 лет). Анализ полученных данных показал, что мужчины-индийцы в большей степени (22,6%) предпочитали женщин с нормальной массой тела и соотношением талии и бедер равным 0,7 и 0,9. А стимульное изображение девушки с фигурой по мужскому типу, без выраженной талии, хоть и с нормальной массой тела, не вызвало заинтересованности. Предпочитавших фигуры с пониженной массой тела было в два раза меньше, при этом все они

указывали на фигуры с соотношением талии и бедер, равным 0,7, как максимально привлекательные.

Полученные нами данные для индийской диаспоры в Танзании возможно объяснить влиянием пропагандирующих СМИ образами девушек модельной внешности. В целом мужчины-индийцы охарактеризовали женские фигуры как с пониженной массой тела, так и с избыточной, и при этом с высоким коэффициентом отношения талии к бедрам, равным 1,0, как «менее привлекательные» (12% и 18%, соответственно). Это говорит о том, что повышенный индекс обхвата талии к бедрам мужчины могут воспринимать как сигнал о возможных нарушениях здоровья, зрелом возрасте или об имеющихся у женщины детях. Полученные нами данные согласуются с результатами исследований, проведенных ранее (Butovskaya et al. 2017; Furnham 1997; Singh 1993a, b; 1994).

Можно заключить, что предпочтения мужчин-индийцев относительно соотношения обхвата талии к бедрам у женщин соответствует универсальным представлениям и мировым тенденциям. Индекс обхвата талии и бедер может служить важным критерием при выборе брачного партнера мужчинами. Он служит надежным маркером здоровья, репродуктивного потенциала, возраста женщины, возможных беременностей, а значит, и наличия детей от другого мужчины, независимо от расовой принадлежности. А также является универсальным для уже изученных по представленной методике популяций.⁷

⁷ Материалы данной главы опубликованы в статье: Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Соотношение объема талии к бедрам как критерий женской привлекательности у индийцев Танзании // Эволюционная и сравнительная психология в России: Теория и практика исследований / Под ред. И.А. Хватова, А.Н. Харитонов. М.: Когито-Центр, 2017. С. 265-269.

3.3. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индийцев: экспериментальные данные с использованием стимульных изображений

Природу предпочтений в выборе брачного партнера исследуют специалисты из разных областей науки, в том числе, этологи, физические антропологи, эволюционные психологи. Наряду с такими морфологическими показателями как симметричность лица, соотношение талии к бедрам, индекс массы тела, не меньший интерес представляет длина тела.

В рамках данной главы мы анализировали предпочтения в соотношении длины тела между партнерами в брачной паре у представителей индийской диаспоры в Танзании (г. Дар-эс-Салам) (Рис. 15). Предполагалось, что предпочтения представителей индийской диаспоры будут близки с выбором тех, кто продолжает вести традиционный образ жизни, или с обществами, которые давно идут по индустриальному пути развития.

Рис. 15. Стимульные изображения пар мужчина-женщина в порядке уменьшения полового диморфизма по росту

Таблица 10. Предпочтения и реальная ситуация респондентов
относительного полового диморфизма в брачной паре

Стимульное изображение (степень полового диморфизма)	Мужчины (%)		Женщины (%)	
	Реальность	Предпочтение	Реальность	Предпочтение
1 (1,19)	15,7	11,8	7,4	11,1
2 (1,14)	17,6	23,5	29,6	29,6
3 (1,09)	23,5	29,4	14,8	50,0
4 (1,04)	21,6	17,6	13,0	5,6
5 (1,0)	7,8	17,6	16,7	3,7
6 (0,96)	0	0	0	0

Нами было опрошено 105 человек в г. Дар-эс-Салам, из которых 51 мужчина и 54 женщины. Результаты предпочтений в брачной паре представлены в табл. 10.

Оценивая свою реальную ситуацию, большая часть респондентов-мужчин указала на пару, в которой партнер выше партнерши (SDS=1,09), и несколько меньше респондентов выбрали силуэт, где мужчина незначительно выше женщины в супружеской паре (SDS=1,04) (Табл. 11). Практически в равной степени – 17,6% и 15,7% – мужчины отметили, что они, соответственно, (SDS=1,14 и SDS=1,19) значительно или сильно выше своей супруги (Табл. 11). Наименьшее количество мужчин сообщили об отсутствии разницы в росте в их брачной паре. Ни один респондент не указал, что его супруга выше ростом (Табл. 11). Такая же ситуация сложилась у женщин: никто из них не ответил о своем более высоком росте относительно их супруга. Достоверное большинство респондентов женского пола заявили о том, что в их паре мужчина значительно выше, чем они сами (SDS=1,14). Большой процент женщин утверждал, что силуэт, где мужчина и женщина одинакового роста (SDS=1,00), соответствует их реальной паре (Табл. 11). Близки по частоте встречаемости среди респонденток пары с SDS=1,09 и SDS=1,04, где мужчина выше или чуть выше женщины. Несколько женщин отметили, что в их супружеской паре мужчина сильно выше, чем они (SDS=1,19).

Большинство мужчин предпочли пару с половым диморфизмом равным 1,09, где мужчина выше женщины (Табл. 11). Несколько меньше респондентов мужского пола выбрали пару, в которой мужчина значительно выше партнерши (SDS=1,14). В равной степени привлекательными для мужчин оказались силуэты с SDS=1,04 и SDS=1,0, где, соответственно, мужчина чуть выше женщины и партнеры одинакового роста (Табл. 11). Наименьшее количество мужчин определили как наиболее подходящий им вариант соотношения роста с половым диморфизмом равным 1,19. В такой паре партнер сильно выше партнерши. Никого из респондентов как мужчин, так и женщин, не привлек силуэт, где женщина была выше партнера (SDS=0,96). Ровно половина женщин от общей выборки отдали предпочтение паре с половым диморфизмом 1,09. Также высокий процент женщин считает оптимальным вариантом, когда мужчина значительно выше партнерши (SDS=1,14). Некоторым респонденткам наиболее привлекательной представлялась пара, в которой партнер был сильно выше партнерши (SDS=1,19) (Табл. 11). Небольшому числу женщин понравились силуэты в одном случае с равным ростом обоих партнеров (SDS=1,0) и во-втором – мужчина чуть выше женщины (SDS=1,04).

Кроме того, были выявлены достоверные гендерные различия в оценке предпочитаемой степени выраженности полового диморфизма по росту в брачной паре ($\chi^2=11,38$; $df=4$; $p=0,023$). Мужчины чаще, а женщины реже выбирали силуэты с SDS=1,19; 1,04; 1,00, чем ожидалось. Обратная ситуация сложилась с парами, где половой диморфизм равен 1,14 и 1,09 – мужчины реже, а женщины чаще отдавали им предпочтение, чем предполагалось.

Однако, достоверная связь между предпочтением той или иной пары и длиной тела самих респондентов обоих полов не была обнаружена (для мужчин $F=1,564$, $p=0,217$, $R^2=0,383$; для женщин $F=0,988$, $p=0,431$, $R^2=0,394$). Также от возраста респондентов не зависел выбор одного из шести силуэтов (для мужчин $F=1,468$, $p=0,242$, $R^2=0,519$; для женщин $F=0,422$,

$p=0,791$, $R^2=0,191$). Аналогично ни религиозная (для мужчин $F=1,069$, $p=0,393$, $R^2=0,347$; для женщин $F=0,560$, $p=0,693$, $R^2=0,549$), ни кастовая (для мужчин $F=0,605$, $p=0,663$, $R^2=0,308$; для женщин $F=0,747$, $p=0,569$, $R^2=0,313$) принадлежность респондентов-индийцев достоверно не коррелировала с предпочтением конкретного соотношения роста в брачной паре.

Обобщая полученные нами результаты по индийцам, проживающим в Танзании, становится очевидным, что характерная для индустриальных обществ норма «мужчина-выше-женщины» в этой группе ярко выражена. Это указывает на сходство ориентаций в предпочтениях значения полового диморфизма у респондентов-индийцев с западными моделями. Большинство, как мужчин, так и женщин, остановили свой выбор на среднем варианте выраженности полового диморфизма с $SDS=1,09$, где партнер был выше своей партнерши. При этом ни один из респондентов не пожелал, чтобы в его брачной паре супруга была выше мужа. Хотя представители других традиционных обществ довольно часто рассматривали пару, в которой женщина выше своего партнера, в качестве наиболее подходящей модели для реальной жизни. Антропологи склонны объяснять такой выбор экологическими условиями проживания и невысоким уровнем жизни, ссылаясь на влияние этих факторов на общее здоровье человека, маркером которого может служить его рост. Невозможно сказать, что в большинстве своем индийцы имеют достаточные возможности для полноценного питания и соответственно успешного физического развития. Исследования последних лет показывают, что женщины из сельских районов Индии, социально незащищенные и с низким уровнем образования, имеют невысокий показатель по параметру «длина тела» (Viswanathan, Sharma 2009). Тем не менее, представители индийской диаспоры не выразили желания иметь высокую партнершу, скорее всего для них не важен этот фактор как показатель полноценного развития.

В то же время опубликованы данные, согласно которым средние значения длины тела индийцев, проживающих на Фиджи и Карибских

островах, увеличились по сравнению со средним ростом тех, кто непосредственно уезжал из Индии в этот регион (Brennan et al. 1997). Авторы этого исследования указывают, что этому способствовали улучшение экологических условий и диеты. Возможно схожие процессы происходили и в диаспоре, сформировавшейся в Танзании. Тем более, что на данный момент представители диаспоры по социо-экономическим показателям относятся к среднему и высшему классу в обществе: занимают престижные должности, являются успешными предпринимателям, учителями, врачами, т.е. достаточно обеспечены.

Нами не было выявлено влияния социокультурных компонентов на предпочтения индийцев в половом диморфизме по росту. Так религиозная и кастовая принадлежности не коррелируют с выбором конкретной величины длины тела. Правда, в литературе встречаются данные о ярко выраженном половом диморфизме по росту у высших каст (Brennan et al. 1994). Объяснение этому возможно кроется, с одной стороны, в продолжающейся дискриминации детей женского пола, а с другой – в большом значении порядка рождения детей (Jayachandran, Pande 2017). Больше ресурсов вкладывается в первенца сына, даже если перед ним уже родилась дочь. Среди представителей индийской диаспоры в Танзании четкой зависимости от таких физико-морфологических показателей как возраст и рост выявлено не было. Длина тела самого респондента не коррелировала с выбором конкретной пары в отличие от данных по европейским культурам (Fink et al. 2007; Pawlowski 2003).

В ходе анализа наших данных и их интерпретации становится, однако, очевидным, что предпочтения относительного полового диморфизма по росту у представителей индийской диаспоры все же не соотносятся ни с западными, ни с доиндустриальными обществами. Напрашивается вывод о среднем варианте между двумя представленными категориями. Очевидно, такой дуализм для индийцев не является исключением.

Обратимся к китайским материалам (Higgins et al. 2002). До начала волны вестернизации в китайском обществе действовали довольно жесткие законы бракосочетания и сексуальной жизни. Эти процессы схожи с реалиями индийской культуры. Что касается предпочтений в половом диморфизме по росту китайцы и китайки в настоящее время желают, чтобы в их брачной паре мужчина был выше женщины. Таким образом, норма «мужчина-выше-женщины» характерна и для китайского общества. Остается открытым вопрос, является ли это стремлением подражать западным нормам или формируется под влиянием внутренних причин. Как, например, в Индии считается более светлый цвет кожи предпочтительнее, чем смуглый (Дронова, Бутовская 2011). Женщины стремятся иметь светлый цвет кожи как у европейских женщин и для этих целей используют многочисленные косметические средства и процедуры для осветления кожи. Тем не менее предпочтение нормы «мужчина-выше-женщины» выразили как представители индийской диаспоры в Танзании, так и представители китайского общества. Обе культуры практикуют моногамный брак. В прошлом брак заключали исключительно по сговору родителей, в настоящем молодые все чаще делают самостоятельный выбор брачного партнера, а после получают родительское одобрение. Авторы другого кросскультурного исследования по доиндустриальным обществам (Sorokowski et al. 2015) полагают, что норма «мужчина-выше-женщины» распространена в обществах с моногамией и с самостоятельным выбором брачного партнера, тогда как в обществах, где выбор партнера является прерогативой родителей предпочтения молодых нивелируются. В случае наших данных по индийцам, установки относительно полового диморфизма по росту могли измениться с течением времени вследствие вестернизации (о чем речь шла выше) или по мере роста возможности самостоятельного выбора, хоть и с согласия родителей. В то же время в Индии родители и сейчас подают брачные объявления в газеты в поисках брачного партнера для своих детей, где указывают подходящий рост потенциального супруга (Дронова 2017). Это

может свидетельствовать о давнем распространении нормы «мужчина-выше-женщины» в Индии (возможно, со времен британской колонизации).

Таким образом, принимая во внимания полученные данные по представителям индийской диаспоры в Танзании, следует искать сходства-различия и причинно-следственные связи относительно предпочтений степени выраженности полового диморфизма по росту внутри определенных групп популяций (западные, индустриальные, доиндустриальные, развитые, развивающиеся страны, общества, ведущие традиционный образ жизни и т.п.), учитывать локальную специфику экологических условий проживания, показатели здоровья и культурные нормы.

В этологической литературе росту традиционно отводится большое внимание. Так, в 1975 г. исследователь С. Фелдман (1975) показал, что мужчины с более высоким ростом имеют больше шансов при устройстве на работу и возможность получить начальную более высокую заработную плату, чем мужчины с меньшим ростом. Также интервьюеры при приеме на работу предпочитают более высоких мужчин мужчинам с меньшим значением роста (Kurtz 1969) – им с большей вероятностью доверят ведущую должность или назначат менеджером по тренинговым программам (Farb 1978). Не менее важен рост кандидатов на выборах: установлена положительная связь длины тела с результатами голосований (Kassarjian 1962). Данные по США, Великобритании, Швеции, Дании, Германии, Польше показывают, что мужчины высокого роста успешнее в социально-экономической сфере, чем другие мужчины. Они оказываются более образованными, имеют более высокий статус в обществе, достигают больших успехов в карьере и имеют более высокий доход, те же закономерности, в целом, отмечаются и для женщин в западном обществе (Judge, Cable 2004; Peck, Vågerö 1987; Szklarska et al. 2007; Teasdale et al. 1991).

Высокие как мужчины, так и женщины Северной Америки и Европы обладают более крепким здоровьем по сравнению с низкими

представителями мужского пола, что подтверждается показателями устойчивости к заболеваниям сердечно-сосудистой и респираторной систем, меньшим количеством инсультов и данными по общей смертности (La Batide-Alanore et al. 2003; Peck, Vågerö 1987). В то же время ряд работ показывает, что более высокие женщины чаще других подвержены раковым заболеваниям репродуктивной системы и имеют выше процент смертности по этой причине (Hilakivi-Clarke et al. 2001). Данные исследований по Норвегии и Великобритании свидетельствуют о том, что как очень высокие, так и очень низкие женщины обладают недостаточно хорошей физической формой в отличие от среднерослых представительниц женского пола (Engeland et al. 2003; Nettle 2002b). Эти исследования выявили U-образную связь между ростом, здоровьем и физической формой. Однако причины связи длины тела со здоровьем у представителей обоих полов остаются предметом научных дискуссий.

Длина тела является важным фактором при выборе брачного партнера. Исследователи Э. Берсшеид и Э. Уолстер (1974) выдвинули предположение, согласно которому женщины заключают брак с мужчинами, роста выше их собственного. Эта же тенденция прослеживается и в текстах матримониальных объявлений: заявители кроме уточнения своего собственного роста указывают на предпочтения относительно длины тела предполагаемого партнера (Cameron et al. 1978). Анализ объявлений позволяет подтвердить вышеизложенное предположение: женщины запрашивают партнера выше собственного роста, а мужчины – ниже. Более того, мужчины с ростом выше среднего достоверно чаще получают отклики, чем более низкие мужчины (Lynn, Shurgot 1984).

Длина тела напрямую связана с привлекательностью (Graziano et al. 1978; Shepperd, Strathman 1989). Обобщая накопленные данные по степени важности показателя «длина тела» при достижении успеха человеком в различных областях, Б. Павловский (2003) провел исследование брачной ассортативности брачных партнеров по росту. В рамках эволюционной

теории Б. Павловский пытался оценить давление полового отбора по показателю «длина тела» внутри популяции с учетом выраженности полового диморфизма. Б. Павловский использовал модифицированный метод, предложенный Дж. Шеппердом и Э. Страсманом (1989), с использованием силуэтов пар мужчина-женщина: увеличил число сравниваемых пар до 6; отрегулировал соотношение длины тела мужчины относительно женщины на стимульных изображениях с учетом средних значений полового диморфизма для европейских популяций, опираясь на результаты ранее проведенных исследований. Кроме того, респонденты указывали свою гендерную принадлежность, возраст, рост и выбирали пару, где разница в росте между мужчиной и женщиной казалась им наиболее подходящей. Важный вывод, полученный Б. Павловским, носил глубинный эволюционный смысл: каждый человек подсознательно стремится расширить свой пул брачных партнеров. Это означает, что в зависимости от значения своего показателя длины тела человек будет выбирать пару из предложенных силуэтов, где диморфизм по росту будет выражен в большей или меньшей степени. Примером может послужить высокорослый мужчина. В случае если он в качестве потенциальной постоянной партнерши будет рассматривать только высоких женщин – тогда круг подходящих ему женщин будет резко сужен. Поэтому высокие мужчины и низкие женщины будут предпочитать пары с большей степенью диморфизма по росту и, наоборот, невысокие мужчины и высокие женщины выберут пары с наименьшей разницей в росте между партнерами. Кроме того, автором описываемого исследования с соавторами (Pawlowski et al. 2000) и его коллегами (Nettle 2002a, b) доказано, что относительно высокие мужчины и относительно низенькие женщины репродуктивно более успешны, по сравнению с остальными. Существует психологический механизм, который находит баланс между желанием иметь партнера, длина тела которого близка к среднему значению по популяции, и стремлением к соотношению в росте между партнерами в брачной паре к среднему показателю диморфизма по росту в популяции. Это подтверждает

стабилизирующий отбор внутри популяции по половому диморфизму по показателю «длина тела».

В другом исследовании по трем европейским странам (Германии, Австрии и Великобритании) (Fink et al. 2007), с использованием тех же стимульных изображений, респонденты указывали личную информацию (пол, возраст, сексуальную ориентацию, рост) и выбирали одну из пар как наиболее предпочитаемую модель. Соотношение роста между мужчиной и женщиной варьировалось в диапазоне SDS (половой диморфизм по росту) от 0,96 до 1,19. Представители обоих полов выражали ростовые предпочтения потенциального брачного партнера, ориентируясь на показатели своего собственного роста. Подтвердилось предпочтение нормы «мужчина-выше-женщины» («male-taller-norm»), о которой для западной популяции неоднократно упоминалось ранее (Gillis, Avis 1980).

Описанные выше исследования касаются индустриальных обществ и экстраполировать их выводы на другие популяции, ведущие традиционный образ жизни, не представляется возможным. Половой диморфизм по росту имеет разную степень выраженности в популяциях, хотя значительно чаще мужчины выше женщины, оказывает влияние на это как культурная среда, так и филогенетическое развитие конкретного общества (Holden, Mace 1999). В западных культурах (Северная Америка и Европа) высокий рост мужчинам позволяет приносить дополнительные возможности и облегчает путь к достижению поставленных целей. При этом в популяциях, где ресурсы добываются иным путем, чем в индустриальных обществах, степень важности значения показателя «длина тела» мужчины может носить иной характер. Так, например, данные по африканским охотникам-собирателям *!кунг сан* показывают отрицательную корреляцию размера тела мужчины с количеством добычи, которую он приносит с охоты (Lee 1979). Невысокий рост может помочь охотнику быть незаметнее и проворнее вести себя во время выслеживания и погони за добычей. Схожие результаты были изучены при изучении предпочтений относительно длины тела партнера в брачной

паре у представителей традиционных обществ (например, *хадза* Танзании: Sear, Marlowe 2009). Реальное число брачных пар, где женщина выше мужчины, соответствовало ожидаемому распределению в популяции. Эти результаты схожи с имеющимися сведениями по доиндустриальным обществам сельских районов Гамбии, где процент таких браков достигает 10%, и отличны от данных по Великобритании, где процент браков, в которых жена выше мужа, ниже ожидаемого (Sear 2006).

П. Сороковски с коллегами (Sorokowski et al. 2012) провели опросы среди кочевых скотоводов *химба*, проживающих в северной части Намибии. В качестве метода сбора данных были использованы стимульные изображения шести пар мужчина-женщина с вариацией полового диморфизма по росту от 1.19 до 0.96, разработанные Б. Павловским (Pawlowski 2003). Большинство респондентов обоих полов сошлись во мнении: предпочтительным оказался вариант пары, где мужчина и женщина одного роста. На втором месте у мужчин оказалась пара, в которой женщины были выше ростом относительно своего партнера. Не было найдено связи между собственным ростом женщины и ее предпочтениями. Как и в случае с данными по *хадза*, характерная для западного общества норма в брачной паре «мужчина-выше-женщины» («male-taller-norm») у *химба* оказалась слабо выраженной. Полученные результаты авторы исследования связывают с условиями окружающей среды (полупустыня на севере Намибии), в которых *химба* ведут свой традиционный образ жизни. По их мнению, неблагоприятные условия жизни, ограниченность ресурсами и, как следствие, неправильная диета, стресс для организма, инфекционные заболевания могут негативно сказаться на здоровье человека, особенно в период его активного физического развития, что в свою очередь отразится и на рассматриваемом в данной работе показателе «длина тела». В другом исследовании, (Sorokowski, Sorokowska 2012) были проанализированы предпочтения роста у брачных партнеров среди *яли*, земледельцев центральной части Папуа. Как мужчины, так и женщины *яли* не выразили

однозначного мнения в пользу конкретной пары, где мужчина был бы однозначно либо выше, либо ниже ростом своей партнерши. Ответы распределились практически равномерно между всеми парами силуэтов. Такие результаты говорят об отсутствии конкретных предпочтений или о наличии разнообразия в них по отношению к половому диморфизму по росту. Следует добавить, что мужчины старшего поколения чаще выбирали пары, где женщина была выше мужчины. По мнению авторов исследования это может свидетельствовать о том, что еще 10-20 лет назад предпочтения отдавались именно высоким женщинам. Тем не менее, подтверждается тенденция слабой выраженности нормы «мужчина-выше-женщины» среди представителей популяций, ведущих традиционный образ жизни, по сравнению с ее широким распространением в западных обществах. В обществе *яли* не было обнаружено связи между длиной тела и общим количеством детей (Sorokowski et al. 2013), в противовес западной культуре, где наблюдается корреляция высокого роста у мужчин и низкорослых женщин с репродуктивным успехом (Mueller, Mazur 2001; Nettle 2002b; Pawlowski et al. 2000). По данным, полученным из Гамбии (Sear et al. 2004), Гватемалы (Pollet, Nettle 2008) и Бангладеш (Baqui et al. 1994), видно, что дети высоких женщин лучше адаптируются и имеют больше шансов на выживание. Полностью противоположные результаты показало исследование, проведенное в Перу: дети низкорослых мам имели больший процент выживаемости (Frisancho et al. 1973). Также не прослеживается зависимости показателя «длина тела» с благосостоянием, в то время как в индустриальных обществах существует четкая связь высокого роста с профессиональными успехами и материальным достатком (Sorokowski 2010; Melamed 1994).

Данные, полученные сходными с нашими методами по предпочтениям длины тела, были также собраны у представителей скотоводов *датоба*, проживающих преимущественно на севере Танзании (Sorokowski, Butovskaya 2012). Анализ показал, что мужчины отдавали

предпочтение в равной мере представительницам женского пола или значительно выше себя, или ниже. В свою очередь, женщины выбирали партнера одного с ними роста.

Таким образом, наши результаты в комплексе с данными других авторов по доиндустриальным и современным индустриальным обществам говорят о том, что норма «мужчины-выше-женщины» («male-taller-norm») не является универсальной характеристикой при выборе брачного партнера для всех без исключения человеческих популяций. В дополнение к этому, недавно проведенный мета-анализ данных, с использованием стимульных изображений в западных и незападных культурах, показал, что выраженность ассортативности браков, по критерию длины тела невысока (Stulp et al. 2017).⁸

⁸ Материалы данной главы опубликованы в статье: Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индийцев: экспериментальные данные с использованием стимульных изображений // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 230–246.

Заключение

В рамках данного исследования была изучена история формирования индийской диаспоры в Восточной Африке. Было показано, что индийцы в Танзании составляют одну из наиболее многочисленных групп среди неафриканского населения. Существуют сведения о том, что индийцы начали осваивать восточноафриканское побережье примерно с I в. н.э. Это были мореплаватели-купцы, наладившие торговые связи между Индией и Восточной Африкой. С середины XIX в. индийцы в качестве не только купцов, но и чиновников, охранников, сборщиков налогов, активно сотрудничают с арабскими султанатами, располагавшимися на о. Занзибар и контролировавшими береговую зону Восточной Африки. Во времена колонизации англичанами и немцами территории Восточной Африки индийцы продолжали пребывать в этот регион. Их труд был задействован при строительстве железнодорожного полотна вглубь континента, при освоении земель для использования в сельскохозяйственных целях. Кроме того, они не переставали развивать торговые отношения. Таким образом, в первые десятилетия XX в. индийцы уже занимали прочные позиции в экономической жизни и имели своих представителей в административном аппарате. В значительной мере благополучное положение индийцев было подорвано политикой национализации в восточноафриканских странах, направленной против присутствия и участия индийцев в экономическом секторе и управлении упомянутых государств. Так, например, «африканизация» в Танзании, «кенианизация» в Кении и т.п. процессы заставили большую часть индийцев мигрировать из Восточной Африки. Тем не менее, принимаемые правительством Индии меры по реабилитации и поддержке представителей индийских диаспор в восточноафриканских государствах и развитие рыночной экономики в начале 90-ых гг. XX в. способствовали улучшению положения индийцев и возобновлению

привычной деятельности, в частности в сфере торговли, мелкого и среднего бизнеса (Усов 2010: 57).

В рамках данной работы проанализировано современное социальное положение представителей индийской диаспоры в Танзании. Наши данные показали, что индийская диаспора достаточно замкнутая и самодостаточная. Индийцы компактно расселены в городах, образуя свои кварталы, в которых имеется вся необходимая инфраструктура для комфортного проживания: многоквартирные (заселены исключительно представителями своей этнической, а зачастую и религиозной, группы) и частные дома, медицинские и религиозные (индуистские храмы, мечети, гурудвары) центры, учебные заведения с индийской методикой преподавания, библиотеки, магазины (ассортимент представлен в большей степени индийскими товарами) и т.п. Индийцы говорят на родном языке; регулярно посещают страну происхождения; помнят свои корни и сохраняют тесную связь с Индией. В своем самосознании они четко идентифицируют себя как отдельное сообщество, проживающее по соседству с местным африканским населением. Полученные нами данные, проанализированные в комплексе с материалами других авторов, отчетливо свидетельствуют о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры в том виде, в котором это позволяют условия проживания вне страны происхождения.

Исследованы социокультурные особенности выбора брачного партнера в индийской диаспоре в Танзании. Установлено, что в настоящее время в индийской диаспоре в Танзании практикуются различные варианты выбора брачного партнера. Результаты исследования, проведенного в рамках данной работы, демонстрируют взгляды представителей индийской диаспоры, проживающих в Танзании, на этот счет. В одних семьях строго придерживаются традиции, продолжают практиковаться браки по сговору старших родственников. В других – родители, подверженные современным тенденциям изменения общественного уклада, считаются с мнением

молодых и позволяют им самим выбирать себе пару. Наблюдается высокая значимость мнения родителей в выборе брачного партнера на современном этапе. Таким образом, в индийской диаспоре в Танзании увеличивается тенденция самостоятельного выбора потенциального/ой супруга/и молодыми людьми с учетом мнения родителей. Кастовая принадлежность продолжает играть важную роль при выборе брачного партнера. Нами также зафиксированы происходящие изменения, вызванные социально-экономическими трансформациями – например, уменьшается количество детей в семьях и увеличивается возраст вступления в брак. Представители индийской диаспоры положительно относятся к проникновению западных норм – многие респонденты считают, что жена может послушаться мужа в особых ситуациях и женщины должны иметь равные права избираться в правительство. Основываясь на данных официальной статистики в Индии, проведено исследование практики выбора супругов, продолжительности времени, в течение которого супруги знали друг друга до вступления в брак, межкастовых и родственных браков (Allendorf, Pandian 2016). В период с 1970 по 2012 гг. в Индии женщины все активнее выбирали себе мужей, число первых встреч супругов в день свадьбы уменьшилось, число межкастовых браков выросло, а число кровных браков понизилось. Однако многие из этих изменений были скромными по своим масштабам, а значительное большинство недавних браков все еще демонстрируют признаки организованного брака. Кроме того, молодые женщины все чаще сотрудничают с родителями в выборе будущего супруга, а не игнорируют их мнение.

Сопоставление результатов данного исследования с ранее проведенным нами среди африканского студенчества Танзании и Замбии демонстрирует различие установок по ряду характеристик при выборе брачного партнера и подтверждает обособленность индийской диаспоры и отсутствие инкультурации в местную африканскую среду. Представители

индийской диаспоры в Танзании довольно категоричны в отрицании возможности заключения брачного союза с танзанийцами африканского происхождения, и в большинстве случаев не рассматривают и для своих детей в качестве супруга/и африканца/ки. А танзанийцы африканского происхождения более лояльно относятся к этому вопросу, и довольно высокий процент респондентов сообщил о готовности к такому межэтническому браку.

В рамках нашей работы были проанализированы стратегии выбора брачного партнера индийцев Танзании с позиций эволюционной теории. Это позволило нам выявить наиболее важные качества, лежащие в основе выбора постоянного полового партнера по мнению мужчин и женщин. Получены гендерные различия относительно предпочитаемых качеств потенциального брачного партнера, что демонстрирует согласованность с предсказаниями теории сексуальных стратегий. Индийцы-мужчины склонны уделять больше внимания репродуктивным способностям женщины, оценивая физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье, а также качествах заботливой матери и хозяйки. Женщины выражают большую заинтересованность в качествах потенциального супруга, демонстрирующих способность обеспечить ресурсами ее и их общих детей. Наши данные полностью согласуются с результатами недавно опубликованного исследования, подтверждающего универсальные гендерные различия в выборе брачного партнера по 45 культурам: мужчины в большей степени, чем женщины, предпочитают привлекательных молодых партнеров, демонстрирующих репродуктивные возможности, а женщины достоверно чаще, чем мужчины, выбирают партнеров старше себя с хорошими финансовыми перспективами (Walter et al. 2020). Эти половые различия могут отражать различное давление эволюционного отбора на мужчин и женщин; они предоставляют убедительные межкультурные доказательства существующих половых различий в репродуктивных стратегиях. Ассортативный выбор брачного

партнера может объяснить развитие широкой структуры ковариации признаков, описывающих ценность потенциального брачного партнера. В целом, это говорит о том, что эволюционная история ассортативности браков привела к определенной модели ковариации желательности определенных качеств потенциальных партнеров. Такие закономерности ковариации признаков возникают в разных культурах всего мира (Conroy-Beam et al. 2019). Вероятно, этому способствовало наследование предпочитаемых качеств, связанных с базовым измерением ценности партнера. Эти выводы подчеркивают важность изучения аспектов выбора брачного партнера для широкого понимания эволюции человека.

Проанализированы предпочтения в соотношении длины тела между партнерами в брачной паре у представителей индийской диаспоры в Танзании. Установлено, что предпочтения относительного полового диморфизма по росту в брачной паре у представителей индийской диаспоры не соотносятся ни с западными, ни с доиндустриальными обществами. Характерная для индустриальных обществ норма «мужчина-выше-женщины» в супружеской паре в этой группе ярко выражена, но длина тела самого респондента не коррелирует с выбором силуэта пары с определенным половым диморфизмом по росту в отличие от данных по европейским культурам. Возможно выделение среднего варианта между двумя представленными категориями.

На основе собранных нами материалов дана оценка предпочтений мужчин индийцев Танзании относительно индекса обхвата талии к бедрам женщин как параметра женской привлекательности. Предпочтения мужчин-индийцев относительно соотношения обхвата талии к бедрам у женщин соответствует универсальным представлениям, согласно которым для женщин репродуктивного возраста европеоидного происхождения оптимальным является соотношение обхвата талии и бедер в интервале от 0,67 до 0,80. Мужчины-индийцы в большей степени предпочитали женщин с нормальной массой тела и индексом обхвата талии к бедрам равным 0,7 и 0,9.

Вместо одностороннего движения в сторону западных брачных установок, как это предполагается теориями изменения семьи и встречается в других азиатских контекстах (например, Китай), в индийской диаспоре наблюдается промежуточный вариант совмещения западных и традиционных индийских норм.

На основе полученных нами результатов, демонстрирующих изменения относительно выбора брачного партнера представителями индийской диаспоры Танзании в социокультурных параметрах, соответствие европейским стандартам предпочтений в оценке мужчинами индекса обхвата талии к бедрам женщин и формирование промежуточного варианта в предпочтении полового диморфизма по росту в супружеской паре, мы делаем вывод о том, что индийское общество в демонстрирует комбинированные стратегии выбора брачного партнера и отличающегося как от традиционных обществ, так и от постиндустриальных обществ. В перспективе исследование стратегий выбора брачного партнера в индийских диаспорах в других странах миру позволят дать более взвешенное представление о сохранности обще эволюционных критериев оптимального брачного партнера с учетом культурных и экологических реалий.

Список литературы

1. Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2002.
2. Бондаренко Д.М., Деминцева Е.Б., Кавыкин О.И., Следзевский И.В., Халтурина Д.А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации (на примере России, Франции и Танзании) // История и современность. 2007. № 2. С. 153-183.
3. Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013.
4. Бутовская М.Л. Половой отбор и различие мужских и женских сексуальных стратегий в человеческом обществе // Как человек заселил планету Земля. М., 2006. С. 201–224.
5. Бутовская М.Л. Репродуктивный успех и экономический статус у датога – полуоседлых скотоводов Северной Танзании // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 85–99.
6. Бутовская М.Л. Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино: Век-2, 2004б.
7. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004а.
8. Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Социальный статус и репродуктивный успех в обществе хадза – охотников-собирателей Танзании // Антропология социальных перемен / ред. Э.Б. Гучиновой, Г.А. Комаровой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 365–386.
9. Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Левина К.В., Ростовцева В.В. Механизмы репродуктивного поведения человека: визуальные маркеры мужской привлекательности, их связь с ольфакторными маркерами, сексуальным опытом и фазой месячного цикла у

- женщин-экспертов // Журнал общей биологии. 2016. № 77 (1). С. 63–77
10. Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Ростовцева В.В., Сельверова Н.Б., Ермакова И.В. Механизмы репродуктивного поведения человека: ольфакторные маркеры мужской привлекательности // Журнал общей биологии. 2012. Т. 73, № 4. С. 299–314.
 11. Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Миханджо Э. Современные тенденции в выборе брачных партнеров у студентов-африканцев и отношение к традиционным установкам на продолжение рода и многодетность // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании: Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.) / Отв. ред. А.В. Каратаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 168–195.
 12. Бутовская М.Л., Мезенцева А.А. Обобщенные портреты мужчин масаев: внешняя привлекательность и физическая сила по оценкам экспертов той же популяции // Лицо человека в пространстве общения / ред. К.И. Ананьев, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2018. С. 129–137.
 13. Бутовская М.Л., Смирнов О.В. Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 141–163.
 14. Газиева И.А. Индийские женщины -царицы или рабыни//Диалог женщин. 2007. № 6 (<http://www.gmc.ge/images/PDF/dialog-6-2007.pdf>).
 15. Глушкова И.П. Из индийской корзины. Исторические интерпретации. М.: Вост. лит-ра, 2003.
 16. Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002.

17. Дейч Т.Л., Усов В.А. «Восходящие» азиатские державы осваивают Восточную Африку // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С. 21-26.
18. Демкина Л.А. Национальные меньшинства в Странах Восточной Африки (социально-экономическое и политическое положение индо-пакистанского и арабского населения). М., 1972.
19. Дридзо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и Пакистанцы за рубежом. М.: Наука, 1978.
20. Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175-185.
21. Дронова Д.А. Матримониальные объявления как способ выбора брачного партнера // Человек и социум: от конкуренции к толерантности (проблемы социальной интеграции) / под ред. М.Л. Бутовской, Ю.Н. Феденок. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 124-157.
22. Дронова Д.А. Соприкосновение двух культур: представители индийской диаспоры и танзанийцы африканского происхождения (г. Дар-эс-Салам, Танзания) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. 2018. С. 312–318.
23. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Выбор брачного партнера в современном индийском обществе и половой отбор // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 6. С. 46-66.
24. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Гендерные различия в оценке физических характеристик при выборе брачного партнера в индийском обществе // Человек: его биологическая и социальная история: труды Междунар. конф., посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) /

- ред. Н.А. Дубова. Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. Т. 2. С. 200–208.
25. Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Мы и они: индийская диаспора в г. Дар-эс-Салам (Танзания) // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва. 2-5 июля 2013 г. / редкол. М.Ю. Мартынова, Л.А. Лопуленко, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 269.
 26. Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки / Пер. с англ. М.К. Зеновича; Под ред. И. И. Потехина. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
 27. Кон И.С. Введение в сексологию. М. Медицина. 1988
 28. Коротаев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД, 2008.
 29. Котин И.Ю. Индийская диаспора и ее изучение в Индии и России // Россия – Индия: взаимодействие в области науки, культуры и образования (Материалы международного симпозиума. Владивосток, 12-14 ноября 2002 г.). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.
 30. Котин И.Ю. Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
 31. Котовский Г.Г. Касты в Индии. М., 1965.
 32. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. Москва: НОРМА, 2009.
 33. Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане:(из жизни индийской деревни). М.: Наука, 1971.
 34. Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983.

35. Львова Э.С. Индийская община: вариант мира в условиях этноконфессионального многообразия // Мусульмане и христиане в современной Танзании (Труды участников российской экспедиции). М., 2005.
36. Львова Э.С. Некоторые проблемы образования в странах Африки южнее Сахары // Известия Российской академии образования. 2014. № 1(29). С. 46-58.
37. ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Дар-эс-Салам, Танзания, октябрь 2010 г. (респондент: А.А., 1970 г.р., Б.Б., 1978 г.р., В.В., 1969 г.р., Д.Д., 1975 г.р.).
38. ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Дар-эс-Салам, Танзания, апрель 2011 г. (респондент: Г.Г., 1984 г.р.).
39. Родионова И.А., Монге Э.С. Экономическое развитие Танзании: особенности и тенденции (1970-2013 гг.) // Вестник РУДН, серия Экономика. 2015. № 2. С. 66-77.
40. Рыжакова С.И. “Шаг за шагом”: этикетные обычаи и обряды индуистской свадьбы // Этикет народов Востока: нормативная традиция, ритуал, обычаи / Ред. Л.С. Васильева, ред.-сост. Н.И. Фомина. М.: Восточная литература, 2011. С. 430-443.
41. Саватеев А.Д. (ред.). Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции. М.: Ин-т Африки РАН, 2005.
42. Северцева Т.Ф. Жизненный путь женщины на Востоке // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / Семашко И.М., Седловская А.Н. ред. М. 1999. С. 313–319.
43. Седловская А.Н. Женщина в традиционном сантальском обществе (Индия) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / Семашко И.М., Седловская А.Н. ред. М. 1999. С. 320-328.

44. Семашко И.М. Современная семья в Индии // Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. / Редкол.: В.А. Тишков (отв. ред.) и др. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
45. Ульциферов О.Г. Культурное наследие Индии. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.
46. Усов В.А. Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Институт Африки РАН, 2010.
47. Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010а.
48. Успенская Е.Н. Индийское кастовое общество: особенности формирования и состав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010б. № 3. С. 68-76.
49. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Индотанзанийцы // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании (труды российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзании) (сезон 2005 г.) / Отв. ред. А.В. Каратаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 28-44.
50. Эльманович С.Д. Законы Ману. М., 1960.
51. Юрлова Е.С. Семья и брак // Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М., 2005.
52. Adams B.N. Themes and Threads of Family Theories: A Brief History // Journal of Comparative Family Studies. 2010. Vol. 41(4). P. 499–505.
53. Adur S.M., Narayan A. Stories of dalit diaspora: migration, life narratives, and caste in the us // Biography. 2017. Vol. 40(1). P. 244–264.
54. Allendorf K. Schemas of marital change: From arranged marriages to eloping for love // Journal of Marriage and Family. 2013. Vol. 75(2). P. 453–469. <https://doi.org/10.1111/jomf.12003>

55. Allendorf K., Ghimire D.J. Determinants of marital quality in an arranged marriage society // *Social Science Research*. 2013. Vol. 42(1). P. 59–70.
56. Allendorf K., Pandian R.K. The Decline of Arranged Marriage? Marital Change and Continuity in India // *Population and development review*. 2016. Vol. 42(3). P. 435–464. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00149.x>
57. Amiji H. The Bohoras of East Africa // *Journal of Religion in Africa*. 1975. Vol. 7. P. 27-61.
58. Anand D., Kaul N. A disruptive ethnography of Tanzanian-Indians // *South Asian Diaspora*. 2011. Vol. 3. P. 183-195.
59. Banerji M., Deshpande A.S. Does ‘Love’ make a difference? Marriage choice and post-marriage decision-making power in India // *Asian Population Studies*. 2021. Vol. 17(2). P. 201-220.
60. Baqui A.H., Arifeen S.E., Amin S., Black R.E. Levels and correlates of maternal nutritional-status in urban Bangladesh // *European Journal of Clinical Nutrition*. 1994. Vol. 48. P. 349–357.
61. Betzig L. Not whether to count babies, but which // *Handbook of evolutionary psychology: Ideas, issues, and applications*. 1998. P. 265-273.
62. Biswas A. Overseas Indians in East Africa // *Indian Diaspora in Africa: A Comparative Perspective*. New Delhi, 2010.
63. Bjorntorp P. Adipose tissue distribution and functions // *International Journal of Obesity*. 1991. Vol. 15. P. 67–87.
64. Bjorntorp P. The associations between obesity, adipose tissue distribution and disease // *Acta Medica Scandinavica Supplement*. 1988. Vol. 723. P. 121–134.
65. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning // *Couples Coping with Stress: Emerging Perspectives on*

- Dyadic Coping / Ed. T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann. Washington, DC: American Psychological Association, 2005. P. 33–49.
66. Brauner-Otto S.R., Axinn W.G., Ghimire D.J. Parents' Marital Quality and Children's Transition to Adulthood // *Demography*. 2020. Vol. 57. P. 195–220. <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00851-w>
 67. Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. Sex differences in Indian height at home and abroad // *Man in India*. 1997. Vol. 77. P. 105-118.
 68. Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. The height and economic well-being of North Indians under British rule // *Social science history*. 1994. Vol. 18(2). P. 271-307.
 69. Buss D. M. *Evolutionary Psychology. The New Science of The Mind*. Allyn and Bacon, 1999.
 70. Buss D.M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures // *Behavioral and Brain Sciences*. 1989. Vol. 12. P. 1–49
 71. Buss D.M. The Strategies of Human Mating // *American Scientist*. 1994. Vol. 82(3). P. 238-249.
 72. Buss D.M., Abbott M., Angleitner A., Asherian A., Biaggio A., Blanco-Villasenor A., ... Ekehammar B. International preferences in selecting mates: A study of 37 cultures // *Journal of cross-cultural psychology*. 1990. Vol. 21(1). P. 5–47.
 73. Buss D.M., Schmitt D.P. Sexual Strategies Theory: An evolutionary perspective on human mating // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100(2). P. 204-232.
 74. Butovskaya M., Burkova V., Vasilyev V., Sukhodolskaya E., Yurgenson D., Shibalev D., Karelin D., Dronova D., Mabulla A., Lazebny O. Fertility and infant survival in men and women from rural regions of Northern Tanzania: gene candidates and sex-specific genetic associations // *Journal of Anthropological Sciences*. 2020. Vol. 98. P. 141-160.

75. Butovskaya M., Sorokowska A., Karwowski M., Sabiniewicz A., Fedenok J., Dronova D., Negasheva M., Selivanova E., Sorokowski P. Waist-to-hip ratio, body-mass index, age and number of children in seven traditional societies // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7. P. 1622.
76. Buunk B., Dijkstra P., Kenrick D., Wrantjes A. Age preferences for mates as related to gender, own age, and involvement level // *Evolution and Human Behavior*. 2001. Vol. 22. P. 241–250. [http://doi.org/10.1016/S1090-5138\(01\)00065-4](http://doi.org/10.1016/S1090-5138(01)00065-4).
77. C-2 Marital Status by Age and Sex // *Population Enumeration Data*. <https://censusindia.gov.in/2011census/C-series/c-2.html>. Дата обращения: 11.03.2020.
78. Cameron C., Oskamp S., Sparks W. Courtship American style: Newspaper advertisements // *Family Coordinator*. 1978. Vol. 26. P. 27–30.
79. Census Data Finder // *Census Data* (www.censusindia.gov.in).
80. Cherlin A.J., Kiernan K.E., Chase-Lansdale P.L. Parental divorce in childhood and demographic outcomes in young adulthood // *Demography*. 1995. Vol. 32. P.299–318.
81. Citizenship and Birth Registration, Table 5.1 // *Basic Demographic and Socio-Economic Profile. Statistical Tables. Tanzania Mainland, 2014(a)*. (https://tanzania.go.tz/egov_uploads/documents/Descriptive_tables_Tanzania_Mainland_sw.pdf)
82. Citizenship and Birth Registration, Table 6.1 // *Basic Demographic and Socio-Economic, Tanzania Zanzibar, 2014(b)*. (https://tanzania.go.tz/egov_uploads/documents/Tanzania_Zanzibar_socio_economic_profile_sw.pdf)
83. Conroy-Beam D., Buss D.M. Why is age so important in human mating? Evolved age preferences and their influences on multiple mating behaviors // *Evolutionary Behavioral Sciences*. Vol. 13(2). 2019. P. 127–157. <https://doi.org/10.1037/ebs0000127>

84. Conroy-Beam D., Buss D.M., Asao K., Sorokowska A., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bizumic B., Boussena M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Cetinkaya H., Croy I., Cueto R.M., Czub M., Dronova D. et al. Contrasting Computational Models of Mate Preference Integration Across 45 Countries // *Scientific Reports*. 2019b. Vol. 9(1). P. 1-13. doi:10.1038/s41598-019-52748-8
85. Conroy-Beam D., Roney J.R., Lukaszewski A.W., Buss D.M., Asao K., Sorokowska A., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bertoni A., Bizumic B., Boussena M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Cetinkaya H., Croy I., Cueto R.M., Czub M., Donato S., Dronova D. et al. Assortative mating and the evolution of desirability covariation // *Evolution and Human Behavior*. 2019. Vol. 40 (5). P. 479-491. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2019.06.003>
86. Csajbók Z., Berkics M. Factor, factor, on the whole, who's the best fitting of all?: Factors of mate preferences in a large sample // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 114. P. 92-102.
87. Darwin C. *On the Origin of Species by Means of Natural Selection*. London: John Murray, 1859.
88. Darwin C. *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*. London: John Murray, 1871.
89. de Munck V.C. Love and marriage in a Sri Lankan Muslim community: Toward a reevaluation of Dravidian marriage practices // *American Ethnologist*. 1996. Vol. 23(4). P. 698–716. <https://doi.org/10.1525/ae.1996.23.4.02a00020>

90. Dei F. Socio-Cultural Analysis of Marriage: Introspection into Matrimonial Advertisements // International Journal of Recent Scientific Research. 2016. Vol. 7(1). P. 8388-8394.
91. Demir A., Fisiloglu H. Loneliness and marital adjustment of Turkish couples // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1999. Vol. 133(2). P. 230–240. <https://doi.org/10.1080/00223989909599736>
92. DeRidder C.M., Bruning P.F., Zonderland M.L., Thijssen J.H.H., Bonfrer J.M.G., Blankenstein M.A., Huisveld J.A., Erich W.B.M. Body fat mass, body fat distribution and plasma hormones in early puberty in females // Journal of Clinical and Endocrinological Metabolism. 1990. Vol. 70. P. 888–893.
93. Desai I.P. The joint family in India: An analysis // The family in India: Structure and practice /Ed. T. Patel. New Delhi, India: Sage, 2005. P. 81-94.
94. Dobrowolska M., Groyecka-Bernard A., Sorokowski P., Randall A.K., Hilpert P., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błazejewska M., Bodenmann G., Bortolini T., Bosc C., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David D., David O. A., Dileym F.A., Espinosa A.C.D., Donato S., **Dronova D.** et al. Global Perspective on Marital Satisfaction // Sustainability. 2020. Vol. 12: 8817
95. Donner H. ‘One’s own marriage’: Love marriages in a Calcutta neighborhood // South Asia Research. 2002. Vol. 22(1). P. 79–94. <https://doi.org/10.1177/026272800202200104>
96. Dribe M., Lundh C. Status homogamy in the preindustrial marriage market: Partner selection according to age, social origin, and place of birth in nineteenth-century rural Sweden // Journal of Family History. 2009. Vol. 34. P. 387–406.

97. Dronova D.A. Historical memory and current status of Indians in Tanzania // The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora / Edited by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 369-385.
98. Dumont L. Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications. Complete Revised English Edition. Delhi, 1988.
99. Dunbar R.I.M., Waynforth D. Conditional mate choice strategies in humans: evidence from 'Lonely Hearts' advertisements // Behaviour. 1995. Vol. 132(9-10). P. 755–779.
100. Dyson T., Moore M. On Kinship Structure, Female Autonomy, and Demographic Behavior in India // Population and Development Review. 1983. Vol. 9(1). P. 35–60.
101. Early J.D., Peters J.F. The Xilixana Yanomami of the Amazon: History, social structure, and population dynamics. Gainesville, FL: University Press of Florida. 2000.
102. East African Royal Commission 1953-1955, Report (O.H.M.S.. Cmd 9475). London. 1956.
103. Engeland A., Bjorge T., Selmer R.M., Tverdal A. Height and body mass index in relation to total mortality // Epidemiology. 2003. Vol. 14. P. 293-299.
104. Evans D. J., Barth J. H., Burke C. W. Body fat topography in women with androgen excess // International Journal of Observe. 1988. Vol. 12. P. 157–162.
105. Falconier M.K., Jackson J.B., Hilpert P., Bodenmann G. Dyadic coping and relationship satisfaction: A meta-analysis // Clinical psychology review. 2015. Vol. 42. P. 28-46.
106. Farb B. Humankind. Boston: Houghton Mifflin. 1978.
107. Feingold A. Gender differences in effects of physical attractiveness on romantic attraction: A comparison across five research paradigms // Journal of Personality and social psychology. 1990. Vol. 59(5). P. 981.

108. Feldman S.D. The presentation of shortness in everydaylife - Height and heightism in American sociology: Toward a sociology of stature // Life styles: Diversity in American society / Ed. S.D. Feldman, G.W. Thiebar. Boston: Little Brown, 1975. P. 427-442.
109. Fink B., Neave N., Brewer G., Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS): Further evidence for an adjustment in relation to own height // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43(8). P. 2249–2257. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2007.07.014>.
110. Fisher R.A. The genetical theory of natural selection. Clarendon, Oxford, 1930.
111. Fletcher G.J.O., Simpson J.A., Thomas G., Giles L. Ideals in intimate relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. P. 72–89. doi: 10.1037/0022-3514.76.1.72.
112. Flicker S.M., Sancier-Barbosa F., Afroz F., Saif S.N., Mohsin F. Marital quality in arranged and couple-initiated marriages: The role of perceived influence over partner selection // International Journal of Psychology. 2019. DOI: 10.1002/ijop.12622
113. Frisancho A.R., Sanchez J., Pallarde D., Yanez L. Adaptive significance of small body size under poor socioeconomic conditions in Southern Peru // American Journal of Physical Anthropology. 1973. Vol. 39. P. 255–261.
114. Fuller C.J. The Camphor Flame. Popular Hinduism and Society in India. Princeton, 1992.
115. Furnham A., Tan T., McManus C. Waist-to-hip ratio and preferences for body shape: A replication and extension // Personal Individual Differences. 1997. Vol. 22. № 4. P. 539–549.
116. Gangestad S.W., Simpson J.A. The evolution of human mating: Trade-offs and strategic pluralism // Behavioral and brain sciences. 2000. Vol. 23(4). P. 573-587.

117. Gillis J.S., Avis W.E. The male-taller norm in mate selection // Personality and Social Psychology Bulletin. 1980. Vol. 6. P. 391–401.
118. Goli S., Singh D., Sekher T.V. Exploring the Myth of Mixed Marriages in India: Evidence from a Nation-wide Survey // Journal of Comparative Family Studies. 2013. Vol. 44(2). P. 193-206
119. Goode W.J. World Revolution and Family Patterns. London: Free Press of Glencoe, Collier-MacMillan Ltd, 1963.
120. Goody J. The East in the West. Cambridge University Press, 1996.
121. Gopalkrishnan N., Babacan H. Ties that Bind: Marriage and Partner Choice in the Indian Community in Australia // Transnational Context, Identities: Global Studies in Culture and Power. 2007. Vol. 14(4). P. 507-526. DOI: 10.1080/10702890701578498
122. Graziano W.G., Brothen T., Berscheid E. Height and attraction: Do men and women see eye-to-eye? // Journal of Personality. 1978. Vol. 46. P. 128-145.
123. Gregory R.G. Indian and East Africa. A History of Race Relations within the British Empire, 1890-1939. Oxford, 1971.
124. Grover S. Marriage, Love, Caste, and Kinship Support: Lived Experiences of the Urban Poor in India. New Delhi: Social Science Press, 2011.
125. Gupta D. South Asians in East Africa: Achievement and discrimination // South Asia: Journal of South Asian Studies. 1998. Vol. 21. P. 103-136.
126. Gupta U., Singh P. An exploratory study of love and liking and type of marriages // Indian Journal of Applied Psychology. 1982. Vol. 19. P. 92–97.
127. Heilman B. Who Are the Indigenous Tanzanians? Competing Conceptions of Tanzanian Citizenship in the Business Community // Africa Today. 1998. Vol. 45. P. 369-387.

128. Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C.H. Attitudes to marriage and sexual behaviors: a survey of gender and culture differences in China and United Kingdom // *Sex roles*. 2002. Vol. 46(3). P. 75-89.
129. Hilakivi-Clarke L., Forsén T., Eriksson J.G., Luoto R., Tuomilehto J., Osmond C., Barker D.J.P. Tallness and overweight during childhood have opposing effects on breast cancer risk // *British Journal of Cancer*. 2001. Vol. 85. P. 1680-1684.
130. Hilpert P., Randall A.K., Sorokowski P., Atkins D.C., Sorokowska A., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błażejewska M., Bodenmann G., Borders J., Bortolini T.S., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David O.A., DeLongis A., Dileym F.A., Doínguez Espinosa A.D.C., Donato S., Dronova D. et al. The Associations of Dyadic Coping and Relationship Satisfaction Vary between and within Nations: A 35-Nation Study // *Frontiers in psychology*. 2016. Vol. 7(1106). DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01106
131. Himbara D. The 'Asian question' in East Africa // *African Studies*. 1997. Vol. 56(1). P. 1-18.
132. Hindu Marriage Act (No. 25 of 1955) // *Gazette of India*. Extraordinary. Pt. III. Section 1. 19955. May 18.
133. *Hindustan Times*. 01.01.2007.
134. Hoelter L.F., Axinn W.G., Ghimire D.J. Social change, premarital nonfamily experiences, and marital dynamics // *Journal of Marriage and the Family*. 2004. Vol. 66. P. 1131–1151.
135. Holden C., Mace R. Sexual dimorphism in stature and women's work: A phylogenetic cross-cultural analysis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 110. P. 27-45.
136. Hollingsworth L.W. *The Asians of East Africa*. London, 1960.
137. Hortaçsu N. Family-versus couple-initiated marriages in Turkey: Similarities and differences over the family life cycle // *Asian Journal of*

- Social Psychology. 2007. Vol. 10(2). P. 103–116.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2007.00217.x>
138. Hortaçsu N. The first year of family- and couple-initiated marriages of a Turkish sample: A longitudinal investigation // International Journal of Psychology. 1999. Vol. 34. P. 29–41.
 139. India-Tanzania Relations // High Commission / High Commission of India. 2017. (<http://hcindiatz.org/india-tanzania-relation.php>)
 140. International Migration 2020 Highlights // Department of Economic and Social Affairs UN. 18.09.2021.
<https://www.un.org/en/desa/international-migration-2020-highlights>
 141. Jayachandran S., Pande R. 2015. Why are Indian children so shot? The Role of Birth Order and Son Preference // American Economic Review. 2017. Vol 107(9). P. 2600-2629. DOI: 10.1257/20151282.
 142. Jeffery R., Jeffery P. Population, Gender, and Politics: Demographic Change in Rural North India. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
 143. Jejeebhoy S.J., Sathar Z.A. Women's autonomy in India and Pakistan: the influence of religion and region // Population and development review. 2001. Vol. 27(4). P. 687-712.
 144. Jones B.C., Little A.C., Burt D.M., Perrett D.I. When facial attractiveness is only skin deep // Perception. 2004. Vol. 33(5). P. 569-576.
 145. Jones B.C., Little A.C., Penton-Voak I.S., Tiddeman B.P., Burt D.M., Perrett D.I. Facial symmetry and judgements of apparent health: Support for a “good genes” explanation of the attractiveness–symmetry relationship // Evolution and human behavior. 2001. Vol. 22(6). P. 417-429.
 146. Jones G.W. Changing Marriage Patterns in Asia. Singapore: Asia Research Institute, National University of Singapore Working Paper, 2010.

147. Jones P.R.M., Hunt M.J., Brown T.P., Norgan N.G. Waist-hip circumference ratio and its relation to age and overweight in British men // *Human Nutrition: Clinical Nutrition*. 1986. Vol. 40. P. 239–244.
148. Judge T.A., Cable D.M. The effect of physical height on workplace success and income: Preliminary test of a theoretical model // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. P. 428-441.
149. Kamble S., Kamble S., Shackelford T.K., Pham M., Buss D.M. Indian mate preferences: Continuity, sex differences, and cultural change across a quarter of a century // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 70. P. 150-155.
150. Kaplan H.S., Lancaster J.B. Skills-based competitive labor markets, the demographic transition, and the interaction of fertility and parental human capital in the determination of child outcomes // *Adaptation and human behavior: an anthropological perspective*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2000.
151. Karney B.R., Bradbury T.N. The longitudinal course of marital quality and stability: A review of theory, methods, and research // *Psychological bulletin*. 1995. Vol. 118(1). P. 3–34. DOI: 10.1037/0033-2909.118.1.3
152. Karve I. *Hindu Society — an Interpretation*. Poona, 1961.
153. Karve I. *Kinship Organization in India*. Bombay: Asia Publishing House, 1965.
154. Kassirjian H. Voting intention and political perception // *Journal of Psychology*. 1962. Vol. 56. P. 85-88.
155. Kaur R., Dhanda P. “Surfing for spouses: Marriage websites and the ‘new’ Indian marriage?” // *Marrying in South Asia: Shifting concepts, changing practices in a globalising world* / Eds. R. Kaur, R. Paliwal. New Delhi: Orient Blackswan, 2013.
156. Kaur R., Palriwala R. *Marrying in South Asia: Shifting Concepts, Changing Practices in a Globalizing World*. Hyderabad: Orient Black Swan, 2014.

157. Kenrick D.T., Groth G.E., Trost M.R., Sadalla E.K. Integrating evolutionary and social exchange perspectives on relationships: Effects of gender, self-appraisal, and involvement level on mate selection criteria // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64. P. 951-969.
158. Kenrick D.T., Keefe R.C. Age preferences in mates reflect sex differences in human reproductive strategies // *Behavioral and Brain Sciences*. 1992. Vol. 15(1). P. 75-91.
159. Kenrick D.T., Keefe R.C., Bryan A., Barr A., Brown S. Age preferences and mate choice among homosexuals and heterosexuals: A case for modular psychological mechanisms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69(6). P. 1166.
160. Kenrick D.T., Neuberg S.L., Zierk K.L., Krones J.M. Evolution and social cognition: contrast effects as a function of sex, dominance, and physical attractiveness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Vol. 20. P. 210–217.
161. Kenrick D.T., Neuberg S.L., Zierk K.L., Krones J.M. Evolution and social cognition: contrast effects as a function of sex, dominance, and physical attractiveness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Vol. 20. P. 210–217.
162. Khandelwal M. Arranging love: Interrogating the vantage point in cross-border feminism // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2009. Vol. 34(3). P. 583–609. <https://doi.org/10.1086/593341>
163. Kolenda P. *Regional Differences in Family Structure in India*. Jaipur: Rawat Publications, 1987.
164. Kurtz D.L. Physical appearance and stature: Important variables in sales recruiting // *Personnel Journal*. 1969. Vol. 48. P. 981-983.
165. La Batide-Alanore A., Trégouët D.A., Sass C., Siest G., Visvikis S., Tiret L. Family study of the relationship between height and

- cardiovascular risk factors in the STANISLAS cohort // *International Journal of Epidemiology*. 2003. Vol. 32. P. 607-614.
166. Lassek W.D., Gaulin S.J.C. Changes in body fat distribution in relation to parity in American women: a covert form of maternal depletion // *American Journal Physical Anthropology*. 2006. Vol. 131. P. 295–302.
 167. Lee R.B. *The !Kung San: Men, women, and work in a foraging society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979.
 168. Lessinger J. Work and love: The limits of autonomy for female garment workers in India // *Anthropology of Work Review*. 2002. Vol. 23(1- 2). P. 13-18.
 169. Lev-Wiesel R., Al-Krenawi A. Attitude towards marriage and marital quality: A comparison among Israeli Arabs differentiated by religion // *Family Relations*. 1999. Vol. 48(1). P. 51–56.
<https://doi.org/10.2307/585682>
 170. Li N.P., Kenrick D.T. Sex similarities and differences in preferences for short-term mates: what, whether, and why // *Journal of personality and social psychology*. 2006. Vol. 90(3). P. 468.
 171. Li N.P., Yong J.C., Tov W., Sng O., Fletcher G.J.O., Valentine K.A., ... Balliet D. Mate preferences do predict attraction and choices in the early stages of mate selection // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 105. P. 757–776. <http://dx.doi.org/10.1037/a0033777>
 172. Little A.C., Burt D.M., Penton-Voak I.S., Perrett D.I. Self-perceived attractiveness influences human female preferences for sexual dimorphism and symmetry in male faces // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*. 2001. Vol. 268(1462). P. 39-44.
 173. Lobo L. *They came to Africa. 200 years of the Asian Presence in Tanzania*. Dar-es-Salaam, 2000.

174. Lynn M., Shurgot B.A. Responses to lonely hearts advertisements: Effects of reported physical attractiveness, physique, and coloration // Personality and Social Psychology bulletin. 1984. Vol. 10. P. 349-357.
175. Mahapatra D. High-caste Hindus can't become Dalits by marriage // The Times of India. 14.12.2005.
176. Maira S. Desis in the house: Indian American youth culture in NYC. Temple University Press, 2012.
177. Malinen K., Kinnunen U., Tolvanen A., Ronka A., Wierda-Boer H., Gerris J. Happy spouses, happy parents? Family relationships among Finnish and Dutch dual earners // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72. P. 293–306.
178. Mandate of the Committee // Mandate (<http://indiandiaspora.nic.in/mandate.htm>)
179. Mangat J.S. A history of the Asians in East Africa c.1886 to 1946. Oxford: Clarendon Press, 1969.
180. Mannuamching M. Zou Culture (Past and Present). Vol. 64. Zoveng, Churachandpur, Manipur: Co-Operative Printing Press, 1999.
181. Marlowe F.W. Mate preferences among Hadza hunter-gatherers // Human Nature. 2004. Vol. 15. P. 365–376.
182. Marti B., Tomilehto J., Saloman V., Kartovaara L., Korhonen H. J., Pietiner P. Body fat distribution in the Finnish population: Environmental determinants and predictive power for cardiovascular risk factor levels // Journal of Epidemiology and Community Health. 1991. Vol. 45. P. 131–137.
183. Mathur D. What's love got to do with it?: Parental involvement and spouse choice in urban India. 2007. 09.08.2010. <http://ssrn.com/abstract=1655998>
184. McDonald P. Convergence or Compromise in Historial Family Change? // Family Systems and Cultural Change / Ed. E. Berquo, P. Xenos. Oxford: Clarendon Press, 1993.

185. Mealey L. Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies. San Diego: Academic Press, 2000.
186. Medora N. Mate selection in contemporary India: Love marriages versus arranged marriages // Mate selection across cultures / Eds. R. Hamon, B. Ingoldsby. SAGE Publications, Inc, 2003. P. 209–230.
187. Mehta M. Gujarati business communities in East African diaspora: Major historical trends // Economic and Political Weekly. 2001. P. 1738–1747.
188. Melamed T. Correlates of physical features: some gender differences // Personality and Individual Differences. 1994. Vol. 17. P. 689–691.
189. Miller G.F., Todd P.M. Mate choice turns cognitive // Trends in cognitive sciences. 1998. Vol. 2(5). P. 190–198.
190. Møller A.P., Thornhill R. Bilateral symmetry and sexual selection: a meta-analysis // The American Naturalist. 1998. Vol. 151(2). P. 174–192.
191. Mookerjee A. Muslim Women (Protection of Rights on Divorce) Act (No. 25 of 1986) // Mookerjee Marriage, Separation and Divorce. 3rd ed. Calcutta, 2002.
192. Mueller U., Mazur A. Evidence of unconstrained directional selection for male tallness // Behavioral Ecology and Sociobiology. 2001. Vol. 50. P. 302–311.
193. Murry T.R., Pujar L. Gender Based Potential Mate Preferences Among Emerging Adults // IMPACT: International Journal of Research in Applied, Natural and Social Sciences. 2018. Vol. 6(2). P. 27–32.
194. Myers J.E., Madathil J., Tingle L.R. Marriage satisfaction and wellness in India and the United States: A preliminary comparison of arranged marriages and marriages of choice // Journal of Counseling and Development. 2005. Vol. 83. P. 183–190.
195. Nagar R. The South Asian Diaspora in Tanzania // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 1996. Vol. 16. N 2. P. 62–80.

196. Nakane C. Garo and Khasi: A comparative study in matrilineal systems. Paris: Mouton, 1967.
197. Nettle D. Height and reproductive success in a cohort of British men // Human Nature. 2002a. Vol. 13. P. 473–491.
198. Nettle D. Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans // Proceedings of the Royal Society of London B. 2002b. Vol. 269. P. 1919–1923. DOI 10.1098/rspb.2002.2111.
199. Ngowi H.P. Economic development and change in Tanzania since independence: the political leadership factor // African Journal of Political Science and International Relations. 2009. Vol. 3(4). P. 259-267.
200. Nongbri T. Kinship Terminology and Marriage Rules: The Khasi of North-East India // Sociological Bulletin. 2013. Vol. 62(3). P. 413-430.
201. O'Kelly C.G., Carney L.S. Women and men in society: Crosscultural perspectives on gender stratification. Wadsworth Publishing, 1986.
202. Oonk G. «We Lost our gift of Expression»: Loss of the Mother Tongue among Indians in East Africa, 1880-2000 // Global Indian Diasporas. Exploring Trajectories of Migration and Theory, Amsterdam University Press, 2007. P. 67-89.
203. Oonk G. South Asians in East Africa (1880-1920) with a Particular Focus on Zanzibar: Toward a Historical Explanation of Economic Success of a Middlemen Minority // African and Asian Studies. 2006. Vol. 5 (1). P. 57-89.
204. Oonk G. The changing culture of the Hindu Lohana community in East Africa // Contemporary South Asia. 2004. Vol. 13(1). P. 7-23.
205. Other Countries of Africa // Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora (<http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>).

206. Otta E., da Silva Queiroz R., de Sousa Campos L., da Silva M.W.D.,
Silveira M.T. Age differences between spouses in a Brazilian marriage
sample // *Evolution and human behavior*. 1999. Vol. 20(2). P. 99-103.
207. Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in height as a
strategy for increasing the pool of potential partners in humans //
Proceedings of the Royal Society of London B. 2003. Vol. 270. P. 709-
712.
208. Pawlowski B., Dunbar R.I.M., Lipowicz A. Tall men have more
reproductive success // *Nature*. 2000. Vol. 403. P. 156.
209. Pawlowski B., Koziel S. The impact of traits offered in personal
advertisements on response rates // *Evolution and Human Behavior*.
2002. Vol. 23(2). P. 139–149.
210. Peck A.M., Vågerö D.H. Adult body height and childhood
socioeconomic group in the Swedish population // *Journal of
Epidemiology and Community Health*. 1987. Vol. 41. P. 333-337.
211. Pesando L. Rethinking and revising Goode's contribution to global
family change // *Marriage and Family Review*. 2019. Vol. 55(7). P. 619–
630. <https://doi.org/10.1080/01494929.2019.1589619>
212. Pimentel E.F. Just how do I love Thee?: Marital relations in urban China
// *Journal of Marriage and the Family*. 2000. Vol. 62. P. 32–47.
213. Plomin R., DeFries J.C., McClearn G.E., McGuffin P. Behavioral
genetics (5th ed.). New York: Worth, 2008.
214. Pollet T.V., Nettle D. Taller women do better in a stressed environment:
height and reproductive success in rural Guatemalan women // *American
Journal of Human Biology*. 2008. Vol. 20. P. 264–269.
215. Rahman L., Rao V. The Determinants of Gender Equity in India:
Examining Dyson and Moore's Thesis with New Data // *Population and
Development Review*. 2004. Vol. 30(2). P. 239–268.
216. Raj D. *Where Are You From? Middle-Class Migrants in the Modern
World*. Berkeley: University of California Press, 2003.

217. Rajadesingan A., Mahalingam R., Jurgens D. Smart, Responsible, and Upper Caste Only: Measuring Caste Attitudes through Large-Scale Analysis of Matrimonial Profiles // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. Vol. 13(01). P. 393–404.
218. Randall A.K., Bodenmann G. Stress and its associations with relationship satisfaction // Current opinion in psychology. 2017. Vol. 13. P. 96-106. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.05.010
219. Rebuffe-Scrive M. Regional adipose tissue metabolism in women // Żywnienie Człowieka i Metabolizm. Vol. 14(4).1987.
220. Recent changes announced by the Government of India for OCI and PIO cards // VISA – OCI. NRI Information. http://nriinformation.com/oci_pio_merge.html
221. Regan P.C., Lakhanpal S., Anguiano C. Relationship outcomes in Indian-American love-based and arranged marriages // Psychological Reports. 2012. Vol. 110. P. 915–924.
222. Repetti R. L. Effects of daily workload on subsequent behavior during marital interaction: the roles of social withdrawal and spouse support. Journal of personality and social psychology. 1989. Vol. 57(4). P. 651–659. DOI: 10.1037/0022-3514.57.4.651
223. Risley H.H. The People of India. Calcutta, 1915.
224. Rongmei K. S., Kapoor S. Zeliangrong today: A Naga tribe of Manipur // Studies of Tribes and Tribals. 2005. Vol. 3(2). P. 105-116.
225. Roopnarine L. East Indian indentured emigration to the Caribbean: Beyond the push and pull model // Caribbean studies. 2003. P. 97–134.
226. Roopnarine L. Indo-caribbean social identity // Caribbean quarterly. 2006. Vol. 52(1). P. 1–11.
227. Saavala M. Fertility and Familial Power Relations: Procreation in South India. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001.

228. Sabbe A., El Boujaddayni K., Temmerman M., Leye E. Marriage and Migration: Moroccan Women's Views on Partner Choice, Arranged and Forced Marriage in Belgium // *Journal of International Migration and Integration*. 2019. Vol. 20. P. 1097–1120. <https://doi.org/10.1007/s12134-018-00646-9>
229. Sahoo S. Matrimonial // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2017. Vol. 40(2). P. 354-357. DOI: 10.1080/00856401.2017.1296657
230. Santtila P., Antfolk J., Räfså A., Hartwig M., Sariola H., Sandnabba N.K., Mokros A. Men's sexual interest in children: One-Year incidence and correlates in a population-based sample of Finnish male twins // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2015. Vol. 24. P. 115–134.
231. Schmitt D.P., Fuller R.C. On the varieties of sexual experience: Cross-cultural links between religiosity and human mating strategies // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2015. Vol. 7(4). P. 314.
232. Schultz A.H. *The life of primates*. N. Y.: University Books, 1969.
233. Schultz D.P. The human subject in psychological research. *Psychological bulletin*. 1969. Vol. 72(3). P. 214.
234. Schulz M.S., Cowan P.A., Pape Cowan C., Brennan R.T. Coming home upset: Gender, marital satisfaction, and the daily spillover of workday experience into couple interactions // *Journal of Family Psychology*. 2004. Vol. 18(1). P. 250.
235. Schwartz S.A. The relationship between love and marital quality in arranged and romantic Jewish couples. *Dissertation Abstracts International: Section B: The sciences and engineering*. 2007. Vol. 68(4-b). P. 2716.
236. Sear R. Height and reproductive success: how a Gambian population compares to the West // *Human Nature*. 2006. Vol. 17. P. 405–418. [doi:10.1007/s12110-006-1003-1](https://doi.org/10.1007/s12110-006-1003-1)

237. Sear R., Allal N., Mace R. Height, marriage and reproductive success in Gambian women // *Research in Economic Anthropology*. 2004. Vol. 23. P. 203–224.
238. Sear R., Marlowe F.W. How universal are human mate choices? Size doesn't matter when Hadza foragers are choosing a mate // *Biology Letters*. 2009. Vol. 5. P. 606-609.
239. Seymour S. Women, family, and child care in India: A world in transition. Cambridge University Press, 1999.
240. Shachar R. His and her marital satisfaction: The double standard // *Sex Roles*. 1991. Vol. 25. P. 451–467.
241. Shepperd J.A., Strathman A.J. Attractiveness and height: The role of stature in dating preference, frequency of dating, and perceptions of attractiveness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1989. Vol. 15. P. 617-627.
242. Sikdar M. Continuity and Change in Matrilineal Marriage System: A Case Study among the Garos of Poschim Bosti, Assam // *Studies of Tribes and Tribals*. 2009. Vol. 7(2). P. 125-130. DOI: 10.1080/0972639X.2009.11886603
243. Singh D. Adaptive significance of female physical attractiveness: Role of the waist-to-hip ratio // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993a. Vol. 65. P. 293–307.
244. Singh D. Body shape and women's attractiveness. The critical role of waist-to-hip ratio // *Human Nature*. 1993b. Vol. 4. P. 297–321.
245. Singh D. Female mate value at a glance: Relationship of waist-to-hip ratio to health, fecundity and attractiveness // *Neuroendocrinology letters*. 2002. Vol. 23(4). P. 81-91.
246. Singh D. Is thin really beautiful and good? Relationship between waist-to hip ratio on judgements of women's attractiveness // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 16. P. 123–132.

247. Singh D. Mating strategies of young women: Role of physical attractiveness // *Journal of sex Research*. 2004. Vol. 41(1). P. 43-54.
248. Singh D. Universal allure of the hourglass figure: An evolutionary theory of female physical attractiveness // *Clinics in Plastic Surgery*. 2006. Vol. 33(3). P. 359-370.
249. Sohn K. Men's revealed preferences regarding women's ages: Evidence from prostitution // *Evolution and Human Behavior*. 2016. Vol. 37. P. 272–280. <http://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2016.01.002>.
250. Sorokowski P. Politicians' estimated height as an indicator of their popularity // *European Journal of Social Psychology*. 2010. Vol. 40. P. 1302–1309.
251. Sorokowski P., Butovskaya M.L. Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania // *Body Image*. 2012. Vol. 9(4). P. 510–516. <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>.
252. Sorokowski P., Randall A.K., Groyecka A., Frackowiak T., Cantarero K., Hilpert P., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Aryeetey R., Bertoni A., Bettache K., Błaziejewska M., Bodenmann G., Bortolini T.S., Bosc C., Butovskaya M., Castro F.N., Cetinkaya H., Cunha D., David D., David O.A., Domínguez Espinosa A.C., Donato S., Dronova D. et al. Marital Satisfaction, Sex, Age, Marriage Duration, Religion, Number of Children, Economic Status, Education, and Collectivistic Values: Data from 33 Countries // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8(1199). DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01199
253. Sorokowski P., Sorokowska A. Judgments of sexual attractiveness: a study of the Yali tribe in Papua // *Archives of Sexual Behavior*. 2012. Vol. 41. P. 1209–1218. doi:10.1007/s10508-012-9906-x
254. Sorokowski P., Sorokowska A., Butovskaya M., Stulp G., Huanca T., Fink B. Body Height Preferences and Actual Dimorphism in Stature

- between Partners in Two Non-Western Societies (Hadza and Tsimane') // *Evolutionary Psychology*. 2015. Vol. 13(2). P. 455-469.
255. Sorokowski P., Sorokowska A., Danel D.P. Why pigs are important in Papua? Wealth, height and reproductive success among the Yali tribe of West Papua // *Economics and Human Biology*. 2013. Vol. 11. P. 382–390.
 256. Sorokowski P., Sorokowska A., Fink B., Mberira M. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS) might not be universal: Data from a semi nomad population (Himba) in Namibia // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. P. 32-37.
 257. Sorokowski P., Sorokowska A., Karwowski M., Groyecka A., Aavik T., Akello G., Alm C., Amjad N., Anjum A., Asao K., Atama C.S., Duyar D.A., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Bensafia A., Bizumic B., Boussena M., Buss D.M., Butovskaya M., Can S., Cantarero K., Carrier A., Çetinkaya H., Chabin D., Conroy-Beam D., Croy I., Cueto R.M., Czub M., Dronova D. et al. Universality of the triangular theory of love: adaptation and psychometric properties of the triangular love scale in 25 countries // *The Journal of Sex Research*. 2021. Vol. 58(1). P. 106-115.
 258. Souza A.L., Conroy-Beam D., Buss D.M. Mate preferences in Brazil: Evolved desires and cultural evolution over three decades // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 95. P. 45–49.
 259. Stulp G., Simons M.J.P., Grasman S., Pollet T.V. Assortative mating for human height: a meta-analysis // *American journal of human biology*. 2017. Vol. 29. e22917. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22917>
 260. Symons D. *The evolution of human sexuality*. Oxford: Oxford University Press, 1979.
 261. Szklarska A., Koziel S., Bielicki T., Malina R.M. Influence of height on attained level of education in males at 19 years of age // *Journal of Biosocial Science*. 2007. Vol. 39. P. 575-582.

262. Teasdale T.W., Owen D.R., Sørensen T.I. Intelligence and education levels in adult males at the extreme of stature // *Human Biology*. 1991. Vol. 63. P. 19-30.
263. The Special Marriage Act 1954 (No. 43 of 1954). Delhi, 1971.
264. Thibaut J.W., Kelley H.H. The social psychology of groups. New York, NY: Wiley, 1959.
265. Thornhill R., Gangestad S.W. The evolution of human sexuality // *Trends in Ecology and Evolution*. 1996. Vol. 11(2). P. 98-102.
266. Thornhill R., Møller A.P. Developmental stability, disease and medicine // *Biological Reviews*. 1997. Vol. 72(4). P. 497-548.
267. Thornton A. Reading history sideways: The fallacy and enduring impact of the developmental paradigm on family life. University of Chicago Press, 2005.
268. Thornton A. The developmental paradigm, reading history sideways, and family change // *Demography*. 2001. Vol. 38(4). P. 449–465. <https://doi.org/10.2307/3088311>
269. Thornton A., Axinn W.G., Xie Y. Marriage and cohabitation. Chicago, IL: University of Chicago Press. 2007.
270. Trautman T.R. Dravidian Kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
271. Tripathy S. A study on the different dimensions of Bodo tribal community of Dalbarivillage in Barama block of Baksa district in Assam, India // *International journal of research culture society*. 2020. Vol. 4(1). P. 87-91.
272. Tripodi F., Eleuteri S., Giuliani M., Rossi R., Livi S., Petruccelli I., Simonelli C. Unusual online sexual interests in heterosexual Swedish and Italian university students // *Sexologies*. 2015. Vol. 24. P. 84–93.
273. Trivers R.L. Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man 1871–1971* / Ed. B. Campbell. Chicago: Aldine, 1972.

274. Trivers R.L. Parent-offspring conflict // Integrative and comparative biology. 1974. Vol. 14(1). P. 249-264.
275. Uberoi P. Family kinship and marriage in India. Oxford India Paperbacks, 1998.
276. Vidyarthi L.P., Rai B.K. The tribal culture of India. Delhi: Concept Publishing Company, 1977.
277. Vikram K. Early marriage and health among women at midlife: Evidence from India // Journal of Marriage and Family. 2021. Vol. 83(5). P. 1480-1501.
278. Viswanathan B., Sharma V. Socio-economic differences in heights of adult Indian women // Journal of developing societies. 2009. Vol. 25(4). P. 421-455.
279. Walter K.V., Conroy-Beam D., Buss D.M., Asao K., Sorokowsk A.A., Czub M., Frackowiak T., Niemczyk A., Oleszkiewicz A., Pisanski K., Sorokowski P., Aavik T., Akello G., Alhabahba M.M., Alm C., Lindholm T., Amjad N., Anjum A., Atama C.S., Atamtürk Duyar D., Duyar I., Özener B., Ayebare R., Batres C., Bendixen M., Kennair L.E.O., Bensafia A., Bizumic B., Lennard G.R., Mckerchar S.L., Monaghan C., Boussena M., Butovskaya M., Dronova D. et al. Sex differences in mate preferences across 45 countries: A large-scale replication // Psychological Science. 2020. Vol. 31(4). P. 408-423. <https://doi.org/10.1177/0956797620904154>
280. Wiederman M.W. Evolved gender differences in mate preferences: Evidence from personal advertisements // Ethology and Sociobiology. 1993. Vol. 14(5). P. 331-351.
281. Williams G.C. Sex and Evolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975.
282. Xu X., Whyte K.J. Love matches and arranged marriages: A Chinese replication // Journal of Marriage and the Family. 1990. Vol. 52. P. 709–722.

283. Yelsma P., Athappilly K. Marriage satisfaction and communication practices: Comparisons among Indian and American couples // Journal of Comparative Family Studies. 1988. Vol. 19. P. 37–54.

Приложение 1.

Таблица 11. Описательная статистика. Гендерные различия по социокультурным установкам

	пол	N	Mean	SD	t	df	p	95% доверительный интервал	
								пределы	
								нижний	верхний
отношение к раннему браку	м	158	2,823	1,324	-3,344	300,040	0,001	-0,796	-3,344
	ж	145	3,324	1,285					
непослушание мужа	м	159	2,000	0,606	0,673	303,740	0,502	-0,090	0,673
	ж	149	1,953	0,619					
кол-во детей	м	149	1,463	1,142	-1,343	285,755	0,180	-0,437	-1,343
	ж	139	1,640	1,097					
планируемое кол-во детей	м	129	2,039	0,995	0,839	240,938	0,402	-0,135	0,839
	ж	114	1,939	0,865					
оптимальное кол-во детей	м	157	2,331	0,820	0,994	292,763	0,321	-0,085	0,994
	ж	139	2,245	0,679					
отношение к влиянию западной культуры	м	160	2,725	1,121	0,393	306,086	0,695	-0,189	0,393
	ж	149	2,678	0,988					
равные права мужчин и женщин	м	164	1,244	0,497	2,127	312	0,034	0,008	2,127
	ж	150	1,140	0,348					
заработок партнера по отношению к респонденту	м	163	1,503	0,819	4,155	311	0,000 (0,000042)	0,170	4,155
	ж	150	1,180	0,506					
инициатива в поиске брачного партнера	м	156	1,987	0,872	-0,409	292,692	0,683	-0,239	-0,409
	ж	141	2,028	0,861					
поиск брачного партнера через газетные объявления	м	162	2,938	1,073	-1,660	306,588	0,098	-0,443	-1,660
	ж	149	3,141	1,078					

брак ребенка респондента с танзанийцем африканского происхожден ия	м	160	2,581	0,577	-2,276	306	0,024	-,277	-2,276
	ж	148	2,730	0,567					
брак с танзанийцем африканского происхожден ия	м	156	2,654	0,553	-3,315	298	0,001	-0,308	-3,315
	ж	144	2,847	0,448					
знакомство родителей	м	160	1,856	0,500	0,249	305	0,804	-,08791	0,249
	ж	147	1,844	0,383					
знакомство до свадьбы	м	151	1,782	0,901	0,213	289	0,831	-0,200	0,213
	ж	140	1,757	1,045					
период знакомства до свадьбы	м	148	2,128	0,964	1,386	272,493	0,167	-0,067	1,386
	ж	130	1,969	0,948					
сексуальные отношения до свадьбы	м	22	3,227	1,066	-1,224	52	0,227	-0,802	-1,224
	ж	32	3,531	0,761					
возраст вступления в брак у мужчин	м	159	25,629	2,805	-2,219	302,242	0,027	-1,342	-2,219
	ж	147	26,340	2,798					
возраст вступления в брак для женщин	м	158	22,127	2,778	-2,603	302,794	0,010	-1,451	-2,603
	ж	148	22,953	2,771					
возраст брачного партнера	м	159	2,855	0,664	15,459	307	0,000 (2,83 86E- 40)	1,229	15,459
	ж	150	1,447	0,924					
сексуальный опыт	м	159	1,547	0,825	,164	295,588	,870	-,17286	,164
	ж	143	1,532	0,838					
статус касты брачного партнера	м	159	2,233	1,464	3,457	305	0,001	0,231	3,457
	ж	148	1,696	1,238					
социальный статус семьи	м	161	2,801	1,011	3,132	305	0,002	0,135	3,132
	ж	146	2,438	1,017					
предпочтение	м	160	1,638	0,588	-6,052	306	0,000	-0,740	-6,052

места жительства после свадьбы	ж	148	2,196	0,994			(4,16 89Е- 9)		
планируемое место жительство после свадьбы	м	158	1,658	0,562	-4,763	298	0,000	-0,602	-4,763
	ж	142	2,085	0,957			(0,00 0003)		

Условные обозначения: *непослушание мужа* - может ли женщина послушаться своего мужа; *равные права мужчин и женщин* - должны ли мужчины и женщины иметь равные права избираться и быть избранными в правительство; *заработок партнера по отношению к респонденту* - будет ли респондент чувствовать себя хорошо, если его партнер станет зарабатывать больше, чем он сам после свадьбы; *инициатива в поиске брачного партнера* - кто ищет брачного партнера для респондента; *поиск брачного партнера через газетные объявления* - что респондент думает о поиске брачного партнера с помощью газетных объявлений; *брак ребенка респондента с танзанийцем африканского происхождения* – разрешил бы респондент своему ребенку заключить брак с танзанийцем африканского происхождения; *брак с танзанийцем африканского происхождения* – заключение брака респондентом с танзанийцем африканского происхождения; *знакомство родителей* - как родители респондента встретили друг друга; *знакомство до свадьбы* - необходимость знакомства с будущим брачным партнером до свадьбы; *период знакомства до свадьбы* - продолжительность знакомства с будущим брачным партнером перед свадьбой; *сексуальные отношения до свадьбы* - можно ли иметь сексуальные отношения с будущим брачным партнером до свадьбы; *возраст вступления в брак для мужчин* - оптимальный возраст для бракосочетания у мужчин; *возраст вступления в брак для женщин* - оптимальный возраст для бракосочетания у женщин; *возраст брачного партнера* - желание респондента иметь брачного партнера старше, младше себя или ровесника по возрасту; *сексуальный опыт* - важно ли отсутствие сексуального опыта у потенциального брачного партнера; *статус касты брачного партнера* – предпочтение относительно статуса касты брачного партнера (выше, равной, ниже); *социальный статус семьи* – предпочтение относительно социального статуса семьи брачного партнера (выше, равного, ниже); *предпочтение места жительства после свадьбы* – предпочтения места проживания с супругом/ой после заключения брака; *планируемое место жительства после свадьбы* – планируемое место жительства с супругом/ой после заключения брака; *м* – мужчины; *ж* – женщины; *n* – количество респондентов, ответивших на данный вопрос; *Mean* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение; *M* – медиана; *t* – t-критерий Стьюдента для независимых выборок; *P* – уровень значимости; *df* – степень свободы.

Таблица 12. Описательная статистика. Гендерные различия в оценке качеств потенциального брачного партнера

	пол	N	Mean	SD	t	df	p	95% доверитель- ный интервал	
								пределы	
								нижний	верхний
любовь к детям	м	146	1,144	0,423	2,893	283	0,004	0,037	0,193
	ж	139	1,029	0,207					
трудолюбие	м	138	1,717	0,662	2,194	262,429	0,029	0,018	0,338
	ж	128	1,539	0,663					
социальный статус	м	143	1,650	0,684	2,208	276,506	0,028	0,018	0,319
	ж	139	1,482	0,594					
взаимность чувств	м	138	1,529	0,606	0,713	267,975	0,477	-0,091	0,195
	ж	132	1,477	0,586					
финансовая обеспеченнос- ть	м	145	1,814	0,707	4,118	271,828	0,000	0,162	0,459
	ж	139	1,504	0,557					
схожесть жизненных интересов	м	141	1,539	0,592	1,051	273,937	0,294	-0,066	0,218
	ж	136	1,463	0,608					
здоровье	м	146	1,260	0,513	0,478	281,988	0,633	-0,088	0,145
	ж	138	1,232	0,488					
способность к деторождени- ю	м	144	1,396	0,582	1,904	279	0,058	-0,004	0,256
	ж	137	1,270	0,522					
возраст	м	142	1,465	0,626	0,683	274,983	0,495	-0,094	0,194
	ж	135	1,415	0,591					
интеллект	м	142	1,507	0,604	2,062	273	0,040	0,007	0,286
	ж	133	1,361	0,569					
уровень образования	м	145	1,566	0,610	2,402	280,349	0,017	0,032	0,317
	ж	138	1,391	0,609					
хозяйственно- сть	м	145	1,414	0,596	-4,151	280	0,000	-0,488	-0,174
	ж	137	1,745	0,738					
активность	м	145	1,641	0,620	0,997	281,685	0,320	-0,071	0,217

	ж	139	1,568	0,614					
способность постоять за себя	м	145	1,566	0,599	0,665	281,160	0,507	-0,093	0,188
	ж	139	1,518	0,606					
лидерство	м	144	1,6458	0,674	1,088	277,495	0,278	-0,070	0,244
	ж	136	1,559	0,664					
заботливость	м	144	1,257	0,564	1,870	281	0,062	-0,006	0,232
	ж	139	1,144	0,443					
способность быть одному	м	144	1,806	0,751	0,160	274,229	0,873	-0,164	0,192
	ж	134	1,791	0,757					
общительност ь	м	141	1,546	0,649	3,057	276	0,002	0,078	0,358
	ж	137	1,329	0,530					
чувство юмора	м	143	1,427	0,599	1,782	279	0,076	-0,013	0,257
	ж	138	1,304	0,549					
этническая принадлежно сть	м	139	1,604	0,677	0,719	268,551	0,472	-0,102	0,220
	ж	132	1,546	0,670					
склонность к рisku	м	144	1,917	0,734	3,652	275,940	0,000	0,139	0,465
	ж	135	1,615	0,646					
девственност ь	м	133	2,323	0,840	-1,198	251,588	0,232	-0,325	0,079
	ж	121	2,446	0,795					
наличие детей от другого	м	124	2,419	0,808	-0,342	244,388	0,732	-0,243	0,171
	ж	123	2,455	0,842					
вредные привычки	м	137	2,212	0,853	0,142	266,835	0,887	-0,189	0,218
	ж	132	2,197	0,842					
внешность	м	144	1,625	0,646	0,238	269,510	0,812	-0,138	0,176
	ж	132	1,606	0,674					
вес	м	145	1,697	0,660	0,376	275,954	0,707	-0,127	0,186
	ж	135	1,667	0,669					
рост	м	144	1,633	0,645	0,498	273,903	0,619	-0,116	0,195
	ж	135	1,593	0,673					

Условные обозначения: *м* – мужчины; *ж* – женщины; *n* – количество респондентов, ответивших на данный вопрос; *Mean* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение; *M*

– медиана; t – t -критерий Стьюдента для независимых выборок; P – уровень значимости; df – степень свободы.